

В. И. Искрин

**КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

В. И. Искрин

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

СВЕТ

Санкт-Петербург
2023

УДК 159.9
ББК 88.2
И86

Искрин В. И.
И86 Коммунистическая революция. — СПб. : Свет, 2023. — 204 с.

ISBN 978-5-9076-8504-8

К сожалению, так уж сложилось, и это характерно не только для обществоведения, исследователи, практически поголовно занимаясь частными вопросами, в массе своей совершенно не стремятся поднять общие, основополагающие. В результате такой — узкий — подход зачастую оборачивается превратным пониманием исследуемой частности.

Автор, как в данной книге, так и в других своих работах, совершенно не склонен придерживаться этой пагубной традиции. Взяв в качестве объекта исследования коммунистическую революцию (вы слышали о такой?), он рассматривает её только и только в составе истории человечества. Такой — широкий — подход позволяет подстрелить сразу двух зайцев — сформировать основы теории коммунистической революции и основы теории общественного развития. Несмотря на то, что книга является научным трудом, делается это непринуждённо, в диалоге с читателем, без заумной терминологии.

Книга будет понятна не только специалисту-обществоведу, но и любому более или менее образованному читателю, не имеющему специальной подготовки.

УДК 159.9
ББК 88.2

ISBN 978-5-9076-8504-8

© В. И. Искрин, 2023
© Издательский центр «Свет», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок лет назад, расположившись за тем же столом, что и сейчас, в уголке чистого листа я поставил цифру «1» и вывел название, возможно, благодаря которому эта книга привлекла ваше внимание, читатель.

Через год «Коммунистическая революция» была закончена и... со стола перекочевала в стол. В то время, в начале 80-х, об издании работы, представлявшей собой, мягко говоря, отступление от «генеральной линии», не могло быть и речи. Тогда «отступников» было принято «перевоспитывать» в изоляции от общества.

Должен сказать, что «отступничество» моё было не совсем обычным. Блюстители идейной чистоты, увлечённые отловом прозападных диссидентов-демократов, наверное, были бы немало озадачены, попадись в их сети инакомыслящий марксист (так я был назван в одной статье, опубликованной в мае 1990 г. в «Комсомольской правде»).

«Перевоспитания» в местах не столь отдалённых мне удалось избежать. Оказаться же там можно было проще простого. Ведь стержнем моей работы со студентами была концепция общественного развития, изложенная в «Коммунистической революции» (о существовании такой работы я ни разу не позволил себе проговориться). До сих пор удивляюсь, как могло случиться, что за многие годы моей леводиссидентской пропаганды в студенческих аудиториях (с конца 70-х гг. до перестройки) меня никто не выдал.

На моих занятиях часто студентов оказывалось больше, чем значилось в списке группы или потока. Такое, как выражались мои коллеги, переманивание студентов, понятно, било по их преподавательскому самолюбию. Что-то о моём «переманивании» просачивалось на кафедральный и институтский верх. Начальство реагировало на жалобные сигналы.

Несколько раз дело принимало более или менее серьёзный оборот. Заведующий кафедрой заводил меня за шкаф, который называли ритуальным (там решалась судьба преподавателей, чем-то

выделявшихся на общем сером фоне), делал очередное китайское предупреждение и «по-дружески советовал» поискать другую работу. А однажды ворвавшись в аудиторию, вытащил меня в коридор и ни слова не говоря, вцепившись мёртвой хваткой под локоть, притащил на заседание тройки (зав, парторг и профорг). Только там он раскрыл рот и с натугой выдал: что же такое ты им всё-таки говоришь?

Со временем я понял, что разного рода выволочки способны лишь подпортить настроение. Реальной опасности они не представляли. Сор из избы институтские начальники выносить не собирались. Я ведь представлял собой угрозу их, пригревших «ре-визиониста», безбедному существованию.

Уважаемый читатель, не подумайте, что о своей востребованности студентами я говорю бахвальства ради. Своими воспоминаниями о преподавательской работе я делюсь с вами прежде всего для того, чтобы показать, что труд, казалось бы, лежащий в ящике стола мёртвым грузом, на самом деле способен ещё как эффективно работать. Думаю, я не раскрою большого секрета, если скажу, что эпистолярная работа над любыми проблемами неизмеримо продуктивнее, чем, так сказать, безбумажное продумывание. Без работы, написанной в стол, я бы не был так вооружён на своих лекциях и семинарах.

«Коммунистическая революция», перевязанная бечёвкой, лежала в столе, я работал, Черненко умер, близились перемены.

Рано или поздно из партийных верхов должна была снизойти новая, более радикальная, версия хрущёвской оттепели.

Действительно, перестройка, поначалу робкая, набирая обороты, позволила на некоторое время забыть о единомыслии, всяческих административных запретах, политической и идеологической цензуре, позволила затаившимся исследователям выдвинуть ящики столов и достать из них ждущие своего часа пожелтевшие страницы. На короткое время, как и в период двоевластия 1917 года, Россия стала самой свободной страной мира (Россию периода двоевластия самой свободной страной мира назвал Ленин).

Со своей рукописью я пошёл во взбудораженный перестройкой Ленинградский обком ВЛКСМ, на площадках которого читал лекции, участвовал в дискуссиях, работал в школе комсомольского актива «Лидер», вместе с левоориентированными аппаратчиками писал так и несостоявшуюся Программу Коммунистического Союза молодёжи.

Прямо при мне на титульном листе рукописи было начертано «В печать и в свет», поставлена подпись одного из секретарей Обкома и приложена обкомовская печать. Вы понимаете, читатель, какие чувства испытывает автор ещё не вышедшей, но уже одобренной издательством книги.

Однако, как говорится, недолго музыка играла. «Коммунистическая революция» вернулась в свой ящик.

Сейчас, когда я поднимаю в памяти события тех дней (с рукописью я пришёл в Обком в мае 1990 г.), мне кажется, что принеси я свою стопку листов на неделю-другую раньше, книга увидела бы свет. Но я опоздал. Поезд перестройки социализма уже переходил на путь, ведущий к капитализму.

Дикий капитализм всё более и более активно и неотвратимо обволакивал страну. В народе это ещё явно не ощущалось. А вот для функционеров, бюрократов и руководителей различного профиля и ранга капитализм стал уже практически свершившимся фактом. Левая группировка обкомовцев была отодвинута, она поубавилась в числе и её остатки рассосались. Верх взяли умельцы менять коммунистические пиджаки на демократические (о таком «переодевании», имея в виду прежде всего себя и несколько при этом не смущаясь, говорил бывший «верный ленинец» Ельцин). Моя левая работа опять, как и в годы застоя, стала левой в другом смысле.

С 1990 года до сей поры прошло три десятилетия. Почему за эти годы я не откликнулся на достаточно частые требования товарищей, благо такая возможность появилась, издать «Коммунистическую революцию»? Потому что работа устаревала от года к году, от месяца к месяцу. Написанная в годы застоя, в изменившейся и динамично меняющейся обстановке она требовала весьма существенных корректив, тем больших, чем больше пищи для размышлений и выводов давали новые мировые и российские реалии. С ходом времени я стал всё более и более склоняться к мысли, что работу нужно писать заново. Что я и делаю. Так что, читатель, вы открыли «Коммунистическую революцию 2». Может быть, и прописавшаяся в столе «Коммунистическая революция 1» будет когда-то издана. Впрочем, полагаю, она будет интересна разве что историку общественной мысли.

Дотошный историк без труда обнаружит, что за годы, прошедшие с момента написания «Коммунистической революции 1» изменились не только некоторые авторские оценки и выводы, но

изменились авторский подход и сам автор. Укажу на главную, на мой взгляд, авторскую метаморфозу.

Известно, что одним из обязательных условий успеха на научном поприще является критичность и самокритичность исследователя. Смело могу сказать, что за пять с лишним десятилетий своих научных изысканий это условие я старался блюсти как можно более усердно. За одним, правда, как многим в былые годы казалось, само самым разумеющимся исключением. Для меня, и, повторю, в этом я не одинок, вне критики оставались классики марксизма.

Неужели они безгрешны? Я говорю не о чём-то в их творчестве незначительном, сиюминутном, тактическом, а о существенном, основополагающем.

Новая действительность, раскрепостив исследователя, заставила посмотреть на классиков не как на небожителей, а как на смертных, которым свойственны увлечения, заблуждения и ошибки. Да, они ошибались (ловлю себя на мысли, что легко бросать упреки с позиций сегодняшнего дня). О главной ошибке Маркса и существеннейшем изъяне марксизма мы обязательно будем говорить, читатель. Разумеется, говорить не голословно, не по-критикански, а аргументированно, доказательно.

Перефразируя известное изречение, скажу: Маркс, Энгельс, Ленин для меня авторитеты, но истина дороже.

Будучи, извините за нескромность, невольником истины и по сему будучи вынужденным критиковать Маркса, я тем не менее считаю себя марксистом. Марксизм ведь — не только трактовка вещей и явлений, не только обобщения и выводы. Марксизм — ещё и метод, который позволяет, более того, заставляет трактовки, обобщения, выводы, даже глыбы теории дополнять, корректировать, изменять. Марксизм вне собственного развития немислим. Между прочим, основоположники марксизма именно так понимали систему своих взглядов. Видные представители следующей генерации теоретиков и революционеров — Плеханов, Ленин, Троцкий, Зиновьев, Либкнехт, Люксембург — также считали развитие теории ядром марксизма.

Что касается эпигонов (от недоучки Сталина до остепенённых Пономарёва, Федосеева, Митина, Шахназарова, Бутенко, Косолапова и прочих), они лишь славословили развитие теории и под маркой её развития, скажу прямо, своим скудоумным бредом и беззастенчивыми подтасовками, будь то «переходный период от капи-

тализма к социализму», «необоримость социализма», «построение коммунизма в одной, отдельно взятой стране», «развитой социализм», «общенародное государство», «одноклассовое социалистическое общество» и т.д. и т.п., основательно замарали марксизм. Придётся нам, уважаемый читатель, разгребать эти не имеющие ничего общего с марксизмом замаскированные под науку завалы. Это, на мой взгляд, имеет смысл постольку, поскольку на будущих волнах коммунистической революции теоретическое бессилие может опять оказаться на плаву.

Таким образом, нам придётся придерживаться двух линий. Наряду с позитивной работой мы уделим внимание, хотя это нельзя отнести к разряду приносящего удовлетворение, и очищению марксизма от псевдотеоретического мусора.

И ещё два замечания в заключение Предисловия.

Опыт показывает, что книга объёмом в триста и более страниц скорее отталкивает потенциального читателя, чем привлекает, особенно в наше время, когда клиповое мышление и соответствующее ему чтение стремительно замещают собой вдумчивую работу над текстом. Поэтому попытаюсь уложиться в обозначенный мною лимит. А это означает, что текст будет насыщен материалом, требующим определённой умственной работы и не подходящим для диванного усвоения.

Что касается формы изложения, я буду придерживаться канона, устоявшегося в моих прежних работах. Книга будет разбита на небольшие главы, завершением каждой из которых станет подведение её итогов. Итоги будут выделены полужирным курсивом.

Видимо, в Предисловии я сказал всё, что необходимо читателю для завязывания знакомства с автором. Более тесно мы познакомимся, уважаемый читатель, по прочтении вами книги.

Вдумчивого чтения.

7.12.2020. В. Искрин
e-mail: iskrin@narod.ru

ГЛАВА I

ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Название книги, к чтению которой вы приступили, заставляет думать, что речь в ней пойдёт о революции.

Да, действительно это так, уважаемый читатель. Нам предстоит исследовать социальную революцию, возможно, с не очень понятным для вас названием. Понимание названия и сущности коммунистической революции вскоре придут. А сейчас, в этой главе, мы решим, не напрасно ли мы взялись за дело. Может быть, революция (коммунистическая или любая другая) не является обязательным компонентом истории, возможно, революция представляет собой некий исторический нонсенс, отступление от нормы прогрессивного движения общества или, в конце концов, являет собой злостный эксперимент, разжигаемый «нехорошими людьми»?

Вы, конечно, понимаете, что я отрицательно отвечаю на этот вопрос. Но сегодня наберётся немало людей, в том числе и в научном мире, которые без колебаний скажут вам «да».

Чем можно подкрепить ответ «нет»? Вы, наверное, подумали: конечно же, обращением к истории, в которой мы без труда найдём сотни революций. Обычно так защищают революцию люди, не считающие её ненормой. На что неприятели (от слова «неприятие») революции, как правило, отвечают: плохих людей (или чего-то ещё, что разжигает революцию) всегда было достаточно. Легко понять, что спор с такими аргументами не закончится победой одной из сторон. Как сторонники революции, так и противники, останутся при своём мнении.

Для победы сторонникам революции нужна более сильная аргументация. Скажу больше. Желательно, чтобы аргументация сторонников была абсолютной по своей силе.

Такая аргументация существует, и мы ей займёмся. Но прежде я расскажу вам об одном случае, являющемся, на мой взгляд, не плохой иллюстрацией рассматриваемой в данной главе темы.

Как-то во втором часу ночи я был разбужен телефонной трелью. Из трубки изливался словесный поток, который практически лишил меня возможности что-либо в него вставить. В монологе напористой дамы мне несколько раз удалось уловить слова «редакция», «журнал», «статья», «эволюция», «революция», «три страницы». Подумав, что меня «критикует» недовольная какой-то моей статьёй читательница, я нажал «отбой», повернулся на другой бок и стал досматривать прерванный сон.

Утром профессиональный интерес (один из моих дипломов — психологический) побудил меня узнать, кого же я довёл до жизни такой. Номер звонившей остался во входящих звонках моего телефона. Я позвонил.

Утреннее общение оказалось продуктивнее ночного. Выяснилось, что мне звонила редактор только что созданного журнала с предложением написать статью для первого номера. Дама, напор которой несколько поубавился, тоном, не терпящим возражений, сказала, что я должен (именно так!) к такому-то часу явиться по такому-то адресу.

Предположив, что сотрудничества у нас не получится, я тем не менее согласился «явиться». Мне хотелось посмотреть на эту бесцеремонную обладательницу суперавторитарной психики.

Редактор, не предложив мне сесть, сразу взяла быка за рога. Тем же тоном, что и по телефону, она объявила, что я должен написать статью, что название уже готово и что, если статья окажется большой, она сократит её до трёх страниц.

Но это ещё не всё. Дальше последовала конкретизация вводной. В статье под названием «Эволюция или революция» я должен был, во-первых, написать, что революции происходят из-за происков каких-то самолюбивых, маниакальных и желающих выделиться личностей и, во-вторых, показать, как можно и как надо не допускать революции.

Видимо, после редакторской тирады я должен был согласиться.

Ну, если женщина хочет... Я не стал перечить и выступил с встречным предложением, касательно сокращения объёма статьи. Я предложил сократить статью на два печатных знака, заменив в заголовке союз «или» на «и». В ответ на вопрос «почему?» я изложил строгой даме то, что об обязательности революций сообщу сейчас вам, читатель.

После моего изложения последовали обвинения в марксизме в мой адрес, и я вынужден был во избежание рукоприкладства, разумеется, не с моей стороны, ретироваться.

Вы спросите, уважаемый читатель, какой журнал привлекла моя персона? У меня в памяти не сохранилось его название. Кажется, он почил после второго номера. А об обладательнице, скажу помягче, неординарной психики я больше не слышал. И не интересовался, как и с чьей подачи редактор набирала авторов для своего эфемера.

Однако вернёмся к теме главы. Мы отвлеклись на зарисовку из жизни, подойдя к вопросу о наисильнейшей аргументации необходимости революций. Продолжим тему.

В школе все мы узнали о существовании аксиом — положений, принимаемых без каких бы то ни было доказательств. Наверняка источником такой информации был учитель математики.

Но без аксиоматики, о чём многие не подозревают, не обходятся и другие науки.

Имеются аксиомы и у философии, которой мы вообще-то занимаемся. Именно с философской точки зрения, т.е. со стороны не зачастую случайных частных, а наиболее общих, существенных и имманентно присущих характеристик нас интересует революция.

Для тех, кто забыл, напомним, что философия представляет собой науку, изучающую наиболее общие законы развития природы, общества и познания. Такое определение вы найдёте в философском словаре. В плане комментария замечу, что общество и познание можно и убрать из определения, ибо общество является частью природы, а познание — в конечном счёте её порождением. Но, как говорится, для полноты картины лучше эту дополнительную парочку оставить.

Философия является наиболее фундаментальной, в известном смысле первичной наукой, и её аксиомы также первичны. У нефундаментальных наук аксиомами могут быть доказуемые на уровне более общих дисциплин положения. Покажу это по возможности наглядно.

Скажем, для литературоведения существование языка является не требующей доказательств данностью, тогда как обществоведение в его антропологическом преломлении задаётся вопросом «почему и как появился язык?». Для антропологии аксиоматичным является существование жизни, но биология, поднимая вопрос «как возникла жизнь и что это такое?», аксиомой жизнь изучаемых

ею существ не считает. Будучи фундаментальной наукой, свою аксиоматику она связывает с бытием косных, неживых форм материи. Здесь, если можно так выразиться, аксиоматическая эстафета передаётся философии. Философия в поисках своих аксиом заглядывает ещё глубже.

Каковы же самые фундаментальные — философские — аксиомы? Их две. Первая проста и бесхитростна. Вторая по своей конструкции сложнее. Она представляет собой, можно сказать, расшифровку первой.

Первая, первичная аксиома утверждает: материальный мир объективно существует.

[В скобках замечу (этот абзац вы можете пропустить, читатель), что существование материального мира признаёт и религиозная философия. Однако для неё существование мира не является аксиомой. Первичной аксиомой теологии служит наличие духа, витающего над бездной, абсолютной идеи, кого-то или чего-то творящего, словом, того, что даже в виде гипотезы не пришить к науке.]

Вторая аксиома материалистической философии видит существование мира не абстрактно, а в его конкретной реализации. Она гласит: генеральной формой существования мира является развитие, представляющее собой последовательную прогрессивную (от менее сложных к более сложным) смену конкретных форм, происходящую на основе характерных для них постоянных и плавных количественных изменений, приводящих к более или менее резкому становлению нового качества (появлению новой формы).

Вы спросите: где же в этой формулировке социальная революция? Приглядитесь, читатель, распакуйте формулировку и вы поймёте, что таковой (т.е. революцией) является, как я выразился, резкое становление нового качества (то, что я назвал резким становлением, в философии ещё именуется скачком и (или) перерывом постепенности).

Такой алгоритм развития обусловлен устройством мира (здесь я возвращаюсь к первой аксиоме; ведь существование мира и его устройство в известном смысле тождественны). Всё и вся во Вселенной, без единого исключения, в своём развитии подчинено этому алгоритму.

Развитие, о чём свидетельствует многомиллиардная история нашего — вселенского — мира, не имеет иного алгоритма своей реализации.

Ничто не мешает нам, разумеется, мысленно, выйти за пределы вселенского мира. Думаю, и там, где имеет место развитие, мы обнаружим тот же механизм его реализации. Для такого предположения имеются определённые основания.

Такая вот — правда, неожиданная? — аргументация необходимости революций. Более сильной аргументации не существует.

Если вы, уважаемый читатель, являетесь приверженцем революции и на вас ополчится её противник, можете не вступать с ним в полемику. Отсылайте для спора его сразу к наивысшим авторитетам — развитию, алгоритму его реализации и устройству мира.

Только из гуманных соображений предостерегите неприятеля от гласного спора с этими в высшей степени абстрактными и неодушевлёнными авторитетами. В противном случае он рискует узнать, как... выглядел Скворцов-Степанов. В заведении имени этого деятеля висит его портрет. Для тамошнего медицинского персонала мне довелось читать лекции по психиатрии.

Такое предостережение в запале я высказал редакционной даме. Вот, после этого, не имея возможности подвести итоги сказанному о необходимости революции, я и был вынужден спастись бегством. Мы же с вами, уважаемый читатель, эти итоги можем совершенно спокойно подвести.

Что же мы выяснили?

1. Социальные революции представляют собой необходимый компонент общественного развития. Необходимость революций вытекает не только и не столько из практики мирового развития. В основе своей она определяется устройством материального мира, свойственным материальному миру характером развития — алгоритмом его развития.

2. Опора на перечисленное в последней фразе первого пункта обеспечивает наисильнейшую аргументацию необходимости революций.

Отрицание такой аргументации ради невнятных деклараций о случайности и (или) необязательности революций по сути дела равнозначно отрицанию развития и его алгоритма, несогласию с устройством мира (а такое возможно?) и, в конце концов, отмене его существования.

3. Наполнением общественного (как и всякого другого) развития служат не только революционные, но и эволюционные

компоненты. Прогрессивное движение немыслимо и неосуществимо как без одного, так и без другого.

Формула «эволюция и революция» обнаруживает думающего человека, формула «эволюция или революция» является меткой обывателя.

В этой главе мы определились только с объективной неизбежностью революций, обусловленной алгоритмом развития мира. В дальнейшем, где прямо, где опосредованно, внимание будет уделено и объективной обусловленности более низкого порядка и, поскольку историю делают люди, конечно же, субъективной обусловленности.

ГЛАВА II

СТРУКТУРА ИСТОРИИ

Опираясь на алгоритм развития материального мира, мы узаконили революцию в качестве необходимого компонента общественного (и любого иного) прогресса. Теперь без каких бы то ни было опасений мы можем заняться предметом нашего исследования — коммунистической революцией.

Первым шагом на этом пути будет определение её исторического места. Полагаю, уважаемый читатель, вы не будете против, если попутно мы решим и некоторые другие задачи.

Чтобы серьёзно говорить о месте чего-то в истории, необходимо иметь адекватные представления о той исторической полосе, где это «что-то» наличествует. Поскольку предметом нашего интереса является грандиозное, для уяснения места коммунистической революции мы должны развернуть не какую-то часть истории, а всю историю человечества, от начала и до конца, причём, ибо мы ищем место для революции, развернуть не как нечто монотонное и однообразное, а как имеющее свойственную прогрессирующему человеческому обществу структуру. Иначе говоря, нам надлежит дать научную периодизацию истории и на стыке каких-то её эволюционных компонентов обнаружить место коммунистической революции.

Здесь я ненадолго приостановлюсь и подожду вашей реакции, читатель... Могу предположить, что мои претензии на создание периодизации заставят вас поставить вопрос: а разве нет периодизации истории человечества?

Такой вопрос мне задавали неоднократно. И каждый раз это была своего рода подколка. Ибо у задающего вопрос уже был готов следующий: а как насчёт пятёрки общественно-экономических формаций Маркса?

Да, такая последовательность, членами которой являются первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм существует (и не только в литературе, но и в реальной действитель-

ности). Однако меня, в качестве научной периодизации, эта цепочка совершенно не устраивает. А Маркс... Маркс, в трудах которого многократно упоминаются перечисленные формации, никогда составленную из них цепочку периодизацией человеческой истории не называл и, думаю, не считал. Имя Маркса, и это понятно, просто приросло к цепочке.

Почему пятёрка как периодизация меня не устраивает? Я удовлетворю ваше любопытство. Но сначала и для этого познакомлю вас с некоторыми событиями и вехами своего жизненного пути. Наверное, пяти из огромного множества для решения поставленной в главе задачи, а ей (задачей) является структурирование истории, будет достаточно.

Как-то в возрасте лет четырёх я уронил на асфальт мороженое, и мне купили новое.

Образование я получил в одной из лучших школ города и в Ленинградском государственном университете.

Во время службы в армии, летая на стратосферном самолёте (в качестве прибориста), я неоднократно имел удовольствие днём, при ярком солнце, любоваться звёздами на фиолетовом небе и пребывать в невесомости, когда самолёт делал «горку».

Однажды метрах в пятидесяти от меня дорогу перебежала лиса.

Недавно в электричке я не убрал за собой рекламную газетку, на которой сидел.

Всё перечисленное действительно имело место. А теперь представьте, что, вознамерившись на старости лет писать мемуары, каждому из пяти пунктов я бы посвятил полновесную главу. Что бы вы сказали, уважаемый читатель? Наверное, что впавший в мажор мемуарист разучился различать вещи по их значимости.

Так вот, цепочка, составленная из пяти названных формаций, имеет тот же, мягко говоря, изъян, что и, к счастью, всего лишь вымышленные мною мемуары. Формационная пятичленка включает в себя исторические эволюционные образования, несопоставимые по своей значимости (неважно, что несопоставимые не столь кричаще, как перечисленные в моей гротескной зарисовке). Крайние члены формационной пятичленки явно перевешивают по своей значимости любую эксплуататорскую формацию из срединной тройки.

Разбивка истории на пять подразделений верно отражает рядоположенность исторических эпох, но неверно — структуру истории.

Рядоположение и структурирование (составление научно выдержанной периодизации) — совершенно различные вещи.

Что нам делать в такой ситуации? Поскольку нам требуется дать научную периодизацию человеческой истории, мы должны найти критерий периодизации, применение которого преподнесёт нам не просто расчленённую историю, а расчленённую на эволюционные компоненты равной значимости.

Найти такой критерий не составляет большого труда. Он, что называется, лежит на поверхности.

Таким критерием является противоположность эволюционных компонентов, причём, противоположность сущностного порядка, по основным параметрам.

Приложив такой критерий, мы получим историю, состоящую из трёх членов-формаций (членов-мегаформаций). Это — первобытность (первобытный коммунизм), период эксплуатации и коммунизм. Совершенно очевидно, что второй член так нарезанной истории противоположен первому, а третий — второму (я уж не говорю, что коммунизм воспроизводит свой первобытный аналог на более высоком уровне).

Возьмём эксплуататорское общество. В главном оно характеризуется разделением труда, товарным производством, денежным оборотом, собственническими отношениями, наличием классов и государства, социальным неравенством, эксплуатацией, моногамной семьёй (таковой является не семья, состоящая из одной женщины и одного мужчины, а семья, в которой женщина или женщины порабощены мужчиной или мужчинами)... Ничего из перечисленного вы не найдёте ни в первобытном коммунизме, ни в его высокоразвитом аналоге.

Вот мы и подошли к историческому месту коммунистической революции. Теперь ясно, где эта революция располагается. Коммунистическая революция, как и любая другая, имея определённую длительность, лежит на стыке второго и третьего периода человеческой истории. Она служит переходом (является революционным переходом) от эксплуататорского строя к его противоположности, коммунизму.

Последняя фраза высветила и выраженную словом «переход» историческую функцию коммунистической революции. Исторической функцией этой революции является перевод общественной системы на качественно иную, противоположную старой, новую, более высокую ступень развития.

Аналогичную функцию выполняет и революция, находящаяся на стыке первобытности и эксплуатации. Наречём её, как и коммунистическую, по названию утверждаемого ей строя — эксплуататорской.

Вообще, надо заметить, что наделение чего бы то ни было названиями — дело не произвольное. Не буду объяснять, поскольку думаю, что вы вполне можете самостоятельно разобраться в этом вопросе, почему революцию следует называть не, как это принято, по её движущим силам, а по имени утверждаемого ею строя (между прочим, читатель, в этой фразе для вас спрятана подсказка).

Итак, мы разметили историю общества. Она состоит из трёх грандиозных периодов и двух столь же грандиозных смыкающих и размыкающих их революций (правда, открытым я оставил вопрос о начале и конце истории). Нами определено историческое место коммунистической революции и её историческая функция.

Казалось бы, дело сделано, план главы выполнен.

Да, но точку здесь ставить ещё рано.

Ведь вы совершенно резонно можете поставить вопрос: а где же мы разместим рабовладельческую формацию, феодальную и капиталистическую? Думаю, поставив такой вопрос, вы сами на него и ответите. Вместилищем данных формаций и привязанных к их смене революций служит эксплуататорский период.

В рамках первобытного периода также можно найти определённые подпериоды — формации и революционные переходы. Но их обнаружение не лежит в русле нашего исследования.

Известно, что наглядность способствует пониманию и усвоению материала. Поэтому наработки настоящей главы я соберу в картинке, на которой грандиозные революции (эксплуататорскую и коммунистическую) обозначу звёздочками, а менее значимые и не приводящие к столь крутой смене качества (феодальную и капиталистическую) — кружками. Первобытность и коммунизм останутся у нас неразмеченными (рис. 1).

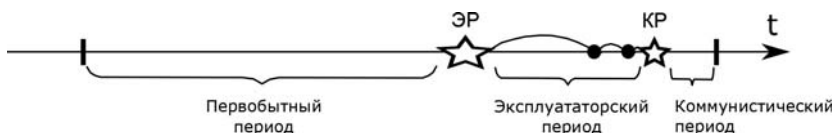

Рис. 1

Вы видите, уважаемый читатель, что эксплуататорский период вышел у меня короче первобытного, а коммунистический — короче эксплуататорского. По своей длительности различаются и революции-звёздочки. Таково проявление (действующего не только в обществе) закона ускорения истории. С этим законом мы ещё столкнёмся.

В действительности первобытный период намного длительнее, чем я смог показать на рисунке. По своей продолжительности он раз в двадцать превосходит период эксплуатации. Что касается длительности коммунизма, о ней мы будем говорить особо. Пока же удовлетворимся той, приоткрою секрет, весьма условной длительностью, что мы имеем на картинке.

В заключение должен сказать, что «конструируя» научно выдержанную периодизацию человеческой истории, я работал не на пустом месте. В свой актив я могу занести лишь придание законченности и строгости наработкам Маркса¹, а также ряда исследователей середины и конца прошлого века, прежде всего Меликишвили, Поршнева, Бородая, Келле, Плимака, Ковальзона (в более близкое к нам время ничего путного по поднятой в этой главе проблематике, на мой взгляд, не появилось).

Вот здесь под главой мы можем подвести черту.

Результат сделанного можно было бы выразить одной фразой: определив место коммунистической революции, мы решили задачу, поставленную в начале главы. Однако, поскольку сделанного больше, я предпочту разложить итоги по полочкам.

1. Отвергнув являющуюся по сути дела рядоположением пятичленную «периодизацию», мы разбили историю человечества на три периода — первобытный, эксплуататорский и коммунистический.

Эта периодизация, ибо она опирается на единственно приемлемый для членения человеческой истории критерий, является, в отличие от отвергнутой, строго выдержанной в научном отношении.

2. На стыке эксплуататорского периода и коммунистического нашла своё место являющаяся переходом к коммунизму (в этом состоит её историческая функция) коммунистическая революция.

¹ См., например: К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. Засулич. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 400–421.

Наряду с определением исторического места коммунистической революции была обозначена и историческая дислокация (читайте между строк: и историческая функция) других встретившихся на нашем исследовательском пути революций.

3. «Действующим лицам» данной главы, как эволюционно-го, так и революционного свойства, были даны соответствующие их сути наименования.

Особо подчеркну, что названиями были наделены те революции (эксплуататорская и коммунистическая), которые, во-первых, максимально значимы для прогрессирующего человечества и, во-вторых, как это ни парадоксально, до сих пор не замечались исследователями.

4. Резонно поставить вопрос: может быть, по части периодизации истории не стоило ломать копья, возможно, вне рамок марксизма (с его формационным подходом к историческому процессу), скажем, на Западе найдётся адекватная истории периодизация? Нет. Это в принципе невозможно.

Буржуазное обществоведение, на мой взгляд, бессильное само по себе, имея по сути дела классовые противопоставления к выяснению сущности исторического процесса и его объективной направленности, должно было и смогло вместо периодизации создать всего-навсего её бессодержательную (но наукообразную) видимость, будь то «теория цивилизаций» (так называемый цивилизационный подход), «доиндустриальное общество» — «индустриальное общество» — «постиндустриальное общество», «информационное общество»...

Приходится констатировать: «научное сообщество» новой, буржуазной России, не приемлющее марксистский формационный подход к истории (на самом деле начало формационной теории было положено не Марксом и Энгельсом, а французскими просветителями), не могло не принять названных (и прочих) западных «научных ценностей».

ГЛАВА III

СОРАЗВИТИЕ НАРОДОВ

В предыдущей главе история человечества предстала перед нами как сухая, можно даже сказать, безжизненная абстракция. В стороне остались люди, их группы, организации, различные сообщества.

Для начала исследования такой взгляд на историю не только допустим, но и единственно возможен. Задел работы не мог быть иным. Любое добротное научное исследование подчинено такой логике.

Когда «сухой задел» создан, та же логика требует, если можно так выразиться, расконкречивания абстракции. Видимо, мы, уже в этой главе, подошли к такому рубежу.

Первым нашим шагом в исследовании коммунистической революции было создание периодизации человеческой истории и определение исторического места и функции этого грандиозного социального перелома (коммунистической революции). Решив поставленные задачи в абстрактном плане, теперь мы можем приступить, как я выразился, к расконкречиванию имеющегося у нас «сухого задела». Каким образом? Я уже дал понять, что на наше исследовательское поле заступит субъект истории. Да, заступит, но это будет не отдельный человек или, скажем, группа уровня класса, а народ, точнее, народы, из которых состоит человечество. Речь у нас пойдёт о соразвитии народов в ходе человеческой истории. Взгляд на историю с такого ракурса позволит нам обогатить наши представления о структуре истории, месте и функции коммунистической революции.

Нашу планету населяло раньше и населяет сейчас весьма значительное число народов. Народы отличаются, зачастую, очень существенно, один от другого. Чем отличаются? Как вы думаете, читатель? Языком, культурой, манерой общения, темпераментом, психическим складом, уровнем развития, традициями, исторической памятью... Вы согласны?

Этот перечень можно увеличить в несколько раз. Но нам достаточно и краткого варианта, чтобы назвать то основное в характеристике любого народа, тот главный «различитель» народов, который

нам, интересующимся соразвитием народов при «расконкречивании» нашей абстракции понадобится. Как вы догадываетесь, уважаемый читатель, это главное присутствует в перечне. Подумайте, что больше подходит для сравнения народов.

Подумали? Если главным «различителем» вы считаете уровень развития, могу вас поздравить. Вы совершенно правы.

Эту характеристику отдельно взятого народа через некоторое время мы возьмём в оборот. Сначала же мы посмотрим, как изменяется уровень развития всего человечества в ходе его прогрессивного исторического движения (рис. 2).

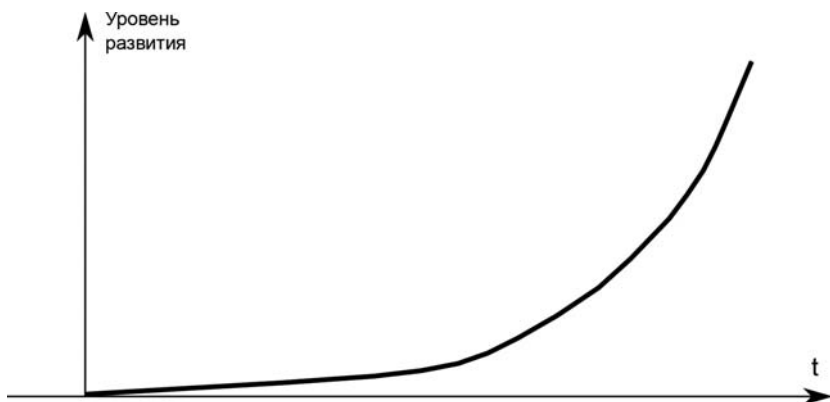

Рис. 2

Как видите, человечество развивается, ускоряясь, если пренебречь математической строгостью суждений, можно сказать, что оно развивается по экспоненте (с ускорением истории мы встретились в предыдущей главе). Разумеется, мы видим это, глядя не на картинки, а оглядываясь на практически стотысячелетнюю историю человечества.

На следующем графике я покажу развитие не человечества, взятого в целом, а человечества, состоящего из народов. Вы считаете, что это будет множество кривых, каждая из которых явится отражением движения отдельного народа? Нет, такой педантизм нам не нужен. Да он и неосуществим, хотя бы потому, что народы в ходе истории формируются и бесследно исчезают, сливаются, завоёвываются, мирно поглощаются.

Я ограничусь двумя кривыми.

Верхней кривой я обозначу историческое движение некоего условного авангардного народа. Почему условного? Потому что народа, находящегося на протяжении всей истории в авангарде, не существует. В ходе истории эстафета прогресса не раз переходила от одного народа к другому.

Нижней кривой у нас будет обозначено движение наиболее отсталого народа. Не исключено, что такой народ, и не один, найдётся в арьергарде современного человечества.

Что же у нас получится? Я вынужден выговорить опять противную математическому уху вещь. У нас получится, с позволения сказать, вздутая экспонента.

И это не беспредметный экзерсис, не продукт, как это иногда бывает, бездумного вычерчивания каких-то линий или фигур. Такой, в графическом исполнении, предстаёт перед нами человеческая история, наблюдаемая с обозначенного в четвёртом абзаце главы ракурса.

Теперь начинается самое интересное — разметка нашей вздутой экспоненты, деление её на уже известные нам (найденные в предыдущей главе) части. Признаюсь, что впервые «разделав» разбухшую экспоненту (это произошло на одном семинарском занятии), я был очень удовлетворён (рис. 3).

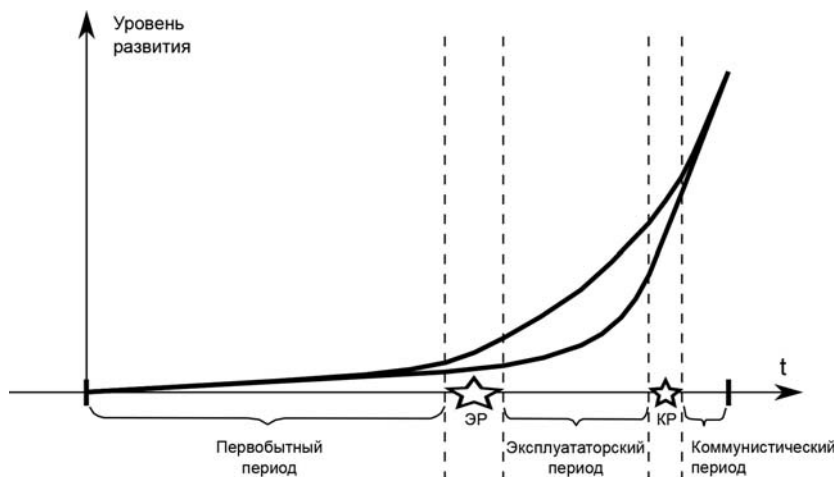

Рис. 3

Что нового даёт нам эта картинка (в которой я использовал те же обозначения, что и в рис. 1)? Пойдём от нуля человеческой истории.

Мы видим, что части-народы первобытного общества (тогда в форме рода и племени), малочисленного и разрозненного, которое лишь формально является человечеством, представляют собой выравненный в плане уровня развития планетарный социум.

Так ли это в действительности? Не противоречит ли тогдашнему бытию наш рисунок? Нет, нисколько. Рисунок ведь является отражением и выражением бытия, а ни в коем случае не наоборот. Вся графика, как на прочитанных вами страницах, так и дальше, выведена из жизни.

Далее, по ходу времени, вслед за первобытностью, располагается эксплуататорская революция (ЭР). Рисунок демонстрирует её историческую функцию. Что «делает» эксплуататорская революция? В ходе своего продолжавшегося несколько тысячелетий течения она разводит народы (находящиеся в это время уже на стадии союза племён). А по завершении эта революция «делает» части-народы общества (всё ещё формально, хотя уже и в меньшей степени, являющегося человечеством) совершенно явно различающимися по уровню их развития. Первые классовые общности людей в это время омываются первобытным морем народов.

Выясняя историческую функцию эксплуататорской революции, мы ненароком заглянули в начало эксплуататорского периода человеческой истории. Этот период весьма интересен в плане соразвития народов. В продолжение «работы» «разметателя» человечества, которым («разметателем») является эксплуататорская революция, на эксплуататорском отрезке происходит ещё большее разнесение народов, но только до некого максимума (в дальнейшем мы найдём историческое место этого максимума). Затем, после максимума, соразвитие народов в известном смысле меняет знак. Теперь дело идёт к сближению, к выравниванию народов, но только до определённой черты. Препятствием полному выравниванию служит эксплуататорский строй.

Сейчас я очень скупо описываю соразвитие народов на эксплуататорском отрезке истории. Более детально мы рассмотрим этот вопрос в следующей главе.

Вслед за временем, когда человечество пребывает в разведённом состоянии (вслед за эксплуататорским периодом) наступает час коммунистической революции. Принимая человечество из рук своего исторического предшественника, начатое им дело она

доводит до конца, на смену неполному, относительному выравниванию приходит полное, абсолютное.

В этом состоит историческая функция революционного перехода к коммунизму (коммунистической революции). Коммунистическая революция являет собой абсолютный выравниватель человечества (более детальное рассмотрение абсолютного выравнивания я также переношу в следующую главу).

Посмотреть на коммунистическую революцию как на абсолютный выравниватель человечества нам позволило введение в наш исследовательский оборот субъекта истории — народа и народов. Но благодаря этому, мы получили ещё кое-какие дивиденды. Эти приобретения главы я продемонстрирую в её итогах.

1. Введение в исследование субъекта истории позволило нам расширить наши представления об эволюционных исторических отрезках.

На первобытном отрезке истории, абстрагируясь от незначительных некачественных отличий, мы увидели человечество, состоящее из народов (находящихся тогда на родовой и племенной стадии), которые характеризуются одинаковым — нижайшим — уровнем развития. Человечество эксплуататорского периода предстало перед нами как состоящее из народов, решительно (качественно, если можно так сказать, формационно) отличающихся один от другого по своему развитию. Коммунистическое человечество оказалось таким же монолитным, как и его древний исторический аналог.

2. Что касается тех революций, на которые в этой главе мы бросили свой взгляд, эксплуататорская заставила считать себя «разметателем» человечества, а коммунистическая — её противоположностью — «собирателем», выравнивателем.

Мы значительно дополнили наши представления об исторической функции коммунистической революции. Ранее мы видели в ней просто переход к коммунизму, теперь — переход, в ходе которого выравниваются и тем самым в конечном счёте ликвидируются народы.

3. Изложенное в этой главе заставляет посмотреть на историю как на симметричное явление и процесс. Вас посетила такая мысль, читатель?

Думаю, нам нельзя пройти мимо такого исторического феномена.

ГЛАВА IV

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАВНИВАНИЕ

Позвольте мне, уважаемый читатель, очередную главу начать с самоцитирования.

В конце третьей главы я писал что «коммунистическая революция являет собой абсолютный выравниватель человечества». Да, это действительно так. Коммунистическая революция «перемалывает» страны, народы, языки, культуры, обычаи, разрушает разделяющие людей перегородки, стирает все и всяческие различия. Коммунистическая революция имеет на выходе, как я выразился в той же главе, монолитное коммунистическое человечество.

Для чего я останавливаю ваше внимание на уже выясненных вещах? Только для того, чтобы фигурирующее в заголовке «коммунистическое выравнивание» вы ни в коем случае не связывали с коммунизмом. Коммунизм есть результат выравнивания, а не процесс.

Я считаю, что название главы должно по возможности точно соответствовать её содержанию. В данной главе мне пришлось поступиться этим принципом, ибо адекватное название, например, «Выравнивание при капитализме и в условиях коммунистической революции», было бы слишком тяжеловесным. Тем не менее, этот монстр соответствует тому, что вам предстоит прочитать. Я его привожу для того, чтобы вы твёрдо знали, о чём пойдёт речь в этой главе.

Мы поведём разговор об относительном и абсолютном, неполном и полном выравнивании уровней развития народов, о выравнивании капитализмом и коммунистической революцией.

Видимо, чтобы лучше понимать предпосылки выравнивания, целесообразно оттолкнуться от его противоположности.

Как мы знаем, противоположную выравниванию «работу» производит эксплуататорская революция. Её мы назвали «разметателем» человечества. Понятно, что эта революция не является удовлетворяющим свои прихоти существом. Её функция объективна, её «работа» объективно обусловлена. Спрашивается, чем?

Думаю, на этот вопрос можно ответить совершенно определённо: благоприятными для развития некоторых народов природными условиями. Именно в таких условиях формируются будущие первые классовые общности. Они, земледельческие по своему характеру, не случайно привязаны к гарантирующим стабильные и неплохие (по меркам того времени) урожаи долинам больших рек — Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ.

Однако с ходом истории, по мере развития человечества значение природных предпосылок всё более и более падает, а социальных, поначалу практически не игравших никакой роли, напротив, растёт.

Перепрыгнув из древности через тысячелетия и обнаружив, нет, не в месте, а во времени своего «приземления» капитализм, мы видим, что теперь заправляют другие «особы». Ими являются социальные предпосылки соразвития народов, к этому времени окрепшие и вполне сформировавшиеся.

Капитализм представляет собой ломающий национальные перегородки, ориентированный вовне строй.

«Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации. Дешёвые цены её товаров — вот та тяжёлая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создаёт мир по своему образу и подобию»¹.

Так в середине XIX века Маркс и Энгельс описали имеющую быть на тот момент капитализацию мира.

Между тем, капитализм той поры не стал ещё, если можно так выразиться, максимально мировым. Его экспансионистские потенции не были ещё полностью реализованы. Тогда ещё не все страны являлись капиталистическими.

Здесь, читатель, вы, может быть, скажете: а разве такое случилось?

Если такой вопрос вами поставлен, я должен провести, уж извините, небольшой ликбез.

Эксплуатация существует в трёх видах. Это, во-первых, эксплуатация классом класса, во-вторых, мужчиной женщины и, в-третьих,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 428.

народом народа и страной страны. Нас сейчас интересует третий вид, вид, существование которого, думаю, вы согласитесь со мной, достаточно очевидно.

Там и тогда, где и когда имеет место эксплуатация, имеется и деление на эксплуататоров и эксплуатируемых. Как называются те и другие в своей совокупности? Классами, общественными классами. Эксплуатация и классы сущностно связаны. Нет эксплуатации без классов и общественных классов без эксплуатации.

Разбираемся далее. Нетрудно понять, что трём видам эксплуатации соответствуют три вида классового межевания. Если применительно ко второму виду эксплуатации (мужчинами женщин) слово «класс» режет слух, то применительно к третьему, полагаю, без проблем может восприниматься слуховым и мыслительным аппаратом.

Да, существуют классы стран. Осознать это элементарно просто. Надо лишь освободиться от заскорузлого пропагандистского клише, согласно которому страны делятся на капиталистические, социалистические и развивающиеся. Последние из этой тройки на деле являются капиталистическими, представляют собой часть капиталистической системы, её нижний, эксплуатируемый полюс. Они являются частью капиталистической системы так же, как пролетариат является классом капиталистического общества.

Классовую структуру мирового капитализма можно так интерпретировать в графике (рис. 4).

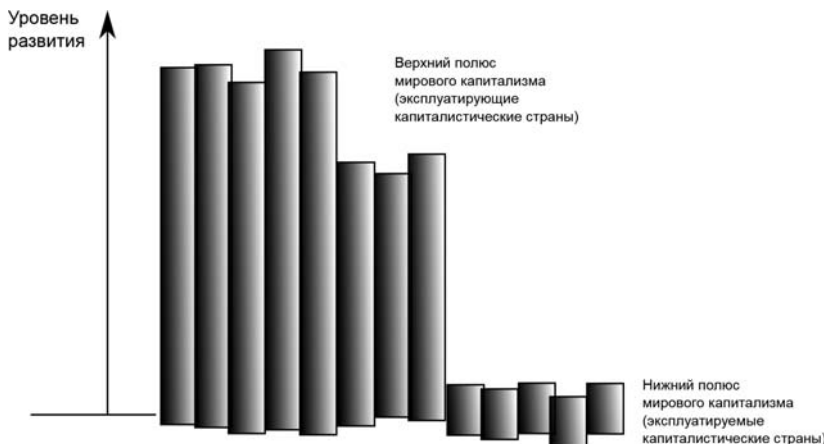

Рис. 4

Как «развивающиеся» страны вошли в капиталистическую систему? Посредством колониальных захватов, являющихся по своей сути специфическими, характерными для слаборазвитых стран экспортированными капиталистическими революциями. Слаборазвитые страны не вошли в капиталистическую систему, а были революционным образом насильственно в неё втянуты. Для приобщения их к капитализму использовалась не только и не столько «тяжёлая артиллерия» из «Манифеста», сколько артиллерия в прямом смысле этого слова. Впрочем, ввиду неравенства сил в большинстве случаев колонизаторы обходились винтовкой.

Предполагаю, что досужий читатель и здесь вставит своё слово: в наше время ведь уже практически нет колоний. На что я отвечу: смена флага отнюдь не тождественна ликвидации или изменению классовой принадлежности. Выход слаборазвитых, зависимых стран из капиталистической системы эксплуатации сводится не к подъёму на флагштоке красочного куска материи. Он осуществим только в русле развития коммунистической революции. Если бы всё было так просто... Если бы не революции, а смена символов продвигала общество по пути прогресса. Избавьте меня, читатель, от рассуждений уровня кота Леопольда.

Кстати, о соотношении колонизации и прогресса. Колонизация, при всех своих ужасах и зверствах, несомненно, вписывается в прогрессивное движение человечества.

На каком основании я это заявляю?

Колонизация являет собой акт, завершающий расширение ориентированного вовне капитализма (с охватом всего мира расширяться просто некуда). С колонизацией капитализм подходит к своему пределу. Дело идёт о схождении капитализма с исторической сцены, о завершении эксплуататорского периода истории человечества. На историческую сцену выходит коммунистическая революция.

Капитализм готовит её своим выравниванием народов, таким выравниванием, на которое он способен, выравниванием насильственным, жестоким, неполным, относительным. Это выравнивание состоит в подъёме (посредством колонизации) отставших в своём развитии народов на капиталистический формационный уровень. Капитализм «заточен» только на такую выравнивающую человечество «работу», которая, во-первых, соответствует его эксплуататорской природе и, во-вторых, не подрывает его существования.

Энгельс писал: «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда бы не следовало забывать, что всё наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»¹.

В унисон этой мысли могу сказать следующее: без капиталистического выравнивания коммунистическая революция с её выравниванием человечества и коммунизм были бы неосуществимы.

Производимый посредством колонизации подъём развитыми странами докапиталистических народов на свой формационный уровень сделал капитализм без всяких оговорок мировым строем. Со времени капитализма история становится действительно всемирной, использование слова «человечество» перестаёт быть формальным.

Расширю сказанное в унисон энгельсовскому. Мировая коммунистическая революция и коммунизм были бы неосуществимы без капиталистического выравнивания, мировой природы капитализма и начала вместе с ним действительно всемирной истории.

После сложения мировой поляризованной системы капитализма его потенции в деле выравнивания стран не были исчерпаны. Только вторая выравнивающая волна прокатилась не по мировой периферии.

Наверное, люди старшего и среднего возраста помнят школьную максиму «империализм чреват войнами».

Умиравший капитализм (так Ленин характеризовал его империалистическую стадию) действительно породил две кровопролитнейшие мировые боины. Они были вызваны противоречиями между странами верхнего полюса капитализма. А эти противоречия, в свою очередь, были обусловлены той же тенденцией капитализма к расширению, той же его ориентацией вовне, что и колониальные захваты.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 185–186.

Однако начиная с середины XX века, противоречия между «верхними странами» стали всё более и более сглаживаться. Экономика взяла своё. Расхождение эксплуатирующих стран сменилось их сближением. На наших глазах империализм умерил свой нрав. А в Старом Свете, вообще-то говоря, дело идёт к тем капиталистическим Соединённым Штатам Европы, о которых столетие назад писал Ленин.

Значит ли это, что масштабные войны между «верхними странами» остались в прошлом? Нет. Например, в новой ситуации, после падения Советского Союза, нельзя исключать вероятность (а, может быть, даже неизбежность) военного столкновения «верхних стран» и современной буржуазной России. Разумеется, если она и впредь будет следовать независимым экономическим и политическим курсом, если будет (как молодой капиталистический хищник) неумолимо стремиться оттеснить от всемирной кормушки заокеанского «гегемона» (скорее всего, под маркой формирования «многополярного мира»). Думаю, понятно, что возможны и «межсистемные» войны — между верхнеполюсными капиталистическими странами и странами становящегося коммунизма).

Как, с точки зрения мирового прогресса, можно оценить необратимую консолидацию верхнего полюса капитализма?

Такая консолидация, как и колонизация, представляет собой подготовку человечества к выходу из эксплуататорского периода истории, указывает на мировую сущность коммунизма, его безнациональность, если можно так сказать, бесстранность (отсутствие стран), готовит в какой-то, видимо, пока ещё не очень близкой, перспективе к революционным преобразованиям не отдельные развитые страны, а уже сегодня достаточно спаянную часть капиталистической системы.

Таково в общих чертах капиталистическое выравнивание.

Что касается коммунистического, о нём я не буду так распространяться. Думаю, здесь никакая разъяснительная работа не требуется. Ограничусь двумя тезисами.

Коммунистическое выравнивание не может быть даже в небольшой степени жестоким (разумеется, при условии, что лидеры коммунистических стран будут иметь какое-то представление об объективном ходе истории и не будут по той или иной причине действовать ему наперекор). Почему? По той простой причине, что

для коммунистической революции не является необходимостью что-то хотя бы отдалённо похожее на капиталистическую колониализацию. Это — тезис теоретического свойства.

Что касается практики, мы вполне можем, присмотревшись к выравниванию народов в СССР (конечно, вычтя из его истории сталинское время), сделать вывод, подтверждающий теоретические намётки. Я сформулирую его в несколько необычной форме. Если бы, скажем, Узбекистан, Туркмения, Якутия, национальные автономии Севера и Дальнего Востока были не составными частями Советского Союза (при всём при том, что наш социализм, мягко говоря, был не очень качественным), а представляли собой капиталистическую периферию, сегодня они, и это несомненно, находились бы (не только в плане экономического развития, но и по уровню культуры, наличию квалифицированных кадров, доступности образования, медицинской помощи и т.д.) в компании Афганистана, Ирака, стран Экваториальной Африки.

Коммунистическое выравнивание неизмеримо более органично, чем капиталистическое. Вообще, надо сказать, с ходом истории прогресс реализуется во всё более и более гуманных формах.

Мы бросили взгляд на такую грань прогресса, как предкоммунистическое (другого не бывает) выравнивание народов. Нам осталось лишь подытожить сделанное в этой главе.

1. Первым итогом, не по важности, а, так сказать, в порядке поступления, я бы назвал выяснение эксплуатационно-классовой номенклатуры капиталистической формации (как и двух других в рамках второго периода человеческой истории).

Теперь вы знаете, уважаемый читатель, что существуют три вида эксплуатации и классового межевания.

Устремив свой взгляд на эксплуатируемую «золотым миллиардом» капиталистическую периферию, мы увидели в ней класс стран, а страны периферии, политкорректно, но достаточно бессмысленно, именуемые развивающимися, мы определили как капиталистические.

2. Мы выяснили, что капитализм, являясь непосредственным предшественником коммунистической революции, в определённой степени выравнивает народы и страны. В капиталистическом выравнивании нами выделены две волны.

Первой является замешанная на крови мировая колониальная капиталистическая революция, поднимающая

отставшие в своём развитии народы на позволяющий их капиталистически эксплуатировать уровень.

Другая, иная по времени, месту, мотивам и формам реализации, сближает страны верхнего полюса капитализма.

Обе волны, при всём их различии, «работают» на коммунистическую революцию, обе они лежат в русле устремлённого к коммунизму прогресса.

3. Что касается выравнивания в процессе коммунистической революции (коммунистического выравнивания), оно неизбежно является несравненно более мягким, нежели капиталистическое.

Мягкость и органичность коммунистического выравнивания обусловлены не только отсутствием необходимости в каком-либо подобии колонизации, но и, ибо оно (выравнивание) осуществляется в лоне неполного коммунизма (выражение «неполный коммунизм» далее будет раскрыто), природой коммунистического строя.

ГЛАВА V

СИММЕТРИЯ ИСТОРИИ

Очень надеюсь, уважаемый читатель, что, поразмыслив, вы пришли к выводу, что идея симметрии истории не лишена оснований. Если так, то, о чём пойдёт речь в этой главе, ляжет на благодатную почву.

Позволю себе оттолкнуться от слова «основания».

Любая правдивая, находящаяся в согласии с действительностью идея имеет под собой основания практического и логического свойства. А вот интересно, что является основаниями не гнездящейся в голове идеи, а материально обусловленного и объективно осуществляющегося общественного прогресса?

Думаю, я не открою для вас Америки, читатель, если скажу, что таковыми (здесь уместно слово «основания» заменить на слово «основа») служат развивающиеся производительные силы, как в их вещном, так и в людском элементе.

Именно они в конечном счёте определяют все основополагающие общественные явления и процессы, в частности, и те, являющиеся зеркальным отражением друг друга, которые были отмечены в предыдущем изложении.

Вкратце остановлюсь сначала на них, а потом постараюсь расширить наши представления о симметрии истории.

Во-первых, взглянув на соразвитие народов в ходе истории, мы обнаружили их расхождение по уровням развития во время и в процессе эксплуататорской революции и обратный, симметричный расхождению процесс — схождение и выравнивание, вплоть до полного исчезновения, в течение коммунистической революции. Эксплуататорская революция нами была квалифицирована как «разметатель» человечества, коммунистическая — как «собираатель», выравниватель.

Во-вторых, и это достаточно очевидно, коммунизм являет собой отражение первобытности, разумеется, если абстрагироваться от уровня его развития. Общество первого периода человеческой

истории вполне можно называть, что я и делал, первобытным коммунистическим.

По каким характеристикам коммунизм воспроизводит свой первобытный аналог? По основным, сущностным. На таких характеристиках «обоих коммунизмов» сейчас мы сосредоточим своё внимание и тем самым, надеюсь, расширим наши представления о симметрии истории. Наверное, наша работа будет более плодотворной при сравнении характеристик коммунистического строя с соответствующими характеристиками строя, привязанного к среднему периоду человеческой истории.

Особо подчеркну, что характеристики, которые окажутся в фокусе нашего внимания, будут рассматриваться, хотя в интересах краткости изложения я воздержусь от указаний на это, не в отрыве от их исторического движения. При таком подходе расширение, за которое мы взялись, обещает быть максимально достоверным.

Итак, продолжим пока что скромный, состоящий всего из двух пунктов, реестр симметричных общественных явлений.

В-третьих, исторически симметричным оказывается всё то, что связано с производительным трудом. Разложим это «всё то», как говорится, по полочкам.

Первобытный коммунизм в экономическом плане представляет собой, выражаясь современным языком, единый народно-хозяйственный комплекс, а свойственный ему (первобытному коммунизму) труд на тогдашнем — весьма низком — уровне развития производительных сил может быть и в действительности является только совместным. Другими словами, первобытной формой труда служит непосредственное сотрудничество производителей.

Однако по мере развития производительных сил для совместного труда остаётся всё меньше и меньше места. Непосредственное сотрудничество начинает уступать свои позиции. Ему на смену приходит обособление производителей. Вы спросите, читатель: когда это происходит? Переход от непосредственного сотрудничества производителей к их обособлению «совпадает» с переходом общества от первобытности к эксплуатации, «совпадает» с эксплуататорской революцией. Почему слово «совпадает» я беру в кавычки? Потому что на самом деле это не совпадение двух независимых один от другого процессов, а единый многогранный процесс — переход на следующую ступень общественно-го развития.

Эта ступень (эксплуататорский строй) характеризуется, я бы сказал, развёрнутым (а не становящимся, как во время эксплуататорской революции) обособлением.

В эксплуататорском обществе обособление производителей не остаётся неизменным. Будучи изначально развёрнутым, в процессе развития эксплуататорского общества оно разворачивается далее, но только до определённого предела, до своего максимума. Что это за максимум? Каково его местонахождение (историческое место)?

Со школьных времён мы храним в памяти словосочетание «феодалная раздробленность». Что понимается под феодалной раздробленностью? Экономическое и политическое обособление мелких и мельчайших государственных и псевдогосударственных образований (княжеств, герцогств, графств...). Так вот, интересующий нас максимум обособления производителей «совпадает» с максимумом феодалной раздробленности. И не только. Он «совпадает» и с обнаруженным в третьей главе максимумом расхождения народов (вы, конечно, понимаете, что и здесь слово «совпадает» я заключил в кавычки по той же причине, что и ранее).

Таким образом, все три максимума (в действительности максимумов больше) мы можем привязать ко вполне определённой исторической полосе и ко вполне определённому общественному строю. Самое широкое место текущей не в пространстве, а во времени «реки человеческой истории» (мы ведь так можем назвать человечество в его историческом движении) приходится на апогей феодалной раздробленности или, что то же самое, феодалного обособления, подчёркиваю, во всех его проявлениях. Через это самое широкое место проходит ось симметрии истории. После одного, как мне представляется, необходимого замечания мы посмотрим, что происходит с обособлением производителей далее, после оси симметрии.

Если вы, уважаемый читатель, попросите всё-таки «точно указать», где и когда «река человеческой истории» разливается максимально широко, я не смогу этого сделать. Почему? Потому что мы занимаемся философским анализом, который требует предельного обобщения и предельного отвлечения от частных, даже таких солидных, как, скажем, бытие какого-то конкретного народа или какой-то конкретной страны. Я уж не говорю о точной дате или месте. Философия оперирует не конкретикой, а обобщёнными, собирательными образами явлений, вещей, процессов, она привязывает

вехи истории (в нашем случае — ось симметрии) не к конкретной дате, а к определённой исторической полосе, эпохе или её подразделениям (в нашем случае — к максимуму феодального обособления, не французского, германского или русского, а собирательного, как такового).

Вам не нравится такая «расплывчатость»? Что ж, терпите. К развитию человеческого общества, если мы хотим разобраться в его (развитии общества) сути, с другим, нефилософским метром подойти невозможно.

Вернёмся на нашу дорогу, посмотрим, что происходит с обособлением производителей за перевалом, которым является ось симметрии истории (апогей феодального обособления).

Достигнув своего максимума, обособление начинает сворачиваться — впереди маячит капитализм. Последний эксплуататорский строй ещё более урезает обособление, доводя его до допустимого для своего существования предела.

Обособление начинает радикально изживаться лишь с выходом на историческую сцену следующего «действующего лица» драмы человеческого прогресса. Этим «лицом» является коммунистическая революция. В ходе этого грандиозного перелома обособление производителей, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, сменяется его противоположностью — сотрудничеством (данное слово я употребляю, как ранее, так сейчас и далее, не в пропагандистском, а в экономическом смысле).

Изжив обособление производителей полностью, коммунистическая революция передаёт эстафету прогресса коммунизму. Коммунизм, как и его первобытный аналог, знает только совместный труд и сотрудничество производителей.

Круг замкнулся. Симметрия истории налицо.

Однако сказанным не ограничивается «всё то», что связано с трудом. Это «всё» имеет одной из своих сторон, например, соотношение труда производителей. Конспективно рассматривая это соотношение, мы бросим взгляд сначала на эксплуататорское общество.

Этому обществу свойственно разделение труда между, как мы теперь знаем, в той или иной степени обособленными производителями. В первобытном обществе, напротив, труд является соединённым. Тому имеется немало свидетельств, как исторических, так и современных (на Земле ещё есть народы, застрявшие если не

в первобытности, то в переходе от неё). Что касается будущего коммунизма, для него также будет характерно соединение труда. Технологическая основа коммунистического строя, а таковой сегодня видится автоматизация, требует именно соединения труда.

Таковы в самом сжатом изложении три исторических вида общественного соотношения труда (соединённый труд, разделённый и вновь соединённый). Переход от одного вида к другому, противоположному, осуществляется в рамках революции, эксплуататорской при смене первобытности эксплуатацией и коммунистической при смене эксплуататорского строя коммунистическим.

История и в данном разрезе представляет собой симметричный процесс, с той же осью симметрии.

Общественное разделение труда оборачивается его (труда) фиксацией на уровне отдельного производителя. А чем, уважаемый читатель, оборачивается коммунистическое соединение труда? Конечно же, возможностью его перемены. Утверждать так заставляет применительно к первобытному труду действительность, а применительно к будущему коммунистическому — технологическая основа коммунистического строя и уже имеющиеся в наличии основанные на автоматизации первые ростки трудоперемены.

Вам, наверное, наскучило читать об исторических метаморфозах труда и трудовой деятельности. Если так, переходим к следующим подтверждающим симметрию истории пунктам.

В-четвёртых, и об этом, видимо, не стоит особо распространяться ввиду очевидности преходящего характера данного комплекса явлений, эксплуатация, классы и государство существуют только на протяжении срединного периода истории. Что касается коммунизма (как первобытного, так и его будущего аналога), он не знает ни одного, ни другого, ни третьего. Понятно также, что становление и схождение с исторической сцены «эксплуатационного комплекса» приходится, соответственно, на эксплуататорскую и коммунистическую революцию.

В-пятых, симметричному по своему строению алгоритму развития подчиняются и изменяющиеся в ходе истории взаимоотношения полов. Для ознакомления с историческими метаморфозами брака и семьи я отошлю вас к одной своей работе¹. Здесь же ограничусь лишь перечислением исторических форм брака и семьи.

¹ В. Искрин. Диалектика полов. СПб., 2001; СПб., 2005.

Первобытному обществу свойственен групповой брак, групповая семья и независимое положение женщины, эксплуататорскому — моногамия как подчинение женщины мужчине (независимо от соотношения мужчин и женщин в семье), коммунистическому — брак и семья, в принципе подобные тем, что были в первобытности (я называю коммунистический тип брака и семьи свободным). Первобытные брак и семья трансформируются в эксплуататорские через являющиеся переходными парный брак и парную семью, а эксплуататорские сменяются коммунистическими посредством брака и семьи, по существу подобными переходным от первобытности.

Взаимоотношения полов проходят в своём развитии тот же путь, что и другие общественные явления (этот путь, переведённый в графику, представляет собой нашу вздутую экспоненту), переваливают в своём прогрессивном движении вместе с другими общественными явлениями через ту же ось — середину истории.

Середину? Да, середину. Ось симметрии делит историю человечества на две равные по значимости, по своему историческому весу, одинаково необходимые части, но при этом, в силу ускорения истории, части неравные по их длительности. Ось симметрии действительно является серединой истории, но серединой не хронологической, а содержательной.

В-шестых, в соответствии с законом симметрии¹ трансформируются и взаимоотношения общества и природы. В этих взаимоотношениях совершенно явно выделяются три периода (являющиеся, вообще-то говоря, теми грандиозными периодами человеческой истории, которые были определены во второй главе). Это — период комплексного освоения природы первобытным человечеством, фрагментарного — обществом, основанном на эксплуатации, и вновь комплексного — при коммунизме. На стыках названных форм освоения природы мы находим переходные, революционные формы.

Как и общественную историю, социально-природную делит та же ось симметрии. Наглядной интерпретацией как общественной истории (в различных её проявлениях), так и социально-природной, служит один и тот же график (рис. 3).

¹ Думаю, после всего сказанного мы вполне можем возвести симметрию истории в ранг закона, тем более, что действие этого, новоявленного закона представляет собой совместную «работу» закона обусловленности нового качества накоплением количественных изменений и закона отрицания отрицания.

Я чувствую, что вконец утомил вас, читатель. Поэтому здесь под нашим реестром симметричных общественных процессов, тем более, что мы коснулись почти всех основных аспектов жизнедеятельности социума, мы подведём черту.

Вы полагаете, глава закончена? Нет, остался ещё один настоятельно требующий ответа вопрос: зачем мы занимались симметрией истории?

Потому что нас побуждала к этому присущая нам любознательность? Конечно. Но не только. Знание симметрии истории позволяет намного основательнее, чем при неведении, судить о будущем, ибо оно на более высоком уровне повторяет в своём развитии (как правило, в обратном порядке) пройденное в глубокой древности.

О каком грядущем мы можем судить, опираясь на закон симметрии истории? Во-первых, о будущем развитии уже начавшейся коммунистической революции и, во-вторых, о коммунизме.

С последним, правда, не всё так просто. Дело в том, что коммунизм может оказаться в хронологическом плане исключительно кратковременным, если можно так выразиться, мимолётным строем, строем, поглощаемым закоммунистическим, засоциальным устройством сообщества наших потомков.

Разговор о мимолётности коммунизма мы отложим на некоторое время. Пока же подытожим связанные с симметрией истории наработки этой главы.

1. Обозревая основные грани общественного организма в их историческом движении, мы получили возможность утвердить симметрию истории в качестве закона.

Действие этого закона складывается из совместной «работы» двух законов диалектики — закона становления нового качества вследствие количественных, формальных изменений и закона отрицания отрицания.

2. Что касается оси симметрии, нами определено её местонахождение в истории. Ось симметрии проходит через время максимального экономического и политического обособления, обусловленного динамикой развития производительных сил феодализма.

Место расположения оси симметрии является серединой истории, в силу ускорения исторического процесса, не хронологической, а содержательной.

По своей роли в осуществлении общественного прогресса доосеовой и послеосеовой отрезки человеческой истории равнозначны.

3. Выявление симметрии истории, удовлетворяя познавательный интерес, имеет и немалое практическое значение.

Симметричность будущего и далёкого прошлого позволяет более основательно судить об изменениях и сдвигах, ожидающих человечество.

4. Собирая в итогах главы самое важное, не могу не указать на сказанное, казалось бы, между прочим. Я имею в виду ту особенность философского анализа, которая состоит в невозможности «точно привязать» какое-либо явление или процесс к определённому времени и к конкретному месту.

Философский анализ требует известного отвлечения от той или иной конкретики (но обязательно требует и её учёта и выведения из неё своих построений). В нашем случае, когда объектом исследования является история человечества, требуется максимально возможное отвлечение от конкретики, даже самой масштабной, и оперирование собирательными образами явлений, вещей или процессов. Иной способ продуктивного исследования столь значительного, каковым является историческое развитие человеческого общества, не представляется возможным.

Философски подкованный читатель не должен осудить меня за неизбежную при философском подходе «расплывчатость» и неконкретность.

ГЛАВА VI

«АНАТОМИЯ» СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

До сих пор революция наблюдалась нами со стороны. Начиная с этой главы мы будем исследовать внутреннее «строение» революции.

Но сначала определимся с терминами.

Во-первых, революцией называют осуществляемый в той или иной форме захват политической власти. Такая революция кратковременна — власть в центре можно захватить за считанные часы. Эту революцию мы будем называть политической или революцией в узком смысле. Мы будем называть её так лишь тогда, когда акт захвата политической власти лежит в русле общественного прогресса.

Во-вторых, этикеткой революции, особенно часто в последнее время, снабжают и никак не связанные с прогрессом акты: государственные перевороты, контрреволюционные мятежи, смену клик и т.д. Если о чём-то подобном зайдёт речь, мы с вами, читатель, обойдёмся без слова «революция». Я предпочитаю называть вещи своими именами.

В-третьих, в научной литературе интересующее нас название закрепилось за переходом в качественно иное, более высокое состояние общественной системы, как правило, страны. Такая революция, в ходе которой наряду с политической сферой общественной жизни, радикально трансформируются экономическая и идеологическая, не может быть кратковременной. Эта революция, перестраивающая всю общественную систему, и перестраивающая полностью, является (и называется) социальной или революцией в широком смысле. Две социальные революции, эксплуататорская и коммунистическая, нам уже известны.

Революция в узком смысле на определённых правах входит в «широкую революцию». На каких правах? В дальнейшем мы разберёмся в этом вопросе. А пока удовлетворимся следующим положением: политическую революцию должно исследовать только

в контексте широких преобразований общественной системы, только в составе революции социальной. Это значит, что изучение социальной революции надо поставить на первое место, а политической — на второе.

Мы так и поступим.

В настоящей главе предметом нашего внимания будет не какая-то конкретная социальная революция, а социальная революция как таковая. Позже выясненное в общем виде мы используем при исследовании «анатомии» коммунистической революции. Должен заметить, что на нашем исследовательском поле обнаружатся ещё два вида революций. Один из них всплывёт уже в этой главе.

Итак, приступим.

На мой взгляд, графика позволяет лучше усвоить изучаемое. Поэтому без лишних слов я сразу же начну со схематичного изображения революции. И в том же духе продолжу, всё более и более подправляя начальную картинку и вставляя, где это уместно, необходимые разъяснения.

Ничто не мешает нам преобразовать ось времени в полосу, в полосу исторического развития. Двумя жирными точками мы поместим начало и конец революции, а вертикаль «назначим» осью её (революции) содержания. Так мы получим заготовку для дальнейшей работы (рис. 5).

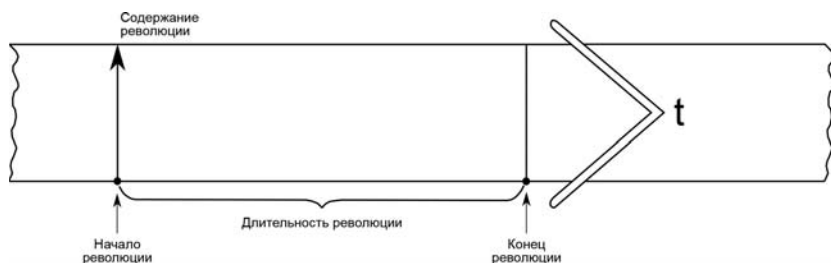

Рис. 5

До революции мы имеем совершенно незатронутое никакими революционными изменениями старое, после революции — полностью освободившееся от старого новое (такая, несколько упрощённая, констатация нас вполне устраивает).

Чем является социальная революция по своему содержанию? Ответу одним словом: переходом. И во избежание недоразумений

уточню: революционным переходом от старого к новому. В хронологическом плане революция представляет собой переходный период (переходный период от старого к качественно отличному от него новому).

Можно ли данное в предыдущем абзаце словесное описание революции перевести в графику? Да, и сделать это совсем нетрудно. Надо лишь разделить «поле революции», очерченное на рис. 5, сечением, по одну сторону от которого у нас будет находиться сдающее свои позиции (убывающее) старое, а по другую — всё более укрепляющееся (растущее) новое. На следующей картинке старое, чтобы зрительно оно воспринималось отличным от нового, мы немного затемним (рис. 6).

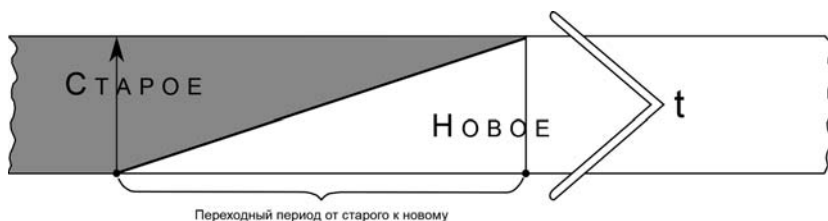

Рис. 6

Поскольку социальная революция имеет немалую длительность, встаёт вопрос о её периодизации. Этот вопрос распадается на два подвопроса: сколько периодов в социальной революции и чем каждый из них характеризуется?

Вопрос о периодизации революции в широком смысле я, пока не устал, задавал своим коллегам-обществоведам. И, к удивлению своему, ни разу не получил вразумительного ответа. Но мы с вами, уважаемый читатель, запросто справимся с этим в общем-то элементарным вопросом.

В процессе противоборства старого и нового и вытеснения новым старого может быть только три периода, не больше и не меньше. Почему? Потому что в изменяющемся соотношении старого и нового может быть только три состояния. Первый период революции характеризуется перевесом старого над новым, второй — динамичным (и колеблющимся) равновесием, третий — превосходством нового над старым. Такова сущность периодов революции.

Соответственно сущности мы должны именовать периоды. Предлагаю первый назвать эмбриональным (ибо в начале революции зачаточное новое буквально обволакивается «телом» старого), второй – равновесным, третий, не мудрствуя, – заключительным. Все три периода социальной революции одинаково значимы (рис. 7).

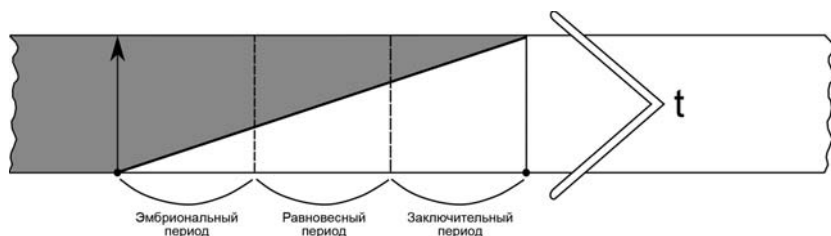

Рис. 7

При одинаковой значимости периоды революции отличаются по длительности. История знает немало социальных революций, прежде всего, национальных капиталистических (буржуазных). Все они, без исключения, развивались, ускоряясь. В конце работы мы познакомимся с самой значительной, самой масштабной революцией (и это не коммунистическая революция). Эта революция также протекает с ускорением. Так что ускоренное развитие социальной революции (и любой природной революции в широком смысле) вполне можно считать законом.

Внесём в рис. 7 поправку, связанную с ускорением течения революции (рис. 8).

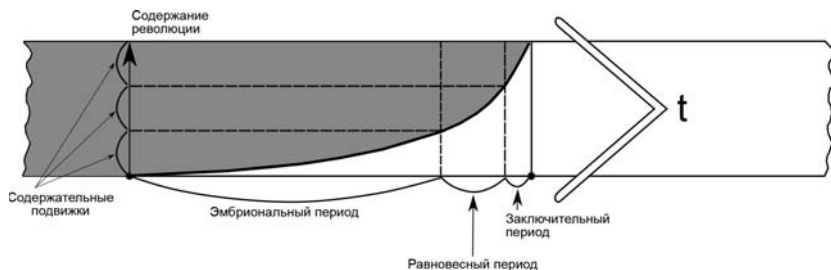

Рис. 8

На рис. 8 я показал и содержательные подвиги, имеющие место в каждом из трёх периодов революции. Эти подвиги я спроектировал на ось содержания (горизонтальными пунктирными линиями), отталкиваясь от периодов революции.

Оттолкнуться от периодов меня заставила избранная мной линия подачи материала. В действительности не содержательное обуславливается хронологическим, а, наоборот, хронология — содержанием.

Ранее я сказал, что все три периода революции одинаково значимы. Образно говоря, революция в своём развитии делает три одинаково размашистых шага. Каждый последующий шаг, ибо революция развивается, ускоряясь, она делает быстрее предыдущего.

Периодизация революции (как и любого другого явления) не произвольна. Она диктуется изменением содержания, в нашем случае — изменением соотношения задействованных в революции противоборствующих сторон. Можно сказать, что периодизация есть содержание (в его развитии), переложенное на ось времени. Определяясь с периодизацией человеческой истории (гл. II), я руководствовался этим принципом.

Нам осталось внести последнюю поправку, и «анатомическое» изучение социальной революции будет доведено до конца.

Умирающее старое и нарождающееся новое представляют собой системы, состоящие из определённого числа различных, неодинаковых элементов (в большинстве своём такими элементами являются разные экономические организации). На момент начала революции какие-то элементы старого больше готовы к революционной трансформации или использованию в системе нового (как, впрочем, и к отмиранию), какие-то — меньше. Иначе говоря, старая система в преддверии революции имеет готовые к выпадению из неё элементы (или слабейшие звенья). Эти элементы, выпадая из системы старого, образуют эмбриональную систему нового. Так начинается социальная революция.

Далее слабину выказывают другие элементы. Их выпадение из системы старого оборачивается пополнением системы нового (это не значит, что в системе нового не образуются свои собственные элементы). Так развивается социальная революция.

Суммируя выясненное о распаде системы старого и сложении системы нового, мы должны сказать, что старое распадается поэлементно, а новое поэлементно складывается.

Разумеется, распад и сложение происходят в процессе развития (как элементов, так и систем). Я опускаю этот важный вопрос, поскольку его рассмотрение не является необходимым при изучении «анатомического строения» революции.

Можно ли сказанное о поэлементном распаде и поэлементном сложении представить в виде картинки? Да, можно, сейчас мы это сделаем.

Элементы мы изобразим в виде полосок, до выпадения затемнённых, а после (в составе системы нового) — светлых (учтите, уважаемый читатель, что я абстрагируюсь от в общем-то естественного для революции возврата каких-то элементов в лоно старого). Экспонента революции теперь будет у нас ступенчатой (рис. 9).

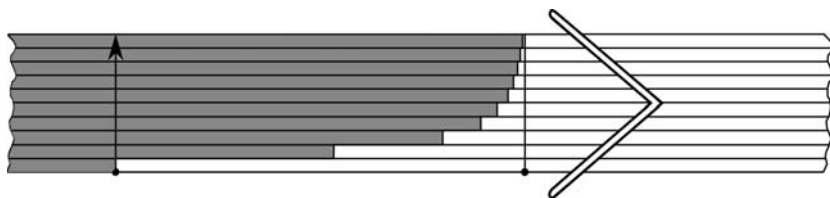

Рис. 9

В начале главы я сказал, что у нас всплывёт ещё один вид революции. Он только что всплыл, и больше о нём я ничего не скажу. Секрет этого вида будет раскрыт в главе, посвящённой «анатомии» коммунистической революции.

Мы подошли к подведению итогов. И хотя, взглянув на рисунки, вы легко сможете сами подытожить сделанное, я не отступлю от сложившейся у нас традиции.

1. Мы разобрались с ныне девальвированным понятием «революция». Будем считать, уважаемый читатель, что мы договорились всерьёз воспринимать только социальную революцию (революцию в широком смысле), политическую (революцию в узком смысле) и ещё два вида революций, роли которых в историческом процессе я пока держу в секрете.

Все эти революции являются «участниками» нашего исследования.

2. Нам удалось аргументировать обязательность трёх периодов любой революции в широком смысле (наша периодизация справедлива и для природных революций).

Первый период социальной революции характеризуется перевесом старого над новым, второй – динамичным (и «качающимся») равновесием старого и нового, третий – превосходством нового над старым.

Эти периоды были названы, соответственно, эмбриональным, равновесным и заключительным.

Каждый последующий период, в силу ускоряющегося развития революции, короче предыдущего.

3. Пожалуй, нашей самой ценной «анатомической» находкой стало вскрытие алгоритма революционного преобразования общества. Этот алгоритм состоит в поэлементном разложении системы старого и поэлементном сложении качественно отличного от него нового.

Можно предположить, что, в отличие от капиталистической социальной революции, в мировой коммунистической революции в качестве элементов разложения-сложения мы обнаружим что-то намного более масштабное, чем отдельные внутринациональные экономические организации (предприятия, отрасли и т.д.), что-то более соответствующее преобразованию человечества в единую мировую безнациональную общность. Подумайте, читатель.

ГЛАВА VII

СОЮЗ РАСТВОРЯЮЩИХСЯ НАЦИЙ

Коммунистическая революция есть абсолютный выравнитель человечества. Такое — абсолютное выравнение означает полное упразднение деления человеческого общества на народы, означает перемалывание языков, культур, традиций, психического склада, всех свойственных отдельно взятому народу особенностей.

Вам хотелось бы, уважаемый читатель, хотя бы краем глаза взглянуть на процесс и результат работы этой, извините меня за такое слово, «мясорубки»? Наверное, хотелось. Но разве это возможно?

Разумеется, нет. Мы не можем перенестись в будущее. Но очертить контуры грядущего в наших силах. Для этого у нас есть два рычага. Во-первых, поскольку будущее зарождается в настоящем, мы можем мысленно пролонгировать развитие ведущих к коммунистическому выравнению имеющихся сегодня необратимых тенденций. И, во-вторых, мы можем, оглянувшись назад, найти в истории аналог коммунистического выравнения — выравнение эксплуататорское. Я имею в виду выравнение и перемалывание народов, имевшее место на стадии союза племён.

Предполагаю, что две последние фразы побудили вас, читатель, поставить, по крайней мере, пару вопросов. Я знаю, каких. Спешу на них ответить.

У вас наверняка возник вопрос касательно союза племён. Что это такое?

Ранее эта терминологическая связка мелькнула в тексте. Сейчас в порядке блица я постараюсь объяснить, какое историческое явление скрывается за этими словами.

Народы в своём развитии проходят определённые стадии, каждая последующая из которых представляет собой более высокую ступень по сравнению с предшествующей. Эти стадии в конечном счёте определяются уровнем развития производительных сил и по-

этому они (стадии), что вполне естественно, приурочены к периодам и этапам истории общества.

Так, родовая и племенная стадии привязаны к определённым этапам истории первобытного общества, а стадии народности и нации — к этапам истории общества, основанного на эксплуатации.

Стадия же союза племён является стыковой, переходной, революционной. На «входе» здесь мы имеем отличающиеся один от другого народы-племена, на «выходе» — единый по всем основным параметрам народ-народность. Понятно, что союз племён лежит на революционном стыке первобытного общества и эксплуататорского.

Кстати, уважаемый читатель, смею утверждать, что вы имеете некоторое, хотя и поверхностное, не совсем правдивое и идеализированное, представление об общественном бытии в это переходное время. Вы ведь читали романы Фенимора Купера.

По своим растянувшимся на многие столетия этноликвидационным процессам древняя «мясорубка» в принципе, подчёркиваю, в принципе, не отличается от более быстро работающей современной. Если же говорить о, так сказать, русле этноликвидации в прошлом и настоящем, различие здесь огромно. Перемалывание племён было вписано в становление классов, государства, товарно-денежных отношений, прочих атрибутов эксплуататорского строя. Коммунистическое изживание народов представляет собой струю отмирания всего того, что обусловлено эксплуатацией.

Чтобы получить адекватное представление об этноликвидационных процессах, их исследователь должен, насколько это возможно, абстрагироваться от процессов русловых и в то же время русловые учитывать. Это — задача не из лёгких.

Может быть, в будущем я изложу её решение в большой статье или даже книге. Сейчас же мы удовлетворимся констатацией принципиального сходства двух, исторически разнесённых, «этноликвидационных машин» и перейдём к рассмотрению другого требующего разъяснения вопроса.

Возможно, вы, читатель, поймали меня на «противоречии»: раньше автор утверждал, что народы расходятся во время эксплуататорской революции, а теперь заговорил, применительно к тому же времени, об их выравнивании и слиянии. Где же правда?

Она — в обоих утверждениях.

Во время эксплуататорской революции народы расходились по уровням развития, во-первых, в рамках человечества (всех людей, живущих на планете) и, во-вторых, в рамках человечества, которое таковым являлось лишь формально. Что касается этноликвидации (слияния народов-племён и превращения их в новую общность), она имела не общепланетный, а локальный характер. В то время планета (со своим формальным человечеством) была разделена блокирующими всякие гипотетические связи преградами (океанами, пустынями, горными массивами, непроходимыми лесами...), была разделена на ряд «планет» с их реальными, имеющими определённые, хотя и скудные по современным меркам, внутренние связи «человечествами». Вот в рамках этих «человечеств» и проходили процессы древней этноликвидации. Народности возникали там, где для этого имелись более или менее благоприятные условия (я уже указывал на плодородные долины больших рек), и возникали в окружении народов, находящихся на родовой или более ранней племенной стадии. Благодаря этноликвидационным процессам формальное человечество и разошлось в уровнях развития своих номинальных частей.

Карту одной из таких «планет» вы окидывали взглядом, когда в школе проходили раннюю историю нашей страны. Вы помните закрашенные разными цветами места расселения кривичей, дреговичей, радимичей, вятичей, древлян, полян, волынян, тиверцев...? Из «человечества», которое составляли перечисленные народы, «сварилась» древнерусская народность, ставшая этнической базой древнерусского государства. Все прочие народности складывались в принципе так же (я имею в виду существо их сложения, а не его формы и местные особенности).

С этого момента (со времени сложения первых народностей и образования раннеклассовых государств) проклёвываются первые ростки всемирной истории¹. Далее всемирность всё более зреет, чтобы с капитализмом стать явственно ощутимой, а с коммунистической революцией и коммунизмом — полной, абсолютной.

¹ Правда, есть и другая точка зрения, согласно которой негативистские отношения, существовавшие между общностями людей в глубочайшей древности, позволяют считать историю всемирной с самого начала. На мой взгляд, с определённой натяжкой говорить так можно, но не нужно, ибо, скажу помягче, весьма затруднительно ставить в один ряд по сути дела животный негативизм и социальный позитивизм.

На мой взгляд, ещё один вопрос требует пояснений. Он касается последнего слова названия главы. В самом деле, почему в коммунистической революции растворяются — через свой союз — именно нации?

Потому что нации свойственны капитализму. Капитализм для растворения передаёт коммунистической революции те общности, которые ему присущи, при всех их, обусловленных поляризацией и дифференциацией капиталистической системы, различиях.

Надо сказать, что союз, как племён, так и наций, представляет собой достаточно подвижное, характеризующееся непостоянным составом образование. Об изменчивости союзов племён свидетельствует история. Что касается современности, можно с большой долей вероятности предположить, что объединение (и форма организации) выпавших из капиталистической системы стран на следующем подъёме революции будет иным, нежели на предыдущем.

Таков исторический рычаг, позволяющий более или менее достоверно судить о растворении народов в ходе коммунистической революции. Скажу ещё раз, что я ограничиваюсь лишь указанием (сопровождаемым некоторыми пояснениями) на существование этого инструмента познания. Если бы я пошёл по пути детального, пошагового описания растворения племён, это весьма объёмное ответвление от взятого курса (на исследование коммунистической революции) в немалой степени заслонило бы собой основную работу.

Что касается другого — актуального — рычага, о современных тенденциях выравнивания, а выравнивание ведёт к растворению народов, я писал в четвёртой главе. Как вы помните, читатель, там мы говорили как о коммунистическом, так и о капиталистическом выравнивании.

Современные тенденции выравнивания ещё совершенно не проявились в начале XX века, в предреволюционные и первые послереволюционные годы. Тем не менее революционные теоретики того времени, прежде всего Ленин и Троцкий, руководствуясь логикой новой и новейшей истории и не привлекая рассмотренный нами дышащий древностью аргумент (а был ли он в их теоретическом багаже?), совершенно определённо считали продвижение к коммунизму не узким национальным явлением, а наступлением нового строя (через победы и поражения) на широкой международной арене, наступлением, в ходе которого ломаются национальные

перегородки, выравниваются и сближаются народы, складывается принципиально отличная от эксплуататорской коммунистическая общность. У истоков такого видения коммунистической революции и коммунизма стояли Маркс и Энгельс.

В самые первые годы (1917–1919) существования Советского государства, когда ещё полыхала гражданская война, и это понятно, вопрос об этнической будущности не мог не заслоняться, как тогда казалось, злободневными проектами, касающимися революционной, переходной государственности, которая мыслилась возможной и необходимой не на национальном, а только на интернациональном уровне, и к тому же — в недалёкой перспективе.

Как известно, планам большевистских лидеров не суждено было осуществиться. Однако это свидетельствует не об изъёме теории. Несбывшиеся надежды (хотя это была скорее уверенность) следует отнести на счёт революционного нетерпения лидеров, недооценивших тогдашние потенции капитализма и, соответственно, переоценивших потенции международной, коммунистической революции. А ведь образованным руководителям революции было известно, что первые волны социальных революций лишь надламывали, но не повергали старое, более того, отхлынув, замещались реакцией.

Впрочем, наш революционно настроенный современник, оказавшись в той ситуации, наверное, смотрел бы на происходящее через такие же розовые очки.

Революционная волна, прокатившаяся по Европе и вырвавшая Россию из системы капитализма (в зачёт интернационального содержания начавшейся коммунистической революции мы должны занести и провозглашение советских республик в Венгрии и Баварии) поставила в повестку дня перевод теоретического интернационализма в практическую плоскость. Созданный в марте 1919 г. Третий, Коммунистический Интернационал «ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной Советской республики как переходной ступени к полному уничтожению государства»¹.

¹ Устав Коммунистического Интернационала. — В.И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, стр. 228.

Международная Советская республика не состоялась. Однако сдвиги в сторону выравнивания и сближения народов в масштабах СССР позволяет совершенно определённо утверждать, что будущее слияние и растворение народов во всепланетной коммунистической общности является не фантазией и не мечтой, а объективно обусловленной потребностью общественного развития.

Не приходится сомневаться, что в условиях новой волны коммунистической революции реализация этой объективной потребности будет более глубокой и органичной (конечно, если руководители революции не будут пренебрегать знаниями). Поручкой тому — уровень развития современного человечества и человечества обозримого будущего.

Не подумайте, уважаемый читатель, что последние два абзаца я написал в порыве революционного нетерпения. Такое нетерпение, как и любое другое веление души, исследователю категорически противопоказано.

Раз уж речь зашла о противопоказаниях, укажу ещё на одно. Обществовед ни в коем случае не должен делить мир (явления, процессы, события, личности) на чёрное и белое, плохое и хорошее. Его задачей является беспристрастное, без идеологической, политической и эмоциональной подоплёки, выяснение законов, объективной обусловленности и направленности общественного развития.

Коммунистическая революция, которой мы занимаемся, для серьёзного исследователя не является чем-то «белым и хорошим» (как и «чёрным и плохим»). Для человека, занимающегося наукой, она закономерна, объективно обусловлена и реально осуществима. Это бесспорно как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Такова авторская установка.

А теперь подведём итоги главы.

1. Аргументируя возможность растворения наций в течение коммунистической революции, в глубинах истории мы отыскивали древнюю, осуществлявшуюся на стадии союза племён этноликвидацию, в ходе которой старые общности людей (племена), растворяясь, претерпевали превращение в новую, более прогрессивную общность (народность).

У нас есть все основания полагать, что при радикальном «русловом» различии протекание и результат процессов

растворения народов в прошлом и настоящем в принципе однотипны.

2. Актуальным аргументом в пользу необходимости отмирания национального деления человечества в ходе коммунистической революции являются современные обусловленные развитием производительных сил тенденции и объективно протекающие процессы выравнивания, как в капиталистической системе, так и в недалёком прошлом в СССР (несмотря на утвердившийся в Советском Союзе строй казарменного псевдокоммунизма).

3. Указав на принадлежность исторических общностей людей (род, племя, союз племён, народность, нация, союз наций) к определённым этапам социального развития, мы расширили наши представления о ступенях общественного прогресса.

Коммунистическую безнациональную всечеловеческую общность мы оставили без названия. Такой пробел простителен по отношению к мимолётному строю.

4. Другим расширением наших представлений о ступенях прогрессивного движения человечества явилось определение исторического места превращения формально всемирной истории в подлинно всемирную.

Первые ростки действительной всемирности мы связали с началом эксплуататорского периода.

ГЛАВА VIII

«АНАТОМИЯ» КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коммунистическая революция является революцией социальной. Она переустраивает всю общественную систему, все сферы общественной жизни. Ареной коммунистической революции служит весь мир, а объектом и субъектом — выравниваемое ею человечество.

Нам известно, что представляет собой социальная революция. Внутреннее строение и сущность социальной революции мы выясняли в шестой главе. И делали это не ради праздного любопытства. В той главе была проведена подготовительная работа, необходимая для исследования «анатомии» революции коммунистической.

Таким образом, находясь в благоприятных стартовых условиях, мы можем приступить к разработке обозначенного заголовком настоящей главы, пожалуй, центрального пункта всей книги.

Главу, посвящённую «анатомии» социальной революции, я закончил предложением, адресованным вам, читатель. Вы подумали о масштабе, о весе элементов сложения коммунистического здания? Если у вас есть предположения на этот счёт, но твёрдое решение ещё не созрело, вернитесь к началу данной главы, к её первому абзацу. Я ведь не напрасно начал главу, как говорится, с повторения уже пройденного.

Перечитали? Задача решена?

Да, элементами разложения капитализма и сложения коммунизма служат не какие-то предприятия или даже отрасли, а целые страны, их экономики. Поэлементное сложение коммунизма является сложением, если можно так выразиться, постранным. Является сложением, в ходе которого различия между странами стираются, страны выравниваются, сближаются и в конце концов растворяются, образуя новую, коммунистическую общечеловеческую общность.

Можно ли сказанное перевести в графику? Разумеется. Для этого нам потребуется придать рис. 9 конкретный вид, из изображения социальной революции вообще сделать «портрет» революции определённой — коммунистической.

Какие коррективы следует внести?

Во-первых, на новом рисунке место старого и нового займут, соответственно, капитализм и коммунизм (капитализм, как ранее старое, будет у нас затемнённым, коммунизм, как в шестой главе новое, — светлым, но светлым не в плане какого-то там благоденствия, а исключительно в плане графического отличия).

Во-вторых, поскольку коммунистическая революция перемалывает страны и народы, я покажу это утончением, вплоть до исчезновения на входе в коммунизм, разделяющих элементы-страны пунктирных линий (коммунизм на рисунке будет свободен от линий, ибо в реальности он свободен от стран).

Две коррективы, которые вряд ли можно внести в рисунок, мы, что называется, будем держать в уме.

Во-первых, я никак не буду обозначать на рисунке те процессы выравнивания и сближения стран, которые имеют место при капитализме (в верхнем полюсе мировой капиталистической системы) и на которые я уже обращал ваше внимание, читатель.

Во-вторых, рисунок нам ничего не скажет о неизбежных в реальной действительности попятных движениях, о возвращении каких-то коммунистических стран на какое-то время обратно, в капиталистическую систему.

Вот, пожалуй, те замечания, которые следовало предпослать изображению коммунистической революции. Посмотрим, что у нас получится (рис. 10).

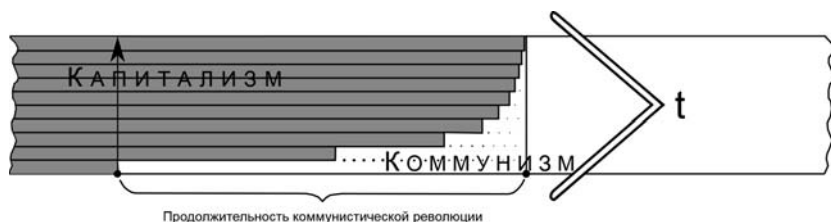

Рис. 10

Пока, конкретизировав алгоритм развития социальной революции, мы определились лишь с алгоритмом развития интересующей нас революции. Он состоит в постранном разложении капитализма и таком же постранном — в процессе полного растворения коммунистических стран — сложении коммунизма. Но

это — только начало «анатомического» исследования коммунистической революции.

Мы ответили на вопрос «что происходит в ходе коммунистической революции?». Происходит выпадение стран из капиталистической системы, формирование из них системы растущего коммунизма и в её составе полное растворение стран. Вслед за вопросом «что?» перед нами встаёт вопрос «как происходит выпадение?». Ответ на этот вопрос, что называется, лежит на поверхности. Выпадение происходит посредством политического акта, коим является революция в национальных рамках.

Такую революцию называют социалистической. Её лучше называть, и это в наше время вернее, национальной коммунистической¹. Но мы сейчас назовём её, что будет ещё вернее, по-другому, назовём, исходя из её соотношения с мировой коммунистической революцией, и, назвав, укажем на её роль и сущность.

Как соотносятся национальная коммунистическая революция и мировая? Как струя и поток, как часть и целое.

Коммунистическая революция, имеющая место в национальных рамках, является частичной коммунистической революцией. Вот та революция, которая всплыла у нас в шестой главе и роль которой до сего момента я держал в секрете. Теперь секрет раскрылся: коммунизм складывается из растворяющихся элементов-стран, мировая социальная коммунистическая революция складывается (состоит) из частичных национальных коммунистических революций, кстати, весьма «своеобразных» и «особенных» (их «своеобразие» и «особенность» мы обговорим в конце главы).

В какие хронологические рамки заключена частичная коммунистическая революция? Начинаясь с захвата политической власти, она, будучи частью социальной революции, продолжается до её конца, до полного коммунизма (говоря так, что в общем-то верно, я абстрагируюсь от сорастворения стран и частичных революций).

Только что я употребил термин «полный коммунизм». Значит, существует и неполный? Да, существует. После захвата политической власти (политической революции в национальных рамках)

¹ Почему для национальной революции название «коммунистическая» является более верным именно в наше время, вы поймёте, когда мы поведём разговор об употреблении терминов «социализм» и «коммунизм» на разных этапах существования марксизма.

вмиг коммунизм устанавливается только в возбуждённом воображении рьяных анархистов. В действительности выпавшая из капиталистической системы страна приходит к коммунизму вместе с другими выпавшими странами, сливаясь с ними и переставая быть страной, в одно и то же время. До достижения этого времени коммунизм является неполным. За таким коммунизмом закрепилось название «социализм». Это название первой (или низшей) фазы коммунизма мы не будем пересматривать.

Выходит, частичная революция, продолжающаяся до полного коммунизма, и социализм как неполный коммунизм совпадают хронологически? Да, и не только совпадают. Они тождественны. Социализм является революционным или, что то же самое, переходным строем. Это несомненно как с точки зрения теории, так и практики.

Теоретически показать более чем взаимосвязь неполноты и переходности (революционности) социализма исключительно просто. Это можно сделать одной фразой: социализм неполон как коммунизм, потому что переходен к нему.

Неполнота/переходность социализма состоит в том, что он несёт на себе (во всё убывающем объёме) так называемые родимые пятна капитализма. Какие «пятна»? Социальное неравенство, классы, государство, право, товарно-денежные отношения, семью старого образца... Можете продолжить этот перечень, читатель.

Практика полностью подтверждает теорию. Она демонстрирует не просто существование, несмотря на работу административно-бюрократической «химчистки», «родимых пятен» старого, а их необходимое существование. Вне переходности, без определённого позитива «пятен» прогрессирующий, нормальный социализм немыслим. Даже представлять, что же это было бы без «пятен», не требуется. Достаточно припомнить всяческие левацкие перегибы в разных «строящих» свои «социализмы» и «коммунизмы» странах, от СССР до Кампучии.

Как может быть назван социализм, если во главу угла мы поставим его хронологический аспект? Подскажу одно слово составляемой нами формулы: период. Вы понимаете, читатель, что я хочу сказать. Да, социализм в его хронологическом измерении есть переходный период от капитализма к коммунизму (полному коммунизму).

Здесь «марксист», воспитанный на сталинском «Кратком курсе», обязательно должен сказать: а где же у вас, товарищ Искрин, переходный период от капитализма к социализму?

Вы помните, уважаемый читатель, что сказал Лаплас в ответ на вопрос Наполеона о месте бога в его системе? Лаплас отрубил: «Я никогда не испытывал нужды в этой гипотезе».

Как-то на одном семинарском занятии, лет тридцать с лишним назад, когда речь зашла об этом самом переходном периоде, я, извините за нескромность, превзошёл, но только по части антиполитеса, самого Лапласа. Правда, Наполеона передо мной не было. Я сказал, что в этом бреде у меня нет никакой нужды. И, разумеется, рассказал студентам то, что поведал сейчас вам, читатель.

Спустя годы мои бывшие студенты обязательно вспоминают об этом «светлом дне» их студенческой жизни. Тогда, чтобы студентам прочно врезалась в память моя «оценка» «переходного периода от капитализма к социализму», слово «бред» я снабдил достаточно ярким (но вполне цензурным) эпитетом. О своей тогдашней характеристике «перехода к переходу» я нисколько не жалею. Ведь это действительно ни в какие ворота не лезет. Хотя, если разбираться, любой бред имеет под собой реальную основу. Может быть, мы займёмся его происхождением.

Неполный коммунизм несёт на себе «родимые пятна» капитализма. А что же капитализм эпохи коммунистической революции? Он чист и первозданен? Нет, конечно. Как для неполного коммунизма (социализма) нормой являются пережитки старого, так и сдающему свои позиции, уже неполному (в отличие от ещё неполного коммунизма) капитализму присущи, если можно так сказать, недожитки нового, коммунистического. Какие «недожитки»? Это, правда, наличествующие в основном в эксплуатирующих странах, монополии, планирование, автоматизация производственных и иных процессов, формирование так называемого гражданского общества, зачатки самоуправления...

Так что, уважаемый читатель, пережитками и «недожитками» вы можете дополнить рис. 10. Только учтите, что с развитием коммунистической революции пережитков становится всё меньше, а «недожитков», напротив, — всё больше. Как это сделать, решайте сами. Я, например, в студенческой аудитории изображение негативной (капиталистической) «половинки» коммунистической революции заполнял увеличивающимися с течением времени

в размере точками «коммунистического цвета», а изображение позитивной (коммунистической) «половинки» — уменьшающимися точками «капиталистического цвета».

Ранее я обещал обратить внимание на «своеобразие» и «особенность» частичной (имеющей быть в национальных рамках) коммунистической революции.

Вы заметили, что слова «своеобразие» и «особенность», как ранее, так и сейчас, я заключил в кавычки?

Почему? Потому что «особенной» свою социалистическую революцию считают не имеющие никакого понятия о частичной коммунистической революции идущие сталинским (хрущёвским, брежневским, зюгановским) курсом достаточно продажные горе-теоретики якобы научного коммунизма. В чём они видят это самое «своеобразие»? В том, что, по их мнению, подчёркиваю, по их мнению, социалистическая революция, открывающая вход в коммунизм (представляемый ими в качестве национального явления) начинается с захвата политической власти, тогда как буржуазная захватом власти завершается.

На национальной почве выпадение какой-то страны из капиталистической системы происходит действительно в ходе и результате захвата политической власти. Только это — не начало своего пути к своему коммунизму, а начало частичной революции, которая, сливаясь с другими частичными революциями, образует поток мировой коммунистической революции, вливающийся в море единого и единственного общечеловеческого коммунизма.

Что же касается буржуазной (у нас — капиталистической) революции, по этому предмету официальным (и нынешним) «научным коммунистам» следует без колебаний поставить двойку.

Во-первых, никакая капиталистическая революция захватом политической власти не завершается и, во-вторых, немалое число капиталистических революций начиналось с захвата власти.

Мы в этом убедимся, рассмотрев национальные капиталистические революции в составе капиталистической революции мировой.

Вы думаете, читатель, такое рассмотрение явится отступлением от темы коммунистической революции? Нет, напротив. Оно (рассмотрение) даст нам понимание того, почему частичная коммунистическая революция начинается с захвата власти.

Раз уж речь зашла о горе-теоретиках, коснусь ещё одного перла выпускников сталинской школы.

Сии последователи «величайшего теоретика современности», одержимые идеей национального коммунизма, утверждают, что, если капитализм зарождается в недрах старого, в недрах феодализма, то коммунизм (их, национальный коммунизм, открываемый их политической социалистической революцией) зарождается не в недрах старого. Как вы думаете, чем «аргументируется» эта наукообразная ахиня? Оказывается тем, что коммунизм противоположен основанному на эксплуатации капитализму, тогда как капитализм и феодализм по этому признаку однотипны.

Интересно, знают ли «аргументирующие», что неоднотипность первобытного строя и эксплуататорского не помешала последнему зародиться в недрах своей противоположности. В качестве резюме по этому перлу могу сказать только одно: в огороде бузина, а в Киеве дядька.

Мы же видим, что мировой коммунизм, а иным он и быть не может, будучи на пути прогресса непосредственным преемником капитализма, совершенно естественно (естественно-историческим порядком) в виде эмбриона зарождается в недрах своего исторического предшественника.

Если вам не нравится отдающая геологией и биологией терминология, можно закон зарождения нового выговорить другими словами: коммунизм появляется в виде первых, незрелых, слабых и малочисленных элементов-стран, выпавших из капиталистической системы, которая, будучи ещё достаточно жизнеспособной и существенно превосходящей делающий первые шаги коммунизм, является средой его существования.

Перловую кашу, которой набиты «учёные головы», мы в дальнейшем ещё отведаем. А сейчас, поставив в рассмотрении «анатомии» коммунистической революции запятую (ибо ещё вернёмся к данной теме), разместим выжимки из собранного в этой главе обильного урожая в трёх пунктах итогов.

1. Изучение «анатомии» коммунистической революции мы начали с конкретизации свойственного любой социальной революции алгоритма развития.

Коммунистическая революция, рассматриваемая в её алгоритмическом аспекте, есть пострепное разложение

капиталистической системы и такое же — постранное — сложение коммунизма.

Такой алгоритмике совершенно не противоречит возвращение на какое-то время в капиталистическую систему выпавших оттуда каких-то стран, т.е. реставрация капитализма в отдельных странах (а в принципе — и в мире).

2. Выпадение отдельных стран из капиталистической системы и их продвижение к коммунизму, необходимой и важнейшей стороной которого является выравнивание, сближение и в конечном счёте сорастворение стран, мы квалифицировали как частичные коммунистические революции.

Такие, стартовые в национальных рамках революции своим началом имеют захват политической власти. Вопрос о причинах такого начала будет прояснён после рассмотрения мировой капиталистической революции в её развитии.

3. Рассматривая становление коммунизма (полного), мы приходим к выводу, что коммунизм на первой фазе своего развития (в течение коммунистической революции), именуемый социализмом, есть коммунизм неполный, коммунизм, выходящий из недр старого (капитализма), коммунизм, несущий на себе «родимые пятна» капитализма, т.е. строй переходный, революционный.

Иным социализм, будучи «заключённым» в коммунистическую революцию, не может являться.

Коммунистическая неполнота социализма и его переходность (революционность) являются двумя сторонами одной медали.

Несомненная, как в теории, так и на практике, переходность (революционность) социализма начисто отвергает мёртворождённый переходный период от капитализма к социализму (как и рафинированный социализм с его практикой насильственного искоренения всего того, что своими корнями уходит в капиталистическое прошлое).

ГЛАВА IX

ОЧЕРЕДИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Продолжаем, отлетев по стреле времени назад, к истокам становления капитализма, исследовать коммунистическую революцию.

Не правда ли, странная фраза, читатель? Может быть, вы подумали, что автор зарапортовался? Не скажите.

Попытайтесь познать какую-либо вещь, какое-либо явление, создав вокруг него вакуум. У вас ничего не получится. Познание в любом своём виде, от любования предметом до научного исследования, возможно только тогда, когда познаваемое не вырвано из мира, из реальности, из объективных связей с другими вещами и явлениями.

Вот и познание коммунистической революции, познание всестороннее и основательное, возможно только на фоне и в составе более широкого исторического процесса. Какого? Поскольку коммунистическая революция представляет собой грандиозный общественный переворот самого высокого уровня, фоном, на котором необходимо вести её исследование, служит полная история человеческого общества, от её начала до завершения. На историческом пути человечества буквально рассыпаны подсказки исследователю современности.

Игнорирование же исторического контекста позволяет и требует громоздить одну нелепицу на другую. А если игнорирование истории идёт рука об руку с «коммунистическим национализмом», перлы, с некоторыми из которых мы уже имели «удовольствие» познакомиться, льются, как из рога изобилия.

Мы уже выходили, и, полагаю, не без пользы, за исторические рамки коммунистической революции. В процессе выхода, который будет предпринят сейчас, мы окинем взглядом капитализацию мира, сравним революции, имевшие место в ходе капиталистического переустройства человечества и обнаружим тот тип капиталистической революции, который поможет нам понять, почему частичные коммунистические революции начинаются с захвата

политической власти. Такой экскурс в прошлое был анонсирован в восьмой главе.

Когда речь заходит о странах первой волны капитализации мира, осведомлённые по этой части люди без колебаний указывают на Англию, Нидерланды и Францию. Действительно, в этих странах произошли первые капиталистические социальные революции (для полноты картины следует сказать, что проблески капитализма имели место и ранее).

Первые капиталистические революции были определённым образом связаны между собой. Однако для целей, которые я преследую, эти связи не имеют даже небольшого значения. Поэтому мы с вами, уважаемый читатель, абстрагируясь от интернационального момента, возьмём одну из тройки начальных капиталистических революций и ознакомимся с её течением.

Какую страну нам «посетить»? Я предлагаю Францию. Французская революция, на мой взгляд, является, если можно так выразиться, наиболее классической.

На рубеже XV и XVI веков на французской почве уже можно разглядеть первые ростки капитализма, ростки малочисленные, неразвитые, произрастающие в чуждой — феодальной — среде. Франция в это время вступает в эмбриональный период своей капиталистической революции.

Эмбриональный период не может быть коротким. Зачаточный капитализм развивается в недрах старого, под тяжестью прессы старого, по законам и установлениям старого. Но развивается, и понемногу прогрессивный способ производства набирает силу. Соотношение старого и нового медленно, но верно изменяется.

К концу XVIII века оно изменяется настолько, что новое, выйдя из тени, оказывается в силах противопоставить себя старому открыто. Французская революция вступает в период открытой — политической — борьбы. Этот период мы назвали равновесным. Равновесный период существенно короче эмбрионального — неполный капитализм в это время уже никак нельзя назвать слабым.

Второй период французской капиталистической революции является равновесным по существу, по форме же он является политическим, является периодом политических революций.

Во Франции мы можем насчитать четыре политических революции в составе социальной. Первая датируется 1789 годом (я на-

зываю даты начала политических революций), вторая — 1830, третья — 1848, четвёртая и последняя (Парижская Коммуна, в результате которой окончательно утвердился буржуазный политический режим) — 1871 годом.

Представители сталинской школы установление единовластия буржуазии считают завершением капиталистической социальной революции. Однако это не так. Полнота политической власти и полнота капитализма — разные вещи. После прихода буржуазии к власти остаются ещё какие-то «хвосты» феодализма, которые для доведения революции до конца требуется уничтожить. Буржуазии, обладающей полнотой власти, удаётся достаточно легко и быстро доделать дело. Уничтожение этих, как я выразился, хвостов составляет содержание третьего — заключительного — периода капиталистической социальной революции.

Почему третий период социальной революции не замечается? Потому что его длительность составляет какую-то пару (или несколько больше) десятилетий? Может быть. Но есть и другая причина — интеллектуальное бессилие тех, кто не ведаёт ни о сущности социальной революции, ни о её периодизации, ни о реалиях той или иной страны после прихода буржуазии к власти.

Никаких выводов по капиталистической социальной революции во Франции я делать не буду. Пока выводы нам не требуются. Удовлетворимся констатацией скупой изложенных фактов. Разве что для закрепления выясненного переведу словесный материал в графику (рис. 11).

Рис. 11

Отнесём капиталистические социальные революции в Англии, Нидерландах и Франции к первой очереди капитализации мира. Займёмся теперь второй очередью.

Стран, вставших на капиталистический путь вслед за тройкой первооткрывателей, довольно много. Запомним этот, казалось бы, ни о чём не говорящий факт. В дальнейшем он нам пригодится.

О второй очереди мы поговорим, взяв в качестве примера капитализацию России. Это, конечно, не совсем классика, но зато нам близкое и, надеюсь, знакомое.

Думаю, уважаемый читатель, вы не станете отрицать, что капитализация России началась значительно позже капитализации тройки первопроходцев. Это, во-первых. Во-вторых, не будь идущих по капиталистическому пути Англии, Нидерландов и Франции, российский капитализм наверняка проклюнулся бы ещё позже.

Соединив данные пункты, мы приходим в общем-то к совершенно очевидному выводу: развитие российского капитализма, как в его эволюционном, так и в революционном компоненте, было инициировано извне и инициировано тогда, когда Россия далеко ещё не была готова к капиталистическому саморазвитию, когда не оформились и политически не созрели способные капитализировать Россию общественные классы — буржуазия и пролетариат.

В такой ситуации инициированные извне политические капиталистические революции в России, по идее, должны были являться, из-за незрелости необходимых для совершения революции классов, революциями сверху. Посмотрим, так ли это.

Первое объективно капиталистическое политическое выступление состоялось в декабре 1825 года, состоялось при спящих народных массах и без какого бы то ни было участия на тот момент только-только появляющейся в крепостнической стране и абсолютно не сознающей себя в качестве класса буржуазии. Ответьте мне, читатель, вышли ли бы революционеры-дворяне на Сенатскую площадь, не будь революции 1789 года во Франции, прихода к власти Наполеона и наполеоновских войн, принуждавших покорённые народы Европы без противления принимать порядки обновлённой её революцией Франции? Думаю, не вышли бы. В иной обстановке возмутителей крепостнической закостенелости просто бы не нашлось.

Действительная политическая революция (не попытка) опустилась на Россию в 1861 году (я опять указываю только начальные даты). Я говорю «опустилась», потому что упразднение крепостной зависимости (и другие антифеодальные меры), хотя ему и предшествовали крестьянские выступления, охватившие ряд губерний,

носило верхушечный и, как следствие, половинчатый характер¹. Буржуазия лишь наблюдала за происходящим.

Вы спрóbите, читатель: а где же внешняя инициатива? Пожалуйста. Её гром настоятельно потребовал капиталистической модернизации России. Я имею в виду неудачную для России Крымскую войну. Без такого — болезненного — толчка капиталистическая подвигка была бы существенно отодвинута.

Следующая политическая революция разразилась в России в 1905 году. Она действительно разразилась, благодаря активнейшим действиям пролетариата (но при занимающем пассивную позицию классе буржуазии). Но я гну свою линию и спрашиваю: а были ли в революции 1905 года верхушечный момент и внешний толчок? Верхушечный был несомненно. Это — реформа Столыпина. А вот внешний толчок... Не обошлось и без него. На этот раз в качестве такового выступила русско-японская война.

Последняя политическая революция (капиталистическая + частичная коммунистическая) произошла в 1917 году. Оставив в стороне все касающиеся февральско-октябрьской революции вопросы, поставлю лишь тот, который для нас, как вы догадываетесь, читатель, сейчас интересен. Конечно, это вопрос о внешнем толчке. Предшествовал ли он 1917 году. Да, таким толчком явилась первая мировая война.

В других странах второй очереди капитализации мира мы также наблюдаем явную зависимость их капиталистической эволюции и революционных всплесков от тех или иных внешних факторов.

При всём различии капиталистических революций второй очереди мы можем свести их к общему знаменателю. Капиталистические преобразования во второочередных странах, благодаря внешнему воздействию (не только давлению и толчкам, но и, скажем, примеру) проходят в форсированном режиме. Капиталистические новации здесь не вырабатываются, как в странах первой очереди, в течение многих десятилетий, а будучи уже, так сказать, готовыми, внедряются в считанные годы.

Поэтому эмбриональный период капиталистических революций второй очереди оказывается относительно более коротким,

¹ Крестьянские выступления, вообще-то говоря, не всегда можно занести в актив капиталистической революции. Борьба крестьян за лучшую жизнь, против «кровопийц» и борьба за капиталистическое переустройство, для которой требуются другие классы, — совершенно разные вещи.

чем такой же период революций первой очереди. Или, что по сути дела то же самое, равновесный (политический) период революций второй очереди оказывается смещённым к началу революции в широком смысле (или социальной революции).

Капиталистические революции второй очереди я только что назвал революциями в широком смысле (или социальными революциями). Правомерно ли такое наименование? И да, и нет. Попробую объяснить.

Дело в том, что с капитализацией второй очереди капитализм, ранее бывший лишь в потенции мировым, начинает реально превращаться в мировое явление. С этого момента можно говорить о разгорающейся мировой капиталистической революции и о сложении мирового капитализма. О сложении постранным. О сложении, струями которого являются частичные, имеющие место в отдельных странах, капиталистические революции. Так что капиталистические революции второй очереди являются ещё социальными (в той или иной мере самостоятельными), но уже — и частичными.

За второй очередь капитализации мира следует третья. Перед тем, как выйти на революции третьей очереди, мы составим перечень отличий капиталистических революций второй очереди от первоочередных.

Во-первых, стран, где происходят революции второй очереди, значительно больше, чем пионеров капитализма.

Во-вторых, страны, втягиваемые в капитализм во вторую очередь, менее внутренне готовы к вступлению на капиталистический путь, чем в своё время были готовы первооткрыватели капиталистической эры.

В-третьих, капиталистические революции второй очереди в своём развитии «подгоняются», так сказать, внешним капитализмом, и «подгоняются» зачастую весьма значительно, даже болезненно.

В-четвёртых, эмбриональный период второочередных революций относительно короче, чем у первоочередных, а политический период смещён к началу революции.

В-пятых, революции второй очереди, являясь (ещё) социальными (революциями в широком смысле), являясь в той или иной мере самостоятельными, становятся уже частичными, инициированными.

Для чего я составил этот перечень? Для того, чтобы у нас перед глазами был концентрат изложенного выше? Нет, я преследовал другую цель.

Сейчас пять отличий (на самом деле их больше) мы, так сказать, усилим, доведём до максимума. Зачем? Таким образом, по моему замыслу, мы спроектируем, продлив пятёрку тенденций, революцию третьей очереди. А потом посмотрим, оторвались ли мы со своей гипотетической капиталистической революцией третьей очереди от исторической действительности или находимся с ней (действительностью) в согласии.

Итак, поехали.

Во-первых, в соответствии с проектом, капиталистические революции третьей очереди должны охватывать все ранее некапитализированные страны.

Во-вторых, страны третьей очереди капитализации человечества не должны быть внутренне готовы к капиталистической революции вообще.

В-третьих, внешнее воздействие на эти страны должно быть мощным и насильственным, т.е. по сути дела являться захватом власти.

В-четвёртых, эмбриональный период революций третьей очереди должен иметь нулевую длительность, т.е. полностью отсутствовать, а политический период (с захватом власти) должен открывать революцию.

В-пятых, капиталистические революции третьей очереди должны быть не социальными, а, по всем своим характеристикам, — частичными.

После ознакомления с перечнем характеристик гипотетической капиталистической революции третьей очереди я давал студентам пять секунд на поиски спроектированной революции в действительности. Всегда находилось несколько человек, которые выкрикивали...

Выкрикивали два слова. Вы, уважаемый читатель, надеюсь, уже проговорили эти слова. Да, мы спроектировали то, что не надо было проектировать. Частичные капиталистические революции прокатились практически по всей отставшей в своём развитии части мира. И они нам известны. Известны как колониальные революции (вы проговорили эти слова?), которые были выявлены в четвёртой главе.

Эти революции начинаются с захвата власти. Почему? Потому что всякое частичное действие (от житейского до социально-мирового), входящее в состав более масштабного объективно осуществляющегося процесса может быть и всегда является по своей природе только авторитарным. Именно таковы колониальные захваты.

Обрисовав в главном начинающуюся с политического акта колониальную (частичную) капиталистическую революцию и тем самым создав задел для исследования захвата власти в частичной коммунистической революции, мы выполнили программу главы и можем теперь сформулировать итоги нашего очередного выхода за рамки революции, утверждающей в мире коммунизм.

1. В капитализации человечества мы выделили три очереди национальных капиталистических революций.

Первую очередь составляют малочисленные социальные революции, вторую — выросшие в числе, если можно так выразиться, социально-частичные революции, третью — сугубо частичные революции, экспортированные развитым капитализмом в большинство стран мира.

В результате национальных капиталистических революций сложилась мировая поляризованная система капитализма, в которой страны каждой очереди заняли своё место.

2. Определив революции третьей очереди как частичные капиталистические, мы дополнили наши представления о капитализации слаборазвитых стран.

Теперь колониальные захваты (колониальные революции) для нас являются частичными капиталистическими революциями в составе мировой социальной капиталистической революции.

3. Главным итогом главы, несомненно, является аргументация политического начала революции третьей очереди её (революции) частичностью.

Любое частичное деяние (от бытового до масштабного социального) в составе объективно данного процесса не может не быть авторитарным. Доказывать, что захват власти представляет собой авторитарное действие, на мой взгляд, нет никакой необходимости.

Разумеется, все частичные авторитарные акты в обществе субъектов в конечном счёте объективно обусловлены.

ГЛАВА X

ОЧЕРЕДИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Изучение «анатомии» коммунистической революции у нас не доведено до конца. «Анатомическую», восьмую главу я завершил не точкой, а запятой. В настоящей главе мы продолжим прерванную работу. И прерванную не по небрежности, а для подготовки тех «анатомических» изысканий, которые обозначены в заголовке.

Тема настоящей главы заставляет нас посмотреть на коммунистическую революцию, во-первых, как на динамичное явление и, во-вторых, как на явление, исследованию которого не чужда самая общая страноведческая конкретизация. В этом состоит отличие данной главы от восьмой. Иными словами, бросив ранее взгляд на коммунистическую революцию, взятую в абстрактной статике, теперь мы посмотрим на неё как на динамичное, постранное и в необходимой мере конкретизируемое складывание коммунизма.

После этого и ещё одного вводного замечания мы можем приступить к работе над сконцентрированной в названии главы темой.

Что касается второго замечания, я не уверен, сто́ит ли его вообще делать. Тем не менее скажу, хотя вы и без моего разъяснения понимаете, что выражение «коммунистическая революция» лишь тогда может быть употреблено во множественном числе, когда речь идёт о частичных революциях. Именно такими революциями мы будем заниматься. Не будет оставлена без внимания и социальная коммунистическая революция. Я не всегда буду уточнять, о какой коммунистической революции, частичной или социальной, идёт речь. Воспринимайте слова в контексте, уважаемый читатель.

Постранное сложение коммунизма есть постранное разложение капитализма. Из этой простой истины следует, что поставщиком стран в систему неполного коммунизма является мировая капиталистическая система. В ней мы должны обнаружить готовые на тот или иной момент к выпадению страны. Такие страны зовутся слабейшими звеньями мировой капиталистической цепи. Я не имею ничего против такого наименования.

Однако мы выясняем очерёдность выпадения из капиталистической системы не стран, взятых по отдельности, а групп стран, и очередями я называю определённым образом сгруппированные в капиталистической системе страные (от слова «страна») множества. «Точное» указание на какую-то страну, которая должна покинуть капиталистическую систему вслед за какой-то другой страной, было бы большой авантюрой. В серьёзном исследовании отдельные страны должны быть отодвинуты на второй план, а очереди стран — выдвинуты на первый.

Исключение мы сделаем только для России — страны, испытавшей как революционное вхождение в коммунизм (конечно, неполный), так и капиталистическую реставрацию.

Определимся с количеством очередей коммунистических революций. Для этого «разберём» мировой капитализм на его главные составляющие.

Ранее я неоднократно указывал на поляризацию капиталистической системы, на наличие в ней и противостояние высоко-развитых эксплуатирующих и слабо-развитых эксплуатируемых стран. Однако это не вся правда. Как в обществе людей имеется так называемый средний класс, так и в сообществе стран мы без труда найдём группу, занимающую в плане эксплуатации и (или) уровня развития промежуточное положение. Определённые страны этой группы, сами являясь в той или иной мере эксплуатирующими, в то же время прямо или косвенно эксплуатируются «верхними», всецело эксплуатирующими странами. Такой, занимающей срединное положение в системе мирового капитализма (в системе мировой эксплуатации) страной в конце XIX — начале XX века была Россия.

Таким образом, капиталистическая совокупность стран состоит из трёх главных блоков (более мелким членением мы пренебрежём). Это — эксплуатирующие страны, эксплуатируемые и, так сказать, промежуточные в плане эксплуатации и (или) уровня развития страны. Следовательно, и очередей коммунистических революций должно быть три.

Занимаясь очередями капиталистических революций, мы видели, что страны второй очереди капитализации, вообще-то говоря, принуждались к капитализму. Что же касается колониальных революций, здесь капитализм просто насильственно экспортировался.

Коммунизация мира, в отличие от капитализации, по идее, не должна быть принудительной. На практике же может появиться голова (глава) типа сталинской или полпотовской. Однако по мере развития общества и коммунистической революции вероятность «принуждения к коммунизму» будет, видимо, снижаться (отмечу в скобках, что принуждение может осуществляться только тем коммунизмом, который, мягко говоря, является не совсем коммунизмом). В дальнейших рассуждениях мы будем исходить из отсутствия какого бы то ни было коммунистического насилия.

Какая же группа стран и когда должна открывать мировую коммунистическую революцию? История ответила на этот вопрос, и поэтому наша задача состоит лишь в теоретическом подкреплении ответа на него.

Капитализм может начать распадаться лишь тогда, когда он перезрел, если можно так сказать, перерос себя. Что может свидетельствовать о перезрелости капитализма? Только то, что в процессе его саморазвития начинает перекраивать на коммунистический лад его природу. В экономике это то, что, вырастая из свободной конкуренции, а это сущностная черта капитализма, конкуренцию отрицает, является её противоположностью и представляет собой по сути дела коммунистическую форму. Что же это?

Такой формой является монополия. Прав был Ленин, когда монополистический капитализм он назвал умирающим капитализмом. Да, освободившаяся от собственнических пут монополия, единая, мировая, общечеловеческая, представляет собой форму коммунистического хозяйствования.

До такой монополии ещё далеко. В конце XIX — начале XX века мы видим всего лишь — на капиталистической собственнической основе — её робкие зачатки (спустя столетие мы имеем также зачатки коммунистической монополии, только более развитые). Зачатки — сигнал капитализму: пришла пора сдавать дела новому общественно-экономическому укладу (так Ленин из цензурных соображений называл коммунизм).

История показала, что монополистический уровень развития страны (и собственно наличие монополий, национализация которых создаёт экономическую базу нового строя) представляет собой минимальное объективное условие (объективную предпосылку) начала частичной коммунистической революции, а в некоторой перспективе — и более или менее успешного её продолжения.

Далее, в процессе развития общества появятся и другие объективные предпосылки, например, ранее упоминавшаяся мною автоматизация.

При невоенном начале частичной революции (без гражданской войны и интервенции) национализация покрывает только монополистический уклад, совершенно не распространяясь на прочие — сохраняемые и используемые в интересах нового строя — частнособственнические хозяйственные уклады. Об этом (по сути дела о нэповской линии хозяйствования) я писал в работе «Коммунистически организованный капитализм»¹.

Но наряду с коммунистическим позитивом история продемонстрировала и его противоположность. Она показала, что страна, едва достигшая монополистической планки развития, не дожидаясь, когда подспеют другие объективные предпосылки, оказалась способной только на сравнительно короткий срок сделаться эмбрионом коммунизма. Эмбрионом, умерщвлённым отступлением от нэповской, по своему существу коммунистической линии (сначала — вправо, а затем, на долгие годы, — влево). Коммунистическая революция в России потерпела поражение намного раньше реставрации откровенного капитализма.

И это (поражение), в общем-то, нормально. Новый строй, при недостатке развития, не в состоянии обойтись без поражений в начале своего исторического пути. Таков закон зарождения нового, прогрессивного. На минимуме объективных предпосылок размеренное движение к новому невозможно.

Историю делают люди. Это значит, что наряду с объективным фактором для совершения частичной коммунистической революции необходим и фактор субъективный. Мы подойдём к нему со стороны внешнего толчка, который, как нам известно, инициирует начало частичной революции — захват политической власти.

Поскольку мы не фантазируем об абстрактной частичной революции, а апеллируем к российской действительности, зададимся вопросом: что извне толкнуло Россию в её революцию? Конечно же, мировая война. Да ещё как толкнула. Война (не буду называть вызванных ей бедствий и идущих от них к активности людей нитей) наэлектризовала достаточно широкие крестьянские и рабочие массы, война создала «армию» революции.

¹ В. Искрин. Коммунистически организованный капитализм. Л., 1990.

«Армия» революции (не только коммунистической) состоит из двух частей.

Первое подразделение российской коммунистической «армии» составляли последовательные, принципиальные революционеры (вожди революции и их убеждённые сторонники), второе — активизированные войной союзники, являющиеся всего лишь временными попутчиками. Первое подразделение насчитывало в лучшем случае тысячи человек, второе — миллионы. Достаточно очевидно, что усилиями тысяч, без по сути дела некоммунистических попутчиков Россию не удалось бы перевернуть.

А с попутчиками... Нет, я не о победе, а о поражении. Которое неизбежно, если второе подразделение возьмёт верх над первым. В СССР именно это и произошло. Троцкий писал: «Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции». Я бы слово «бюрократия» заменил на «попутчики». При такой корректировке высказывание Троцкого оказалось бы классово заострённым (интересно, что бы Троцкий ответил на вопрос: выходцами из каких классов являются советские бюрократы?).

Вы спросите, уважаемый читатель, кого я отношу к союзникам-попутчикам? Разумеется, я отвечу на этот вопрос. Только после одного предостережения.

Оно адресовано «пролетарскому ортодоксу», в руки которого попала эта книжка, и который уже нашёл в ней немало «крамолы». Крепче держитесь за стул, товарищ.

К попутчикам революционеров-коммунистов я отношу прежде всего пролетарские и крестьянские массы (за вычетом отдельных представителей эксплуатируемых классов, вошедших в ядро «армии» революции).

Можно ли обосновать такую «крамолу»? Конечно. Обоснование нереволуционности пролетариата (и крестьянства) вы найдёте в главе «Главная ошибка Маркса». Сейчас же мы не будем отвлекаться на эту исключительно важную тему и после пары абзацев о первом подразделении (ядре) «армии» революции охарактеризуем, оглядываясь на 1917 год, первую очередь коммунистических революций.

В начале XX века последовательные, принципиальные революционеры-коммунисты не имели и не могли иметь сколько-нибудь массовую коммунистическую опору. Для становящегося капитализма характерна та же «детская болезнь». В начале своего пути

капитализм, технологической основой которого является машинное производство, также не мог опереться на массы, ибо масс, связанных с этой основой, за её отсутствием, просто не было. Новое, таким образом, появляется в зачаточном виде раньше, чем создаётся его технологическая основа. В этом состоит одна из объективных причин изрядной длительности и трудности эмбрионального периода социальной революции.

Технологической основой коммунизма служит автоматизация и цифровизация производства (по крайней мере, таковой основа видится сейчас). Только на такой основе может сформироваться и в наше время уже формируется более или менее массовая социальная опора коммунистической революции. Однако это — лишь полдела. Чтобы стать действенной опорой, связанным с цифровой автоматизацией социальным слоем должна быть воспринята научная коммунистическая идеология. Пока это — дело будущего. Лишь тогда, когда это произойдёт, мировая коммунистическая революция вступит в свой второй — равновесный — период. Ареной борьбы старого и нового тогда станут не столько улицы городов, сколько компьютерные сети.

Но перенесёмся из будущего коммунистической революции в её реальное, а не проектируемое течение. Мы должны ответить на вопрос: какой блок стран являет собой первую очередь частичных коммунистических революций? Опираясь на историческую действительность и исходя из теории, мы можем совершенно определённо указать на промежуточные, срединные страны, «страны типа России». В таких странах имеется как необходимый затравочный минимум объективных предпосылок перехода на коммунистические рельсы, так и просыпающиеся в трудные годы способные начать частичную революцию социальные силы (субъективный фактор), правда, характеризующиеся колоссальным перевесом непоследовательных попутчиков над последовательными революционерами (и в этом кроется, хотя так не говорят, залог поражения революции и возврата на прежние, капиталистические позиции).

Вы думаете, уважаемый читатель, нам нелегко будет определиться со второй и третьей очередью коммунистических революций? Нет, это исключительно просто. Судите сами.

Для второй очереди совершенно не подходят страны верхнего полюса капитализма. Эксплуатация народом народа, а в эксплуата-

ции народов слаборазвитых стран участвует практически всё население господствующих наций, начисто исключает какую бы то ни было верхнеполюсную революционность. Иначе говоря, при наличии определённых объективных предпосылок коммунистической революции, в верхних странах отсутствует субъективный фактор. Он сформируется лишь тогда, когда «золотой миллиард» потеряет источник, извините меня за такое выражение, своего жирования. Эта потеря явится тем внешним толчком, который инициирует частичную революцию.

Эксплуатирующим, паразитическим странам суждено покинуть уже оскудневшую капиталистическую систему последними, в третью очередь, и, скорее всего, покинуть, в силу их выравнивания и сближения, не в рассрочку, а более или менее одновременно.

Вторую очередь, следовательно, составляют слаборазвитые, представляющие эксплуатируемую часть человечества капиталистические страны.

Такие страны могут лишь тогда более или менее определённо порвать с капиталистической системой, когда мировой коммунизм в лице стран первой очереди покажет им пример и окажет поддержку.

Между началом первой очереди и началом второй может вообще не быть перерыва. Наглядным примером тому является приобщение к коммунизму бывших колониальных окраин царской России.

В плане революционной самостоятельности слаборазвитые страны совершенно недееспособны, как из-за отсутствия объективных предпосылок, так и по причине ущербного (на всех этапах — от «простого народа» до нахватавшихся «марксистских вершков» лидеров) субъективного фактора. Здесь наглядным примером служит быстро почившая так называемая социалистическая ориентация (или некапиталистический путь развития). Остаётся надеяться, что в будущем, при нормальном развитии первоочередных революций, такие опыты пойдут на убыль.

Таким образом, мы определились с очередями коммунистических революций. Только учтите, читатель, что у нас в руках схема. Жизнь всегда намного богаче даже самой детально проработанной схемы. В действительности возможны переходы каких-то стран на новое, иное место в системе мирового капитализма, внеочередные революции, запаздывание революций, втягивание в революцию

какой-то отдельной эксплуатирующей страны революциями в её бывших колониях... Как говорится, проживём — увидим. И обогатим схему.

А сейчас вместе с вами, уважаемый читатель, я, созвучно Маяковскому, итожу то, что прожил, нет, не я, а мир, вступивший в октябре 1917 года в коммунистическую революцию. Как и то, что мир ещё не прожил.

1. Поэлементное, пострannое сложение коммунизма является не произвольным или случайным, а упорядоченным, осуществляющимся в определённой очерёдности процессом.

Порядок этого процесса задан строением готовой к распаду и распадающейся мировой капиталистической системы.

Сообразно трём структурным подразделениям мирового капитализма сложение коммунизма протекает в три очереди.

С точки зрения теории, правомерность такого схематично описанного нами порядка развития мировой коммунистической революции не вызывает сомнений. На практике, ибо жизнь всегда богаче любой схемы, возможны и даже неизбежны отклонения от вычерченной линии.

2. Первая очередь частичных коммунистических революций охватывает средний класс мирового капитализма.

В «средних странах» имеются как минимальные объективные предпосылки для начала осуществления частичной коммунистической революции, так и субъективные, максимальный вес которых падает на попутчиков революции и совсем незначительный — на последовательных революционеров-коммунистов.

Вероятность поражения революции и реставрации капитализма в первоочередных странах весьма высока.

3. Вторую очередь составляют революции в слаборазвитых странах.

Эти революции, при отсутствии объективных и, мягко говоря, недоразвитости субъективных предпосылок могут быть действительно коммунистическими лишь при опоре на уже существующий нормальный коммунизм (неполный) первоочередных стран.

Вероятность реставрации капитализма в странах второй очереди также высока.

4. В третью очередь в социальную коммунистическую революцию будут вовлечены самые развитые капиталистические страны.

Скорее всего, по причине консолидации верхнего полюса мирового капитализма, вхождение этих стран в коммунистическую систему будет групповым, единовременным.

Главная проблема будущих революций в эксплуатирующих странах сегодня состоит в отсутствии субъективных предпосылок революционного вступления в коммунизм (при наличии объективных предпосылок). Появление и развитие таких предпосылок связано с выходом из системы капиталистической эксплуатации слаборазвитых стран.

ГЛАВА XI

ЗАБЕГАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И РЕАКЦИЯ

Во Введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» есть одно место, мимо которого, подняв тему попутчиков революции, мы никак не можем пройти.

Энгельс писал во Введении (1892 г.): «...Оригинальное явление: во всех трёх великих восстаниях буржуазии боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоёванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменри (среднее крестьянство — *В.И.*) почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и *плебейского* элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот, чего одна буржуазия никогда не смогла бы сделать. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели; совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества»¹.

Думаю, насчёт закона (назовём его законом забегаания революции) мы согласимся с Энгельсом. Только сузим сферу его (закона) действия.

Как свидетельствует история, и что в общем-то понятно, забегание капиталистической революции возможно и в действительности имеет место лишь тогда, когда революции предшествует более или менее острый общенациональный кризис, когда борьба захватывает широкие народные массы и приобретает в силу неустойчивого равновесия противоборствующих сторон колеблющийся

¹ Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 308–309.

и ожесточённый характер. Забеганию подвержены лишь радикальные и органичные (т.е. не привнесённые извне) капиталистические революции. Для осуществления целей верхушечных и колониальных революций забегание не требуется.

Возникает вопрос: сузив сферу действия капиталистического забегания, можем ли мы распространить закон забегания на частичные коммунистические революции, по крайней мере, первоочередные?

В левой традиции по данному вопросу, в связи с русскими революциями, в начале XX века оформились две диаметрально противоположные точки зрения.

Так, по Каутскому, «пролетарской революции чужд бурный наступательный метод, свойственный революции буржуазной» (надо сказать, что «небурными» Каутскому виделись, в противовес «русским экспериментам», будущие, как он считал, мирные революции на Западе)¹.

Наиболее яркой выразительницей альтернативной точки зрения Розой Люксембург вскоре после октябрьской победы был сформулирован «жизненный закон» революции: «либо она (революция — В.И.) должна очень быстро и решительно рвануться вперёд, сокрушая железной рукой все препятствия и выдвигая всё более далеко идущие цели, либо она будет очень скоро отброшена назад, за свой слабый исходный пункт и задавлена контрреволюцией. В революции не может быть остановки, топтания на месте, самоограничения первой же достигнутой целью»².

Как вы догадываетесь, уважаемый читатель, я стою на позиции Красной Розы. Позволю себе к её словам сделать небольшое дополнение.

Закон забегания революции («жизненный закон»), будучи законом людского действия, не требует для своей реализации особых умственных усилий. Проводники этого закона по преимуществу иррациональны. Их багажом являются циркулирующие в массах достаточно расплывчатые надежды, чаяния, иллюзии, согласно которым лучшая жизнь наступит тем скорее, чем масштабнее и напористее будет наступление, чем больше будет отвоёвано и отнято

¹ См.: К. Каутский. Пролетарская революция и её программа. Берлин, 1922, стр. 123–127.

² Р. Люксембург. Рукопись о русской революции. — О социализме и русской революции. М., 1991, стр. 311.

у «паразитов-кровопийц», чем решительнее будут уничтожаться приметы и символы «проклятого прошлого». Действия призванных революцией к творчеству масс в основе своей стихийны. А стихией управлять, мягко говоря, затруднительно.

Я дополняю не Р. Люксембург — она прекрасно знала о невозможности управлять стихией революционного бунта. Я дополняю использованную мной цитату.

Российская революция 1917 года обладала всеми задатками для своего забега. Половинчатость капиталистических преобразований и тяготы войны обуславливали вовлечение в революцию широчайших жаждущих перемен народных масс. Масс, с их надеждами, иллюзиями, инициативами, начинаниями, стихийными порывами.

Забегала ли революция в действительности? Несомненно. Если бы мы занимались описанием забега, оно (описание) потянуло бы на целую книгу. Философский характер настоящей работы и преследуемая в этой главе цель заставляют втиснуть перечисление лишь некоторых моментов забега в один небольшой абзац. Назову пятёрку, на мой взгляд, самых ультрареволюционных местных инициатив.

Практически сразу же после установления тут и там власти Советов, местные выдвиженцы с революционной энергией принялись обобществлять предприятия, создавать трудовые коммуны, реквизируют здания, материальные ценности, продовольствие, блокировать деятельность церковных организаций, создавать никак не связанные с центром и одна с другой областные республики (Тверскую, Калужскую, Саратовскую, Алтайскую и др.), со своими наделёнными широкими революционными полномочиями совнаркомы, комиссариатами, законодательством и прочей государственной атрибутикой.

Революционные завоевания, правда, иного рода, форсировались и руководителями молодой Советской республики. В отличие от масс вожди, однако, действовали вполне осознанно, руководствуясь... Впрочем, об их мотивации я скажу после того, как продолжу и прокомментирую открывающую эту главу цитату.

После слов «По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества» Энгельс пишет: «За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться. После

ряда колебаний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития...»¹.

Подчеркну, «с необходимостью последовала неизбежная реакция». Да, революции, вырастающие из общенационального кризиса, революции, вовлекающие в борьбу широчайшие народные массы, революции радикальные и забегающие дальше объективно необходимых для их развития рубежей неизбежно оказываются задушенными реакцией. История свидетельствует: забегание революции имеет своим зеркальным отражением, наверное, можно так сказать, забегание реакции. И чем более радикальна революция, тем более суровой является до поры до времени таящаяся в ней реакция. Созвучно Энгельсу, и без слова «по-видимому», мы можем сказать: таков один из законов общественного развития.

Вы удивлены, читатель? Как в революции может таиться реакция? Что ж, объясню.

Революцию делают не только и не столько посвятившие себя борьбе люди. Широчайшие народные массы, львиную долю которых составляют ставшие не от хорошей жизни революционерами попутчики, на начальном этапе революции, заслоня собой и игнорируя вождей, в соответствии со своим пониманием (может быть, вернее, ощущением) революционной механики врываются в историческое творчество.

Рядовым творцам истории, как показывает жизнь, свойственно надеяться на быстрый и лёгкий успех, переоценивать свои возможности, считать знанием веру, увлекаться, строить воздушные замки, ожидать со дня на день наступления «светлого будущего». У людей, действующих совместно, в значительной степени усиливаются революционные предвкушения, радужные иллюзии, благодные надежды.

Но действительность оказывается не столь радужной, какой она представлялась в начале революции. Проходят недели, месяцы, но жизнь не становится лучше. Напротив, невзгоды подступают со всех сторон. Гражданская война, интервенция, блокада, голод переворачивают унастроение людей. Обнаруживается социальная усталость. Теперь души людей наполняют разочарование, растерянность, уныние.

¹ Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 309.

Подъём революции завершается, начинается её спад. От р-р-революционности попутчиков не остаётся и следа. Какая-то их часть отходит от политики, замыкается в мирке «спокойной жизни», какая-то, и немалая, — переходит в лагерь контрреволюции. Наступает термидор, избежать который, в силу его массовой подпитки, уже нет никакой возможности¹.

Попутчики — великая сила. Они обеспечивают успех революции, они революцию и подавляют.

Ранее, в главе об очередях коммунистических революций, я писал о нормальности поражений нового строя в начале его исторического пути. Да, новое заступает на свою историческую вахту не в один приём. Челночный характер зарождения нового строя (при котором, как показывает практика, регрессивная историческая подвижка в подавляющем большинстве случаев уступает прогрессивной) обусловлен, и, надеюсь, что это было показано, неразвитостью как объективных, так и субъективных предпосылок ранних революций. В данной главе я ставил своей целью обнажить людской, если можно так выразиться, попутнический механизм поражения революции (как, впрочем, и её победы).

Теперь — о форсировании революционных завоеваний «иногo рода» большевистским руководством.

Лидеры большевистской революции совершенно справедливо считали, что закон забегания и реакции действителен и для начавшейся российской коммунистической (частичной) революции. Что ожидало их революцию в недалёкой перспективе? Поражение? Очень вероятно. Те несколько недель или месяцев (так прикидывал Ленин) надо было использовать с максимальной пользой. Что можно было сделать при таком временном лимите?

Троцкий писал: «Придут другие и, опираясь на намеченное и начатое нами, сделают новый шаг вперёд. Таков был смысл законодательной работы первого периода. Движимый той же мыслью Ленин нетерпеливо требовал скорейшего издания классиков социализма и материализма на русском языке. Он добивался, чтоб как можно больше поставлено было революционных памятников, хотя бы самых простых, бюстов, мемориальных досок, во всех городах,

¹ Ставшее нарицательным слово «термидор» используется как синоним слов «контрреволюция» и «реакция» (27 июля 1794 года, 9 термидора по революционному республиканскому календарю во Франции произошёл контрреволюционный переворот).

а если можно, то и в сёлах: закрепить в воображении масс то, что произошло; оставить как можно более глубокую борозду в памяти народа»¹.

А вот мнение Коллонтай на двенадцатый (!) день после победы вооружённого восстания в Петрограде: «... большевики, без сомнения, погибли, но прежде они научат людей неизвестным до них словам, новым мыслям, которые никогда не будут забыты. Декреты русского революционного правительства станут для будущего пролетариата тем, чем были для третьего сословия декреты Великой французской революции — маяком, освещающим лучший мир. Проснутся новые надежды, начнутся новые сражения»².

Совнарком сразу же после своего создания в форсированном режиме занялся законотворчеством. За первые двадцать дней им было издано 60 декретов, а за два с половиной месяца — 250³.

Конечно, о применении большинства декретов на практике в тогдашних условиях не могло быть и речи. Советские руководители это понимали. Они в своём революционном забеге работали на будущее.

Революция не была съедена реакцией ни через недели, ни через месяцы. Термидор вынужден был уступить революции некоторое время. Но он всё равно пришёл, пришёл в специфическом, ранее неизвестном ползучем порядке. Он вполз под красными знамёнами, в коммунистических одеждах, прикрываясь именем Ленина. Чтобы спустя десятилетия вылиться в откровенно капиталистический.

О ползучем термидоре я не буду здесь распространяться. Может быть, главу, посвящённую советскому термидору, я включу в следующее, более широкое издание этой книги. А сейчас, уважаемый читатель, если я вас заинтриговал «специфической» реакцией, вы можете прочитать о ней в одной моей книжке, где этот вопрос разбирается более или менее подробно⁴. Только «вычеркните» из работы, написанной почти тридцать лет назад, диктатуру пролетариата. Тогда я ещё находился в плену учения о роли пролетариата в коммунистической революции.

¹ Л. Троцкий. Моя жизнь. Т. 2. М., 1990, стр. 65–66.

² См.: Ж. Садуль. Записки о большевистской революции. М., 1990, стр. 69.

³ См.: Дж. Боффа. История Советского Союза. Т. 1. М., 1994, стр. 68.

⁴ С. Риксни. Цивилизация Земли в период первой волны глобального перелома: Отчёт космонавта-социолога. СПб., 1995.

Нам известно, что вожди революции на волне её подъёма действовали вполне осознанно, что они обладали знаниями касательно взлёта и падения революции.

И вот возникает вопрос: может быть (неважно, в России или другой стране), революционное руководство, вооружённое знаниями и умением их использовать, при определённом стечении обстоятельств окажется в силах поставить заслон контрреволюции (реакции, термидору), в какой-то мере приглушить контрреволюцию, выправить положение или контрреволюцию отсрочить?

Переберём, подойдя к проблеме исторически, первые три из четырёх названных мной вариантов.

Что касается предотвращения термидора, не думаю, что в начале мировой коммунистической революции это возможно. Закон, так или иначе, пробьёт себе дорогу. Другое дело, постановка заслона к концу коммунистического преобразования мира. В это время мировой коммунизм сможет уже диктовать свою волю остаткам старого. Видимо, заинтересовавший нас закон сходит на нет с завершением коммунистической революции.

Второй вариант (приглушение контрреволюции) является ослабленным первым. Не буду повторять только что сказанное.

Выправление ситуации, по крайней мере, сегодня, демонстрирует Китай, где после левацких перегибов компартии удалось, если я верно осведомлён, направить страну по нэповскому (социалистическому) пути. Разумеется, трудно сказать, что будет с китайской революцией дальше. Капиталистическая реставрация в странах «типа Китая» достаточно вероятна, особенно в условиях девальвации коммунистической идеи (что в современном Китае, несомненно, имеет место).

Между прочим, Троцкий, до конца своих дней надеялся на возвращение партии и страны на «ленинский путь».

Четвёртый вариант (отсрочка термидора), и это, может быть, вы уже увидели между строк, прошёл практическую обкатку в России.

Что я называю обкаткой? Об этом вы узнаете из четырнадцатой главы. А в этой нам осталось лишь подвести итоги.

1. Революция может одержать верх над старым, лишь решительно следуя от победы к победе, лишь сметая все встречающиеся на её пути преграды, лишь перешагивая в своём

развитии через объективно необходимые действия, лишь срывая плоды, которые ещё не созрели.

Такое развитие победоносной революции является законом общественного развития. Этот закон мы назвали законом забегающей революции.

2. Зеркальным отражением радикальной, опирающейся на народный подъём революции является пожирающая её реакция.

В начальный период коммунистического преобразования мира поражение частичной революции практически запрограммировано.

Однако поражение революции представляет собой исходную точку новой революционной волны. Новое может одержать верх над старым, как правило, в ходе нескольких революционных подвижек.

3. Забегающая революция и повергающая её реакция имеют одну и ту же людскую основу.

Такой основой служат являющиеся в «спокойное время» по своей сути революционно-нейтральные народные массы, вступающие на историческом переломе сначала в роли попутчиков революции и обеспечивающие своим социальным весом её успех, а затем испытывающие усталость и разочарование в своих вчерашних идеалах, переливающиеся в лагерь контрреволюции и обеспечивающие теперь уже торжество реакции.

Чем более широкие «попутные» массы оказываются вовлечёнными в революцию, тем значительнее её забегание и тем чернее убивающая революцию реакция.

ГЛАВА XII

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НЭП

Российский — ползучий — термидор, в отличие от французского контрреволюционного переворота, невозможно привязать к какой-то конкретной дате. Но указать на историческую полосу, когда специфическая контрреволюция начала «вползать» в свои права, разумеется, можно. Мне представляется, что это 1923 год.

Но термидор, и не в ползучем порядке, а в форме контрреволюционного военного переворота, мог случиться на пару лет раньше. Тогда, в 1921 году, большевикам удалось в зародыше подавить по своей сути термидорианский мятеж (Кронштадтское восстание).

Мятеж заставил руководство Советской России срочно сворачивать военный коммунизм и переходить к новой экономической политике (нэпу), а эта политико-экономическая трансформация, в свою очередь, обусловила отсрочку российского термидора и его специфический характер.

Таким образом, от установления Советской власти в стране до отсрочки термидора прошло три с лишним года. Мы, высвечивая в предыстории отсрочки лишь основное, в двух главах сожмём это время до получаса вашего чтения, читатель.

В шестой главе я писал, что политическую власть старого в центре можно низвергнуть в считанные часы. В России так и случилось. Переворот 25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде оказался не только стремительным, но и сравнительно лёгким и практически бескровным. Но это было лишь начало политической революции. Следующей задачей являлось распространение Советской власти по огромной периферии.

Эта задача была решена, во-первых, достаточно быстро, в течение трёх-четырёх месяцев, но, во-вторых, не так легко и просто, как была взята власть в столице.

Первое, по-видимому, позволило Ленину назвать распространение по стране новой власти триумфальным шествием. Это выражение, вообще-то говоря, вырвавшееся у Ленина в полемическом

запале, было превращено советской историографией в клише, благодаря выпячиванию которого совершенно незначительным казался второй, негативный, хотя и вполне естественный и ожидаемый, момент распространения Советской власти. Я имею в виду борьбу, в ходе и результате которой новая власть устанавливалась на местах.

Посмотрим, какой Ленину виделась эта сторона распространения Советской власти. Как Ленин называл рассматриваемый под углом борьбы начальный этап существования Советского государства? Оказывается, ни много ни мало гражданской войной.

Выступая в апреле 1918 года в Московском Совете, Ленин говорил: «Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена. Конечно, отдельные стычки будут, в некоторых городах вспыхнут кое-где на улицах перестрелки, вызванные частичными попытками reactionеров опрокинуть силу революции — Советскую власть, но нет сомнения, что на внутреннем фронте реакция бесповоротно убита усилиями восставшего народа»¹.

Да, Ленин и его соратники не знали тогда, что это была всего лишь, если можно так выразиться, пробная, первоначальная гражданская война. Не знали, что внутренняя реакция далеко ещё не убита, что Советскую страну ждут не частичные, а тотальные попытки reactionеров свергнуть революционную власть.

Наполнением начального этапа революции ни в коем случае нельзя считать примитивную сумму триумфального шествия Советской власти и малой гражданской войны. Начальный этап, образно говоря, представляет собой многостороннюю фигуру. Укажу в дополнение к отмеченным ещё на две её стороны, назову ещё два момента, характеризующие первые месяцы существования Советского государства.

¹ В.И. Ленин. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 23 апреля 1918 г. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 233–234 (Ленин категорически требовал, из-за их искажения «нашими ослами», никогда не цитировать его речей. Однако в данном случае я позволил себе нарушить ленинский запрет, т.к., на мой взгляд, вряд ли можно было при стенографировании исказить мысль Ленина об окончании гражданской войны, тем более, что это суждение встречается и в других источниках. В дальнейшем при цитировании ленинских речей я буду так же осмотрителен.).

В той же речи, произнесённой в Московском Совете, Ленин назвал пережитый период «эпохой опьяняющего и кое-кого опьянившего успеха». Троцкий, вспоминая то время, употребляет такие слова, как «мягкосердечие» и «великодушие».

Действительно, победители, опьянённые своими впечатляющими успехами, выказывали, как вскоре выяснилось, чрезмерную снисходительность (между прочим, первые шаги Парижской Коммуны были отмечены тем же самым). Так, арестованные министры Временного правительства вскоре были отпущены на свободу, а генерал Краснов, готовивший поход на Петроград и взятый в плен, на следующий же день был освобождён под честное слово (но слова своего он не сдержал и через несколько месяцев уже воевал против Советской республики на юге).

Наконец, четвёртым моментом начального этапа революции (я выделяю его из малой гражданской войны) явилась так называемая красногвардейская атака на капитал, направленная не только и не столько на подавление военного сопротивления капитала, сколько на подавление саботажничества.

Таковы основные грани начала осуществления Советской власти.

Начальный — боевой — этап российской коммунистической революции завершился в конце февраля — начале марта 1918 года (3 марта 1918 года, заключив сепаратный мир с Германией, Россия вышла из мировой войны).

Опасения большевиков, в общем-то достаточно определённо ранее говоривших о скором задушении революции, рассеивались. Революция выжила, окрепла, стала утвердившимся фактом. Наступил мир. Новая ситуация вселяла оптимизм. Но оптимизмом, как говорится, сыт не будешь. Наступивший мир во весь рост поставил вопрос: что дальше?

На этот вопрос я отвечаю словами Ленина: «На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача — организовать *управление* Россией. Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало ещё форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления не могла стать *главной, центральной*.

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплу-

ататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И всё своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности* перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*»¹.

Сердцевиной «главной задачи управления» Ленин видел организацию социалистической экономики. Что именно им предлагалось?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, мы посмотрим, что является экономической нормой социализма. А затем оценим, соответствовали ли ленинские предложения социалистической норме экономики, а если соответствовали, то насколько (в каком объёме).

Социализм как общественный (в том числе экономический) строй переходен. Образно говоря, он состоит из двух материалов — капиталистического и коммунистического. Социализм просто обязан (обязанностью я называю объективную необходимость) использовать капиталистический позитив, а таковой, несомненно, имеется, определённым образом организуя его, в коммунистических интересах. Выражаясь кратко, можно сказать, что социализм в его экономическом разрезе является коммунистически организованным капитализмом. Так я назвал одну из своих работ, где нормально выстроенная социалистическая экономика описывается намного более детально, чем это будет сделано, дабы слишком сильно не отклоняться от вычерчиваемой в книге линии, сейчас².

Как я уже сказал, и, думаю, вы согласились со мной, уважаемый читатель, безоговорочной национализации и переводу в разряд государственной собственности при социализме подлежат только монополии. Почему? Потому что, напомним вам, монополия является той хозяйственной формой, которая, вырастая из классического (конкурентного) капитализма, капитализм перерастает, вступает в противоречие с его природой и, будучи «коммунистической заготовкой», отягощается капитализмом в своём функционировании.

Россия в начале XX века, и это не является исключением из мировой реальности, в экономическом плане была страной многоукладной. В российской экономике того времени мы без труда

¹ В.И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 172–173.

² В. Искрин. Коммунистически организованный капитализм. Л., 1990.

обнаружим четыре, а то и пять (если отдельно рассматривать среднего и мелкого частника) хозяйственных укладов.

Каких укладов? Какое коммунистическое воздействие они должны претерпеть, чтобы стать социалистическими?

Ниже монополистического уклада в экономической иерархии капитализма находится крупный частный капитал. Как его сделать, по выражению Ленина, пособником коммунизма, как коммунистически организовать? Только, и вы не найдёте другого, более рационального способа, переведя его в разряд государственного капитализма.

Чем отличается коммунистически модифицированный крупный капитал от ставшей государственной монополией? Если национализированные монополии при социализме функционируют всецело по государственному плану, то госкапиталистический сектор «пособничает» коммунизму на основе, что привлекательно для капиталиста, твёрдого госзаказа. Нетрудно понять, что госкапиталистический уклад при социализме менее коммунистичен (и более капиталистичен), чем монополистический.

Пропорция между капиталистическим и коммунистическим началом должна быть ещё более сдвинута в сторону капитализма на следующей ступени многоукладной экономики, там, где хозяйствует средний и мелкий частник. Здесь организаторская роль социалистического государства сводится к косвенному, не имеющему конкретного адреса воздействию: через налоги, кредиты, режу — экономические договоры.

В самом низу экономической иерархии капитализма, если пренебречь патриархальным укладом, мы находим уклад мелкотоварный. В России — это необъятное крестьянское море. Можно ли коммунистически организовать эту стихию? Можно. Только организация (если это слово вообще применимо к крестьянской вольнице) здесь допустима предельно осторожная, ни в коем случае не директивная и, главное, опосредованная.

Вы интересуетесь, уважаемый читатель: существует ли в природе рычаг, удовлетворяющий этим «деликатным» требованиям? Оказывается, существует. Таким рычагом является кооперация. Но лишь потребительская, сбытовая и кредитная. И обязательно добровольная. Мы знаем, чем обернулась для деревни спущенная на неё сталинская производственная кооперация (коллективизация).

Думаю, не надо объяснять, что через систему кооперации, посредством государственных кредитов, предоставления различных льгот, установления твёрдых и выгодных крестьянину закупочных цен и других экономических мер, мелкотоварный уклад в определённой мере может быть подвинут к делу коммунистической организации экономики.

Такова разложенная по ступеням норма социалистической экономики.

Соответствовали ли ленинские предложения, более того, требования, весны 1918 года социалистической экономической норме? Несомненно. Были ли они, если можно так выразиться, полнообъёмными? На этот вопрос я должен ответить отрицательно. Быть таковыми в то время они просто не могли. На то имеются, по крайней мере, две причины.

Во-первых, перевод крупного и среднего капитала на госкапиталистические рельсы, а Ленин страстно призывал прежде всего к этому (упомяну ещё и концессии), являлся в тогдашних условиях сравнительно легко осуществимой и максимально эффективной выправляющей экономику мерой.

Во-вторых, в распоряжении большевиков не было сколько-нибудь полной политэкономической концепции социализма. Имелись лишь скромные, сделанные без должной теоретической проработки её отдельные заготовки. Что касается посвящённых экономической трансформации ленинских статей, писались они как отклик на требования момента, и к тому же, что называется, на коленке. Ленина в то время (как это бывало и раньше) вёл не только разум, но и присущее ему необычайно острое политическое чутьё.

Думаю, если бы Ленин обладал полнообъёмным видением «конструирования» социалистической экономики и если бы он выступил с более масштабными предложениями (возможно, что-то он оставил при себе), не исключено, что ему не удалось бы совладать с «революционной» оппозицией в партии, обвинявшей его в соглашательстве с буржуазией, в реформизме, в забвении традиций Октября и прочих «смертных грехах».

«Революционная» оппозиционность захлестнула партию. Весной 1918 года лишь два «тяжеловеса», Ленин и Троцкий (немногочисленные более мелкие фигуры не в счёт), противостояли в вопросе экономической реорганизации «революционной» оппозиции.

Французский социалист Садуль писал в своём дневнике в апреле 1918 года: «Только Ленин и Троцкий обладают сегодня в России умом, энергией и престижем, достаточным для того, чтобы подвинуть свои войска, то есть большевиков из народа, на эту новую революцию (экономическую реорганизацию — В.И.), более трудную и опасную, чем Октябрьская»¹.

Войска не пришлось подвигать. Так распорядилась история. Экономическим намёткам весны 1918 года не суждено было осуществиться. Для этого просто не было времени. Мирная передышка оказалась кратким мигом — летом возобновилась гражданская война.

Война потребовала иной экономической политики. Режим осаждённой крепости, получивший название военного коммунизма, заставил экономическую норму социализма ждать своего претворения в жизнь целых три года.

Режимом военного коммунизма, ненормального в мирных условиях, но позволяющего выжить в военной обстановке, мы займёмся в следующей главе.

А сейчас, как у нас заведено, подведём итоги главы настоящей.

1. Развивая сложившиеся у нас представления о норме социализма как общественного строя (такой нормой является его переходный характер — необходимое наличие капиталистических и коммунистических черт), мы конкретизировали их (представления) применительно к социалистической экономике.

Нормой социалистической экономики является организуемый в коммунистических интересах капитализм, его позитив, принципы и методы хозяйствования.

Гвоздём коммунистической организации капитализма является нахождение наиболее эффективной пропорции между капиталистическим и коммунистическим началом социализма, такой пропорции, которая позволяет максимально полностью удовлетворять общественные потребности (посредством реализации частных интересов).

Эта пропорция не является общеэкономической. Она различается в зависимости от места и уровня развития того или иного имеющегося в наличии хозяйственного уклада

¹ Ж. Садуль. Записки о большевистской революции. М., 1990, стр. 231.

(в предреволюционной России имелось четыре или пять таких укладов: монополистический, крупнокапиталистический, среднекапиталистический/мелкокапиталистический и мелкотоварный).

Для каждого из укладов мы нашли способ его перевода на социалистические рельсы.

Экономически целесообразную пропорцию между старым и новым вряд ли можно заранее прописать с «математической точностью». Социалистическое хозяйствование является не только наукой, но и искусством.

2. Окончание малой гражданской войны и вступление в мирную полосу позволило большевистскому руководству России приступить к формированию нормальной, исторически выдержанной социалистической экономики.

К сожалению, экономическим начинаниям, ибо мир оказался исключительно кратковременным, суждено было остаться только на бумаге. Первоначальный нэп смог развернуться на практике в собственно нэпе только с завершением большой гражданской войны.

3. Привлечение вашего внимания, читатель, к вопросу нормы социалистической экономики и попытке её (нормы) практической реализации является своего рода восстановлением исторической справедливости.

Ибо в советской (сталинской и послесталинской) историографии за норму (несмотря на то, что ленинские «Очередные задачи Советской власти» входили во все учебные программы) выдавался передозированный коммунизмом социализм, а нэп рассматривался как «временное отступление».

Только при Андропове, и то лишь в режиме комариного писка, о нэпе негласно было дозволено говорить в «ограниченном позитиве». Через год, с приходом нового генсека, для многострадального нэпа опять наступили чёрные времена.

Что касается современных «коммунистов» (из КПРФ и других псевдокоммунистических организаций), нэп (читайте: нормальный социализм) для них так же противен, как велик (в их представлениях) Сталин.

ГЛАВА XIII

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Казалось бы, перестройка с её гласностью и плюрализмом мнений позволит утвердиться выдержанному, как с точки зрения теории, так и когда-то имевшей место практики, пониманию социализма, нэпа, военного коммунизма. Нет, случилось, скорее, противоположное. Окопавшиеся в редакциях журналов и издательствах сталинисты брежневского призыва, быстро перелицевавшись в перестроечников, воспользовались этой гласностью-плюрализмом и, перекрывая доступ свежей мысли, развернули самую настоящую теоретическую, вернее, антитеоретическую и антиисторическую вакханалию.

Оказалось, что если, к примеру, соединить сталинистскую трактовку становления коммунизма с противным сталинизму использованием рыночных механизмов и эту смесь сдобрить ревизией или (и) незнанием истории, то из-под пера якобы затаившегося до поры до времени перестроечника выйдет претендующая на якобы (простите меня, читатель, за этот повтор) новое слово в науке статья. А если её автор слывет научной величиной, его «перловую кашу» (помните, мы говорили о такой?) без проблем примет какой-нибудь солидный журнал.

Вы думаете, я фантазирую, и такого безобразия в «учёном мире» просто быть не может? Нет, не фантазирую нисколько. Вот, скажем... Я наугад достаю из соответствующей папки своего архива груды листов.

Вот, скажем, Бутенко, один из «ведущей» группы остепенённых посредственностей, умудрился состряпать как раз подобное, по выше набросанному рецепту, в принципе неперевариваемое блюдо. Разложу его стряпню на фракции.

Во-первых, сей «мудрец» оповестил мир об «ошибке первоходца Ленина», в результате которой «сразу же, с октября 1917 года ...советское общество встало на путь преждевременно-го “введения социализма” путём “военного коммунизма”, пыта-

лось на энтузиазме, “велениями государства” построить социализм...»¹.

Вот так-то. Просто захотелось «на энтузиазме» построить социализм, и «сразу же», не с лета 1918 года, а с октября 1917, своим военным коммунизмом втянул страну в «коммунистический эксперимент». Вы спросите: а где же первоначальный нэп? Да нет его. То ли он вычеркнут из истории (и теории) умышленно, то ли в результате умственной недостаточности. Не берусь судить (между прочим, в периодически возникающих в кругу товарищей спорах о том, что руководит «мудрецами», угодничество или глупость, я придерживаюсь срединной точки зрения, согласно которой одно другому не мешает).

Во-вторых, цитируемый автор «порадовал» нас ещё одним открытием: в 1921 году, «осознав свою глубочайшую ошибку», состоявшую во введении военного коммунизма, Ленин нашёл путь, через нэп ведущий к социализму, и, исправляя ошибку, «повернул к нэпу»².

Выходит, как в детской песочнице: увидел, захотел, нашёл, повернул... На объективную обусловленность как военного коммунизма, так и нэпа, на зависимость их введения от обстановки, на ход и требования истории у пустослова нет даже намёка.

В-третьих, наконец, и вы уже поняли это, читатель, нэповская разудалость нашего «мудреца» простирается лишь до «социализма», т.е. оказывается привязанной только, как я ранее выразился, к мёртворождённому «переходному периоду от капитализма к социализму».

Что же касается этого «социализма», его Бутенко (и не только он один) понимает так, как прописано в сталинском «Кратком курсе», т.е. свободным от капиталистических черт. Хотя и ругает «преступника Сталина», «направившего советское общество по ложному пути “через всероссийскую мясорубку” к созданию уже не действительного, а казарменного социализма»³ (задумайтесь над вопросом, уважаемый читатель: может ли социализм, свободный от капиталистических черт, быть не казарменным, а «действительным»?).

¹ А. Бутенко. Реальная драма советской истории. — «Наука и жизнь», 1989, № 12, стр. 38.

² См. там же.

³ См.: А. Бутенко. Реальная драма советской истории. — «Наука и жизнь», 1989, № 12, стр. 38.

В общем, сумбур полнейший!

Вы спросите: зачем столько внимания (ранее, здесь и далее) я уделяю критике того, что, вообще-то говоря, ниже всякой критики? Отвечу: я нескромно предполагаю, что моя книжка не покроется слоем пыли на библиотечных полках и не затеряется на всемирной электронной свалке, а послужит будущим творцам нового общества, в частности, поможет им распознать учёноподобных сумбуристов, имеющих обыкновение всплывать на поворотах истории. Не думаю, что в будущем набор их перлов претерпит какие-то изменения. А если всё же по этой части будет изобретено что-то новенькое, «мудрецов» выдадут их метки: интеллектуальная ограниченность, приспособленчество, ревизия истории, субъективизм.

Последнее слово пусть будет у нас затравкой положительного, а другого, вообще-то, и не бывает, раскрытия обозначенной заголовком темы. Сразу замечу, что о военном коммунизме мы будем говорить с упором на его объективную обусловленность и прежде всего как об экономической политике. Прочие аспекты, например, террор, мы обойдём стороной. Та же участь, ибо мы идём философским курсом, постигнет и пищу историка — исключительно богатую военно-коммунистическую конкретику.

Появившимся на волне гласности, казалось бы, из ниоткуда «новаторам» правого толка военный коммунизм представлялся (а кое-кому таковым представляется и сейчас) результатом желания большевистского руководства во главе с придумавшим такой режим «экспериментатором» Лениным форсировать «построение социализма»¹.

Неведомёк субъективистам, что военный коммунизм не является изобретением Ленина. Режим осаждённой крепости не раз, как до Ленина, так и после, под тем или иным названием (или вовсе без названия) играл в разных странах в критической обстановке поистине спасительную для людей и экономики роль. А поскольку рос-

¹ Надо сказать, что «новаторы» появились на самом деле не из ниоткуда. Задолго до перестройки, прикрываясь партийными билетами и щеголяя своим антикоммунизмом лишь в самом узком кругу своих единоверцев, они, ожидая своего времени, отсиживались в различных тёпленьких номенклатурных местечках, как, например, будущий откровенно буржуазный премьер Гайдар — в кресле заместителя главного редактора журнала... «Коммунист».

сийский военный коммунизм не уникален, и история с завидным постоянством порождает в угрожающей существованию обстановке подобные нашему военному коммунизму режимы, дело здесь не в желании, не в придумке и не в экспериментаторстве. Порождением истории, да ещё поставленным на поток, может быть только объективно обусловленное.

Троцкий называл российский военный коммунизм «героической параллелью к “военному социализму” капиталистических стран»¹.

Капиталистических? Да, режим осаждённой крепости индифферентен к общественному строю. Он совершенно не обусловлен строем. Военный коммунизм или какое-то его подобие диктуется только и только ситуацией, требующей максимальной концентрации (сил, ресурсов, управления, производства, распределения и т.д.) в целях сохранения крепости и выживания её обитателей.

Такой режим, разумеется, вводится людьми. Порядок его введения субъективен. Но независимо от того, хотят его учредители этого или нет, понимают или не понимают, созданный ими режим объективно, с необходимостью принимает определённое, от незначительного до весьма существенного, сходство с подлинным коммунизмом. Подчеркну, приобретает, не имея социально-экономической основы, лишь сходство. Не более того. От коммунизма его военный суррогат отличается примерно так же, как отражение в зеркале от отражаемого зеркалом предмета.

В качестве иллюстрации индифферентности возьмём Германию периода первой мировой войны. Вынужденная воевать на два фронта с противником, располагающим несравненно большими ресурсами, да ещё дольше, чем предполагалось, Германия была просто обязана в каком-то объёме ввести режим осаждённой крепости. Действительно, обстоятельства заставили тогдашнее руководство Германии сделать этот выбор. Германский военный экономический порядок известен под названием военного социализма.

На мой взгляд, его максимально рельефное и концентрированное описание принадлежит перу Далина: «“Военный социализм”, доменой которого была Германия, распространил власть государства на очень широкие сферы хозяйства, иным журналистам он казался началом подлинно социалистической экономической

¹ Л. Троцкий. Что такое СССР и куда он идёт? Париж, б/г, стр. 47.

организации. Но особенностью его было то обстоятельство (на которое поверхностные наблюдатели обращали мало внимания), что государство энергично вмешивалось в сферу распределения, сравнительно мало затрагивая сферу производства. Оно назначало твёрдые цены; выдавало карточки; указывало назначение, т.е. адресатов для промышленных изделий; распределяло сырьё и т.д. Оно ликвидировало на $\frac{3}{4}$ вольный рынок и заменило его государственной регламентацией распределения. Словом, оно вторглось очень энергично в сферу торговли. Частные торговцы либо сделались комиссионерами и агентами государства, либо же, поскольку они оставались самостоятельными, работали под его непосредственным контролем. Это была грандиозная система государственного регулирования распределения»¹.

Дополню далинскую характеристику штрихом, касающимся регламентации потребления в военно-социалистической Германии.

В детстве я любил, листая старые подшивки «Нивы», рассматривать исключительно детально выполненные литографии. Прошло более шести десятилетий. Память так устроена, что с годами в ней стирается когда-то увиденное. Но кое-что из давних накоплений оказывается сильнее времени. Моя память в числе прочих сохранила одну интересную для нас иллюстрацию. На ней (видимо, это была подшивка за 1916 год) изображена семья кайзера за обеденным столом. Во главе стола восседает монарх. В руке у него вилка с насаженной на неё картошкой, в другой — нож, с помощью которого он освобождает народный деликатес от мундира. Тем же заняты и члены семьи кайзера.

В дореволюционной России эта литография была по сути дела карикатурой («вот до чего немца довела война»), в дисциплинированной Германии — важным агитационным материалом по части рационального потребления.

Германский режим военной государственной регламентации был намного более мягким по сравнению с российским военным коммунизмом. От чего зависит, скажем так, глубина вынужденных «коммунистических» преобразований? Если не принимать в расчёт внутренние, людские показатели крепости (сознательность, дисциплинированность, самопожертвование, сплочённость и т.д.), «степень коммунистичности» определяется степенью тяжести об-

¹ Д. Далин. После войн и революций. Берлин, 1922, стр. 262.

стоятельств, в которых оказалась находящаяся под угрозой падения крепость. Прежде всего обстоятельства диктуют те или иные «коммунистические» меры, более глубокие или менее.

Именно обстоятельства сделали российский военный экономический (и социальный) режим наиболее «коммунистически» углублённым. Что указывает на глубину нашего военного коммунизма? Назову две самые радикальные «коммунистические» меры.

Во-первых, это по сути дела уничтожение мелкотоварного уклада и связанного с ним социального слоя. Вы удивлены, уважаемый читатель? Уничтожение социального слоя? Да, именно так. Ни в школе, ни в вузе вы наверняка не слышали об этом. Но вам, конечно, известно о введении продразвёрстки. Так вот, введение продразвёрстки, оставившей крестьянину только прожиточный минимум, представляет собой лишь средство трансформации социально-классовой структуры. Я же говорю о результате и сути явления.

Введением продразвёрстки вольное советское крестьянство было превращено в государственное. Огосударствлению, означавшему ликвидацию, был подвергнут целый общественный слой, слой, составлявший большинство населения России.

Диктовалась ли столь радикальная «коммунистическая» мера необходимостью? Несомненно. Без изъятия крестьянских излишков не удалось бы прокормить города и армию.

Во-вторых, аналогичная участь постигла и капиталистические уклады. Частные предприятия во множестве стали государственными. Правда, не без «помощи» буржуазии. Саботаж и бегство буржуазии, невыход на работу административно-технического персонала и вредительство прямо-таки вынудили Советскую власть в спешном порядке перевести львиную долю частнокапиталистической собственности в разряд государственной.

Буржуазный класс практически перестал существовать. Скорее, он рассосался, чем был ликвидирован¹.

А теперь, уважаемый читатель, подумаем: как бы мы назвали введённый с началом гражданской войны политико-экономический режим, если бы он, как аналогичный режим периода Великой французской революции, оставался безымянным? Из чего мы

¹ Встаёт вопрос: что сделалось с пролетариатом? Может ли он существовать в отсутствие буржуазии? Классы, ведь, — парное явление.

должны исходить? Прежде всего, из конфигурации социально-классовой структуры. Что с ней (структурой) случилось в 1918 году? С огосударствлением крестьянства и самоликвидацией буржуазии она как структура если и не перестала существовать, то была коренным образом нивелирована. В России той поры сложилось подобие бесклассового общества.

У вас есть для его наименования, кроме «военного коммунизма», другие варианты? Думаю, нет. Название «военный коммунизм», по-видимому, наиболее адекватно существо тогдашнего общественного устройства.

Мы можем лишь рассуждать по поводу коммунистичности режима столетней давности. Взгляды его создателей формировали не книги, а жизнь. Некоторым советским деятелям (Бухарин, Преображенский, Ларин) казалось, что жизнь, втиснутая в рамки военного коммунизма, может и дальше даже не продолжаться, а развиваться в том же, коммунистическом духе. Их — идейная — левизна сумела в некотором объёме распространиться и на практику. Так, под давлением левых экономистов в конце 1920 года, когда гражданская война шла к концу, были приняты тогда уже совершенно не диктуемые обстоятельствами радикальные решения (о национализации всех, включая самые мелкие, промышленных предприятий, о бесплатном предоставлении товаров и услуг рабочим и крестьянам и др.). В это же время достаточно серьёзно обсуждался вопрос об отмене денег.

Однако планируемые ультралевые меры не были приведены в действие — через считанные месяцы военный коммунизм был упразднён, и «экономический руль» был круто переложён в сторону новой экономической политики.

Бухарин, оглядываясь назад, писал (1925 г.): «В период гражданской войны, беспощадного подавления эксплуататоров, конфискации, реквизиций и прочего мы представляли себе, что можем почти сразу перейти к плановому организованному хозяйству, начисто и сразу уничтожив свободную торговлю всюду и везде и заменив эту торговлю организованным распределением...»¹.

Надо полагать, и Ленин в то героическое время оказался в плену коммунистических иллюзий. Иначе программа РКП(б), по сути

¹ Н. И. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. — Избранные произведения. М., 1988, стр. 195.

дела им подготовленная, не оказалась бы в некоторых своих местах оторванной от далёких от коммунизма реалий.

Заслуживающее внимание свидетельство на этот счёт оставил Троцкий (1936 г.): «Нужно, однако, признать, что, по первоначальному замыслу, он (военный коммунизм — В.И.) преследовал более широкие цели. Советское правительство надеялось и стремилось непосредственно развить методы регламентации в систему планового хозяйства, в области распределения, как и в сфере производства. Другими словами: от “военного коммунизма” оно рассчитывало постепенно, но без нарушения системы, прийти к подлинному коммунизму. Принятая в марте 1919 года программа большевистской партии гласила: “В области распределения задача советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов”.»¹.

Проследивая эволюцию устремлённых в будущее взглядов советских руководителей, мы вынуждены констатировать, что режим осаждённой крепости, изначально мыслимый как вынужденный и временный, по мере своего до поры до времени устойчивого существования всё более расценивался ими в качестве органичного, постоянного, способного развиваться в подлинно коммунистическом направлении. Сейчас мы знаем, что это была иллюзия.

Чем чреваты в революционные эпохи иллюзии революционеров, пренебрежение нормой того или иного этапа революции, субъективизм всякого рода? Ответить на этот вопрос можно одним словом: термидором.

Действительно, реальная термидорианская опасность не заставляла себя ждать. Буржуазный термидор навис над российской революцией в начале 1921 года. Что следовало делать и что было сделано, чтобы отвести угрозу?

Ответом на этот вопрос будет следующая глава.

Каковы же итоги главы настоящей?

1. Вопреки бытующему мнению, согласно которому военный коммунизм явился делом рук одержимых коммунистической идеей революционных фанатиков, мы можем и должны

¹ Л. Троцкий. Что такое СССР и куда он идёт? Париж, б/г, стр. 48.

заявить, что экономический и политический режим осаждённой крепости представляет собой не субъективистский эксперимент, а объективную необходимость.

Военный коммунизм обусловлен обстоятельствами, в которых находится противодействующая своему уничтожению крепость.

Глубина военно-коммунистических мер обусловлена серьёзностью этих обстоятельств.

2. Российский военный коммунизм не уникален. В истории многих стран мы без труда найдём подобные вынужденные обстоятельствами режимы.

Даже кайзеровскую Германию война вынудила в определённой степени сделаться «социалистической» страной.

В годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе (в большей степени – в блокадном Ленинграде) и без того перекрошенный в коммунистическую сторону социализм был ещё более «коммунистически» углублён.

Что касается первого места по глубине и ширине «коммунистических» мероприятий, его, несомненно, делят Советская Россия и революционная Франция (во Франции, например, по декрету от 15 ноября 1793 года был отменён даже необходимый для пропитания и посева годичный «семейный запас» зерна, и весь урожай подлежал сдаче в государственные зернохранилища).

Множественность режимов государственной регламентации во имя спасения совершенно определённо свидетельствует об объективной обусловленности таких режимов.

3. Героика эпохи, успехи на полях сражений, более или менее слаженная работа военно-коммунистического экономического механизма оказались способными посеять иллюзии в головах революционеров-первопроходцев. Их, конечно, можно осуждать за это. Но вот вопрос: как бы мы повели себя в то время и в той обстановке, не имея ни опыта, ни необходимых знаний?

Иллюзии в политике дорого стоят. Переоценка потенций военного коммунизма в повестку дня поставила термидорианскую реставрацию, казалось бы, полностью уничтоженного строя.

ГЛАВА XIV

САМОТЕРМИДОР

Революция — это борьба, и выйти в ней победителями революционеры могут лишь в том случае, если им удастся взять рубежи, освоение которых лежит в будущем, и, может быть, весьма отдалённом. Таков закон революции. Мы назвали его законом забега. Тенью забежавшей революции является неотвратимо следующая за ней реакция, которая, как правило, не возвращает систему в прежнее, предреволюционное состояние.

Циклов, каждый из которых состоит из революционного забега и контрреволюционной реакции, может быть несколько. В революционные эпохи общественная система устремляется вперёд, прогрессирует посредством таких циклических подвижек.

Забега революции и послереволюционной реакции была посвящена одиннадцатая глава. Сжатое описание алгоритма революционных подвижек я перенёс оттуда в эту главу в знак того, что разговор, который мы продолжаем, разговор о совершенно особенных подвижках на российской советской почве, в составе российской (частичной) коммунистической революции, не висит в воздухе, а опирается на историческую закономерность. И, конечно, для того, чтобы напомнить вам, уважаемый читатель, уже пройденное.

Чем конкретно нам предстоит заниматься в настоящей главе?

История распорядилась так, что на оставшееся у нас за спиной время течения российской коммунистической революции пришлось два цикла забега и реакции. Что касается второго, получившего полное, буржуазное завершение буквально на наших глазах, рассмотрение его реакционной составляющей (забеговой составляющей была посвящена предыдущая глава) я не планирую довести до конца. Предметом нашего внимания в этой главе будет только начальная, организованная революционерами стадия послезабеговой реакции.

Именно эта организация революционной властью, как я выразился, послезабеговой реакции явилась особенностью российских подвижек.

Вам режет слух сочетание слов «революционеры» и «реакция»? Что ж, поскольку в Советской России реакция была делом рук революционеров, её, если вам не нравится «нереволюционное» слово, вы можете называть революционным откатом. Я готов пойти вам на встречу. А себе позволю употреблять и «нереволюционный» термин.

Естественно, реакция, осуществляемая революционерами (реакция сверху), является безболезненной, органичной, не пожирающей революцию. Оба отката в России имели своей целью — после забегания — установление не дореволюционного порядка, а социалистической нормы. Таким образом, есть реакция и реакция, есть контрреволюционный термидор и организуемый революционерами откат.

С первым циклом мы уже знакомы. Его составляют наложившаяся на малую (первоначальную) гражданскую войну красногвардейская атака на капитал (своего рода военный коммунизм) и первоначальный нэп. Красногвардейская атака явилась забеганием революции, первоначальный нэп — не сумевшим развернуть-ся из-за краткости мирной передышки откатом (реакцией сверху).

Рассмотрение второго цикла, начатое в предыдущей главе, ждёт своего продолжения.

Военно-коммунистическое забегание должна была оттенить реакция. Какая? Реакция свергнутых революцией классов или революционный откат? Вы знаете, читатель, что реализован был второй — откатный — вариант, реализован посредством перехода к новой экономической политике. Посмотрим, как это было.

Военный коммунизм явился вынужденной мерой. Его введения потребовала гражданская война, представлявшая собой по сути дела продолжение борьбы за власть между стремившимся к реставрации прежних порядков старым и отстаивающим свои первые реальные (как и лежащие в будущем) завоевания новым.

Россия того времени — крестьянская страна, и понятно, что основные тяготы войны нёс на своих плечах крестьянин, нёс постольку, поскольку, несмотря на удушающую его продрозвёрстку, был обязан революции. Его борьба на стороне красных была платой за данную ему революцией землю. Крестьянин, как оставшийся в деревне, так и переодетый в красноармейскую шинель, понимал, что с военным поражением революции он лишится своего главного приобретения — земли. Крестьянин готов был потерпеть некоторое время.

«Некоторое время» — понятие растяжимое и неопределённое. Заранее нельзя было сказать, когда терпению крестьянина придёт конец. Этот вопрос могла прояснить только действительность. И она прояснила.

В начале 1920 года усталость крестьянина от военных невзгод, реквизиций, всякого рода запретов и ограничений, военного коммунизма вообще, усталость от затянувшегося ожидания лучшей жизни становится достаточно очевидным фактом. Недовольство «такой жизнью» идёт по нарастающей. Аналогичные настроения обволакивают и пролетарскую массу.

К этому времени и военный коммунизм, если на него посмотреть с чисто хозяйственной точки зрения, начинает выдыхаться. Выдыхаться, как революционный пыл попутчиков революции.

Ситуация требует перемен.

Раньше других необходимость изменения курса осознал имевший более плотный, чем другие советские руководители, контакт с массами Троцкий. Зимой 1919–20 гг. он провёл на Урале. Уральские наблюдения, по всей видимости, явились тем толчком, который побудил его выступить по сути дела с нэповскими предложениями.

Троцкий писал: «С Урала я привёз значительный запас хозяйственных наблюдений, которые резюмировались одним большим выводом: надо отказаться от военного коммунизма. Мне стало по практической работе совершенно ясно, что методы военного коммунизма, навязывавшиеся нам всей обстановкой гражданской войны, исчерпали себя, и что для подъёма хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т.е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок. Я предоставил центральному комитету проект замены продовольственной развёрстки хлебным налогом и введения товарообмена»¹.

Центральный Комитет РКП(б) отверг тогда предложения Троцкого. Надо полагать, военно-коммунистические иллюзии оказались сильнее требований жизни. Троцкому удалось собрать всего четыре голоса против одиннадцати. По словам того же Троцкого и «Ленин был в то время против отмены продовольственной развёрстки, и притом непримиримо»². Позже, в 1921 году, уже после

¹ Л. Троцкий. Моя жизнь. Т. 2. М., 1990, стр. 198.

² Там же, стр. 168.

введения нэпа, Ленин, и ему не оставалось ничего другого, не раз квалифицировал отстаивание методов военного коммунизма как грубую ошибку.

Вернёмся в 1920 год. Гражданская война затухала. Левые, о чём я говорил в предыдущей главе, наперекор логике «углубляли» военный коммунизм. Иллюзии по поводу перерастания военного коммунизма в подлинный преграждали путь мысли. Партия отрывалась от земной тверди.

Тем временем внизу усталость и недовольство всё более настоятельно требовали выхода. Начались открытые выступления, прежде всего, крестьянские. Их апогей пришёлся на начало 1921 года. Крестьянские восстания и угрожающие настроения в армии в городах «подкрепляли» стачки и так называемые волынки.

Гром грянул 1 марта — кронштадтские моряки, из состава которых гражданская война выбрала наиболее самоотверженных и преданных революции, подняли мятеж. В сложившейся в стране обстановке это, казалось бы, локальное выступление грозило поражением революции.

Троцкий вспоминал (1937 г.): «...За восстание сейчас же ухватились все реакционные элементы, как в России, так и за границей. Белая эмиграция требовала посылки помощи восставшим. Победа восстания ничего не могла бы принести, кроме победы контрреволюции, совершенно независимо от того, какие идеи были в головах у матросов. Но и сами эти идеи были глубоко реакционными...»¹

Наверное, эти дни были самыми трудными. Существование Советской России ещё никогда, начиная с октября 1917 года, не висело на столь тонком волоске. Термидор стоял рядом, как в переносном, так и в прямом смысле. По-видимому, тогда, в «кронштадтские дни» Ленин на крайний случай дал указание Молотову готовить партию к работе в условиях подполья².

Крайнего случая удалось избежать. Кронштадтский мятеж был подавлен. Крепость штурмовали делегаты открывшегося 8 марта X съезда РКП(б). Но съезд не только и не столько по этой причине вошёл в историю. На нём был провозглашён переход от военного коммунизма к новой экономической политике.

¹ Л. Троцкий. Ответы на вопросы Венделина Томаса. — «Бюллетень оппозиции», № 56–57, стр. 13–14.

² См.: В. Никонов. Мой дед был последним ленинцем. — «24 часа», 6 апреля 2000 г., стр. 4.

Второй раз, посредством реакции сверху, страна выходила на социалистическую норму. Нэп 1921 года, в отличие от его прообразов трёхлетней давности, удалось развернуть на практике. Теперь, когда угроза контрреволюции была полностью отведена (на самом деле термидор был лишь отсрочен), можно было с оптимизмом смотреть в будущее. И работать. Главной задачей теперь было нахождение экономически и политически выдержанной пропорции между капитализмом и коммунизмом.

Положительные результаты нэпа не заставили себя ждать. Буквально сразу же после его введения крестьянские выступления пошли на убыль и вскоре от них практически не осталось и следа. Замена продразвёрстки продналогом заставила крестьянина спрятать винтовку (о ней он вспомнит в годы сталинской коллективизации) и взяться за плуг. Весна торопила сеятеля. Весна содействовала нэпу.

Нэповскими мерами, поначалу достаточно ограниченными, постепенно охватывались и города. Возрождались отечественный частник, открывались двери для концессий, восстанавливалась основанная на денежном обращении и товарообмене смычка с деревней. И главное, жизнь становилась более обеспеченной. Спокойствие возвращалось в рабочую среду.

Новая экономическая политика, как и попытка 1918 года, не могла не вызвать, мягко говоря, недоумения у рядовых, прошедших школу революции и гражданской войны, партийцев. Видя в нэпе не социализм, а отступление от революции, т.е. не содержание, а внешние формы, многие из них ещё долго в душе противились ленинскому увещанию «учиться торговать».

Нэп действительно был отступлением, но отступлением, не подрывающим революцию, а утверждающим её. Он был отступлением закономерным и обязательным, отступлением не ради отступления, а компенсацией забегания.

Нэп представлял собой не позорное для революционеров бегство от революции, а сознательно совершённое, хотя и с опозданием и вынужденное обстановкой, действие.

Позором было бы в мирное время оставаться на военно-коммунистических позициях, бездействовать и... оказаться в жерновах буржуазного термидора.

Такое могло случиться. Но не случилось. А победителей, даже отягощённых иллюзиями и медлительных, как известно, не судят.

Живущие революционными боями партийцы в осуществлённом в 1921 году крутом повороте видели не только отступничество от революции, не только что-то противоестественное, но и нечто новое, доселе неизвестное. Гражданская война стёрла в памяти так и не развернувшийся (и, видимо, тогда не понятый ими и не принятый) первоначальный нэп.

Да он так и не мог называться. Предлагаемые Лениным весной 1918 года меры шли под шапкой «очередных задач Советской власти». А людям зачастую свойственно за названиями предметов и явлений не видеть их сущности.

Другое дело, партийные и советские работники того или иного уровня (правда, далеко не все), которые, не страдая «революционной забывчивостью» и обладая зоркостью, позволяющей проникать в суть явления, видели в нэпе не экстравагантную новинку оппортунистического толка, а продолжение экономического курса, основы которого были заложены в 1918 году. Дадим им слово.

Чичерин (1921 г.): «... основы нашей нынешней экономической политики были заложены с первого года нашего существования. Теперь мы вновь к ним возвращаемся, если можно так сказать, к “печке”, поскольку мы всегда отдавали предпочтение этому принципу экономических отношений»¹.

Троцкий (1922 г.): «... Советское правительство вступило на тот хозяйственный путь, каким оно пошло бы, несомненно, в 1918–1919 гг., если бы неотразимые потребности гражданской войны не вынудили его экспроприировать буржуазию, одним ударом разрушить её хозяйственный аппарат и заменить его на скорую руку военно-коммунистическим аппаратом»².

Рютин (1924 г.): «Для нас новая экономическая политика — продолжение нашей политики 1917 г., а военный коммунизм, в основном оправдавший себя своими победами, — необходимая стратегия в обострённой гражданской войне...»³

Бухарин (1928 г.): «В России мы начали не с “военного коммунизма”, а с так называемого нэпа. Затем подоспела интервенция,

¹ Г. В. Чичерин. Интервью английскому корреспонденту Рэнсому. — Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 188.

² Л. Троцкий. Хозяйственное состояние Советской России с точки зрения социалистической революции. Соч., т. XII, стр. 351.

³ М. Н. Рютин. Сменовеховцы и пролетарская революция. — На колени не встану. М., 1992, стр. 93.

колоссальное обострение классовой борьбы, принявшей форму гражданской войны, — возник “военный коммунизм”. А дальше последовал возврат к нэпу»¹.

Когда я обращаюсь к этим документам, всегда задаюсь вопросом: знают или не хотят знать о высказанной в них точке зрения наши игнорирующие первоначальный нэп «мудрецы», как доперестроечные, так и более свежие?

Нэповское отступление 1921 года я называл реакцией сверху, безболезненной, органичной, не пожирающей революцию реакцией, революционным откатом (впрочем, все эти наименования подходят и для первоначального нэпа). Интересно, можно ли введение новой экономической политики назвать ещё как-то? Применимо ли к её введению слово «термидор»?

Дойчер, биограф Троцкого, заметил, «что, когда в 1921 году меньшевики характеризовали нэп как “советский термидор”, ни Ленин, ни Троцкий не протестовали. Напротив, они поздравляли себя по поводу того, что мирно выполнили нечто подобное термидору, не подорвав свою партию и не утратив власти»².

Ленин в мае 1921 г. прямо сказал французскому социалисту Садулю: «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризовать»³.

Ленин, конечно, лукавил по поводу проницательности «мудрых» российских рабочих, для характеристики которых, желая подчеркнуть их революционность, использовал известное левому французу «радикальное» слово. Идею введения нэпа надо всецело отнести на счёт вождей партии, прежде всего, Ленина и Троцкого. Российские «рабочие-якобинцы» к введению нэпа совершенно не были причастны. Но это я замечаю между прочим. О месте пролетариата в коммунистической революции, о его, так сказать, формальной революционности, о присущей ему роли попутчика речь пойдёт в следующей главе.

¹ Н.И. Бухарин. Программный вопрос на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. — Проблемы теории и практики социализма. М., 1989, стр. 214. Обратите внимание, читатель, что названное мною первоначальным нэпом, Бухарин называет просто нэпом.

² И. Дойчер. Троцкий в изгнании. М., 1991, стр. 362–363.

³ См.: Не знающий равных среди борцов. — «Иностранная литература», 1966, № 4, стр. 236.

В этой главе в ленинском высказывании нам интересно другое слово, слово, указывающее на социальную сущность поворота к нэпу.

Да, поворот к нэпу есть самотермидор, есть реакция на забежание, совершённая своими, если можно так сказать, революционными, коммунистическими руками.

Называя главу о введении нэпа, я опирался на его (введение нэпа) ленинское понимание и определение. На мой взгляд, двух-основное слово «самотермидор» является наиболее выразительным из всех имеющихся вариантов, разумеется, выразительным не в плане его фонетики, а в плане характеристики обозначаемого этим словом поворота (не переворота!).

Теперь, разобравшись с социально-исторической сущностью нэпа, мы можем окинуть взглядом последние три, посвящённые российской революции, главы (включая настоящую) и обобщить их наработки.

Впервые мы подведём итоги сразу трёх глав.

1. Российская (частичная) коммунистическая революция пока знает два цикла, каждый из которых состоит из забежания и отката.

Оба цикла во многих своих главных моментах однотипны.

Забегание 1917–1918 гг. наложилось на малую (первоначальную) гражданскую войну, забегание 1918–1921 гг. — на большую.

Тенью забежания первого цикла послужил переход к первоначальному нэпу (не имевшему возможности развернуться ввиду краткости мирной передышки), тенью забежания второго — переход к собственно к нэпу.

Оба отката явились делом рук революционеров. Для названия такой реакции сверху, по моему мнению, наиболее подходит слово «самотермидор».

Оба самотермидорианских поворота объективно имели своей целью выход на норму социалистической экономики.

2. В то же время циклы российской революции достаточно существенно отличаются один от другого. Их отличают прежде всего самотермидорианские спуски.

Если необходимость самотермидора 1918 года диктовалась потребностями практики, логикой истории и революции, то в 1921 году к самотермидору советских руководителей

подтолкнула угроза реставрации повергнутого революцией режима.

Побудительным мотивом первого самотермидора явился наступивший весной 1918 года мир, второго — грохот кронштадтской канонады.

3. Законы истории неумолимы. Клио принимает только полновесную монету.

Октябрьская революция явилась, во-первых, революцией, вспыхнувшей на социально-экономической почве, лишь в минимальной степени готовой для начала коммунистического переустройства мира, во-вторых, революцией, победившей благодаря весу попутчиков и, в-третьих, радикальнейшей революцией.

Эта триада взаимосвязанных обстоятельств обуславливает рано или поздно приход буржуазного термидора.

Сейчас такой термидор стал фактом.

Самотермидор, не являясь полновесной монетой, мог быть только отсрочкой, не побоюсь этого слова, полноценного термидора.

ГЛАВА XV

ГЛАВНАЯ ОШИБКА МАРКСА

Ранее, может быть, несколько опрометчиво я пару раз бросил камешки в огород «пролетарских ортодоксов». Я имею в виду свои заявления о нереволлюционности пролетариата. Почему опрометчиво? Потому что тогда, говоря об этом между прочим, я лишь продекларировал свою позицию (правда, пообещав в будущем её аргументировать). Моим оппонентам ничего не стоило — с обвинением, наверняка столь же голословным, в бездоказательности — отразить «ревизионистскую атаку».

Сейчас, когда мы знаем, что рабочие показали себя не лучшим образом в преднэповское время и не сыграли никакой роли в повороте к нэпу, у нас есть повод серьёзно заняться местом и функцией пролетариата в коммунистической революции.

Начнём от печки, в смысле, — от Маркса.

Каждый человек, занимающийся тем или иным делом, вольно или невольно оценивает результаты своего труда. На что-то из сделанного он смотрит как на нечто рядовое, так сказать, дежурное, на что-то — с удовлетворением, как на своё, большое или маленькое, достижение.

Не сомневаюсь, что и трудоголик Маркс оценивал результаты своей деятельности. И, разумеется, что-то выделял как более значимое.

К своим крупным, даже выдающимся, достижениям Маркс наверняка относил и учение о диктатуре пролетариата. Об этом (об учении о диктатуре пролетариата как об одном из своих главных достижений) Маркс не говорил прямо, но об этом свидетельствуют, во-первых, не терпящая возражений уверенность, с которой он пишет о революционности пролетариата, его диктатуре и миссии, и, во-вторых, если указать конкретно, одно письмо, где Маркс, как мне представляется, не без гордости описывает, разделяя его на три пункта, своё, касающееся пролетариата, открытие.

С первым пунктом я безоговорочно согласен, со вторым и третьим — категорически нет. Познакомлю вас, читатель, с выдержкой из этого письма.

Маркс писал своему другу Вейдемейеру: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама представляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и обществу без классов...*»¹.

Вы заметили, уважаемый читатель, что в цитируемом письме присутствует слово «доказательство»? Если нет, перечитайте отрывок.

Задам вам следующий вопрос: в чём состоит это доказательство, конечно, не в письме, а в марксизме?

В утверждениях типа «пролетариями нечего терять», «приобретут весь мир», «могильщик капитализма», «самая революционная сила», «передовой класс общества» и им подобных? Нет, конечно. Наполненные революционным пафосом словосочетания никак не тянут на доказательство. Печально, но факт: именно превозносящие пролетариат лозунговые максимы, помноженные на авторитет Маркса (и Энгельса), были восприняты его современниками и более поздними революционерами в качестве бесспорной истины (а «бесспорные» истины не нуждаются в доказательствах) и краеугольного камня учения о всемирно-исторической миссии пролетариата.

Об эпигонах я уж и не говорю. Эпигоны и их пропагандисты — люди не очень требовательные. Для «доказательства» им всего-то и надо, чтобы, во-первых, имелось исходящее от авторитета мнение, вывод, положение и даже вырванное из контекста слово и, во-вторых, чтобы это было напечатано типографским способом (велика сила печатного слова!).

¹ К. Маркс. Письмо И. Вейдемейеру. 5 марта 1852 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 426–427.

Вы не верите в «силу» вырванного слова? Напрасно. На вырванном слове можно замесить даже целую «теорию». Но такой методой, разумеется, в критическом ключе, мы займёмся позже. А сейчас не будем отвлекаться.

Вы обратили внимание, что применительно к всемирно-исторической миссии пролетариата и его диктатуре я использую слово «учение», но не «теория». Почему? Потому что учение имеет место там и тогда, где и когда какой-то набор фактов и заключений принимается на веру, на веру, не требующую доказательств.

Исследователь строит свои убеждения на основе опирающихся на доказательства знаний, почитающий авторитетное мнение — на основе не требующей размышлений веры. Вера органична для религии и противоестественна, ибо отдаёт религией, для науки.

В десятой главе я «грозился» обосновать нереволуционность пролетариата. Да, я не отказываюсь от своих слов. Сейчас, уважаемый читатель, я предоставлю вам доказательство его нереволуционности. Но прежде замечу, что аргументация отрицания чего бы то ни было является намного более трудным делом, чем положительное доказательство. Не подумайте, что этим замечанием я набиваю себе цену. Я просто вас информирую. Информую для того, чтобы, если ваша «пролетарская совесть» не позволит вам согласиться со мной, вы знали, что на вашу долю выпадает более лёгкая работа — доказательство революционности пролетариата. Попробуйте доказать...

Только у вас ничего не получится. С «лёгкой работой» вы не справитесь. Почему? Потому что нельзя доказать существование того, чего нет в природе.

Ну а теперь — доказательство нереволуционности пролетариата.

Классовая борьба, и это её членение является основополагающим, фундаментальным, бывает двух видов. Для наглядности я покажу это на примере абстрактного революционного перехода (социальной революции) от феодализма к капитализму.

Во время этого перехода в обществе имеются две пары классов.

Феодалы и крестьяне представляют строй, сдающий свои позиции. Ликвидирует ли социальная революция их дореволюционный антагонизм? Конечно, нет. Вызывает ли революция какой-либо ответ со стороны феодальной антагонистической связи? Да, вызывает.

Понятно, что эксплуатирующий класс старого общества практически в полном составе безоговорочно занимает контрреволюционные позиции.

С крестьянством сложнее. Политические революции, о месте которых в социальной речи шла в шестой и девятой главе, заставляют крестьянство совершенно явно разделиться на три потока, вернее, на два потока и инертную группу.

Одна часть крестьянства противится новому и выступает в качестве контрреволюционной силы.

Другая (инертная) сохраняет в разгоревшейся борьбе нового со старым нейтралитет.

Третья, склонная к бунтарству и потому интересная нам часть, переводя под давлением различных невзгод феодально-крестьянский антагонизм в практическую плоскость, в плоскость открытой борьбы, вроде бы становится на революционные позиции. Но только вроде бы. Борьба восставших крестьян лишь походит на революционную.

На самом деле эта — бунтарская — часть крестьянства борется не за утверждение нового и слом старого строя, а против своих угнетателей.

Её борьба «работает» на революцию, но революционной не является. Такую борьбу можно назвать попутной. Эта часть крестьянства, выступая в качестве попутчика подлинно революционных сил, объективно является их союзником.

Повторю: крестьянское «против» своим адресатом имеет не общественный строй (феодализм), а угнетателей, эксплуататоров крестьянства. Думаю, не надо объяснять, что борьба против строя (революционная борьба) и борьба с эксплуататорами за лучшую жизнь (экономическая борьба) — разные вещи.

Экономическая борьба крестьянства (большого ему не дано), несмотря на свои военные формы, не подрывает основы строя. Объективно она направлена лишь на смягчение эксплуатации, на снижение, если изъясняться на языке политэкономии, нормы эксплуатации.

Борьба между классами-антагонистами существует столько, сколько существует эксплуатация. Объективным назначением такой постоянно (и в разных формах) ведущейся, то затухающей, то разгорающейся, борьбы является установление — через отклонения — возможной и необходимой для функционирования

общественной системы нормы эксплуатации. Такую каждодневную, стабилизирующую строй классовую борьбу я называю борьбой актуальной. Это — один из двух основополагающих видов классовой борьбы.

Угнетаемый класс любого сдающего свои позиции строя не может быть и в действительности не является классом-революционером. Он не рубит сук, на котором сидит, а посредством своей — актуальной, экономической — борьбы всего лишь стремится сделать его более удобным для сидения.

Другим фундаментальным видом классовой борьбы является борьба,двигающая общественную систему вперёд, в прогрессивном направлении. Такую борьбу я называю исторической.

В капиталистической революции историческую борьбу (прогрессивную, а не стабилизационную), борьбу с феодализмом ведёт пара классов-антагонистов нарождающегося общества, буржуазия и пролетариат. Общие антифеодалные интересы этих классов заставляют их в определённой мере отодвинуть на второй план межклассовый антагонизм и подчинить противоречия буржуазии и пролетариата боевому сотрудничеству молодых и бодрых классов (при руководящей роли более зрелой буржуазии).

Таким образом, во время взятой нами в качестве образца социальной революции классовая борьба знает два вида. Вот их основные характеристики¹.

Историческая классовая борьба представляет собой двигатель истории, она продвигает общественную систему вперёд, по пути прогресса. Актуальная борьба стабилизирует, оптимизирует систему.

Классовые силы нового общества являются проводниками революционной тенденции общественного развития, силы старого общества — проводниками консервативной тенденции.

Угнетаемый класс старого общества в своей определённой части может стать и действительно становится попутчиком и союзником революционных сил.

Однако попутчики не могут последовательно идти по пути революции. Рано или поздно они выказывают социальную усталость и переваливают на позиции и в лагерь контрреволюции.

¹ Описанный взгляд можно распространить на все социальные революции и всю историю человечества, применительно к которой должно оперировать и говорить не о классовой, а о социальной борьбе, весьма специфичной во время эволюции и, тем более, в бесклассовом обществе.

Союзничество бунтарской части эксплуатируемого класса старого общества может быть более прочным и менее. Его прочность способна усиливаться под влиянием предшествующих революции военных и стихийных бедствий, голода, эпидемий, чрезмерных appetитов эксплуататоров и т.д., словом, под влиянием разного рода падающих на угнетаемый класс невзгод.

Такова классовая анатомия общества, находящегося на революционном переломе, таковы функции и функционирование его органов-классов.

Коммунистическая революция несколько не выбивается из продемонстрированного на примере капиталистической революции закона классового взаимодействия во время революционного перелома. Действию этого закона совершенно не препятствует то обстоятельство, что революционной силой коммунистического преобразования служит не пара классов, как в капиталистической революции, а социальный слой, который является прообразом общества будущего и который «мелькнул» у нас в десятой главе. Незыблемость закона подтверждает и практика. Но к ней мы обратимся чуть позже.

Сейчас мы ответим на вопрос: изменилось ли отношение революционеров-коммунистов к учению о миссии рабочего класса и диктатуре пролетариата после Маркса? На этот вопрос надо ответить совершенно однозначно: несколько не изменилось. Либкнехт и Роза Люксембург, Плеханов и Ленин, Троцкий и Радек, Каменев и Зиновьев, Бухарин и Преображенский, многие другие коммунисты отошли в мир иной с незыблемой верой в пролетариат. Название «пролетарский революционер» стало синонимом названия «революционер-коммунист».

Веру в революционность пролетариата не могли даже в малейшей степени поколебать некоторые вступающие в противоречие с приписываемой ему революционностью, скажем так, изъяны. Вы интересуетесь, какие? Пожалуйста. Например, неспособность пролетариата выработать революционную идеологию. По Ленину, такая идеология, чтобы заменить собой свойственный пролетариату тред-юнионизм, должна привноситься извне¹.

«Должна». Но может ли? Отдельные, я бы сказал, выдающиеся, рабочие, конечно, могут (идеологически и практически) отдаться

¹ См.: В.И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30, 38–39, 41, 79, 96.

революции. Есть такие примеры. Но рабочие массы?.. Закон классового взаимодействия и практика закрывают этот вопрос.

«Привнесение извне» мне напоминает повторение пройденного. В своё время «в народ» ходили крестьянские революционеры. Безрезультатно. Фиаско народничества стало одной из причин поиска российскими революционными демократами нового, иного революционного пути.

«Мы пойдём другим путём». Эти слова приписывают юному Володе Ульянову. Возможно, он и сказал так после казни своего старшего брата Александра. Но дело не в том, произнесены ли были эти слова или нет. Дело, так сказать, в качественности выбранного пути.

Пошли ли сменившие народников революционеры другим путём? При поверхностном взгляде — да, при глубоком — нет. Пролетариат, будучи классом старого, отрицаемого в ходе коммунистической революции общественного строя, оказался не революционным классом, а просыпающимся на волне невзгод попутчиком. Нереволюционность пролетариата не раз, а многократно и постоянно подтверждалась и подтверждается практикой, жизнью.

Я уже сказал о далёком от революционности, мягко говоря, недовольстве рабочих масс (выразившемся в стачках и волынках) в преднэповское время и об их неучастии во введении нэпа. Укажу, в качестве иллюстрации, ещё на несколько моментов того же — нереволюционного — свойства.

Так, в начале 30-х годов прошлого века рабочие СССР совершенно не воспротивились придушению «дружественного класса» в ходе сталинской коллективизации, а в конце — «большому террору».

В 1940-м году адресованное Троцким воззвание к советским рабочим с призывом свергнуть «Каина Сталина» вообще не возымело никакого действия.

А в обозримом прошлом, тридцать лет назад, «передовой класс советского общества» абсолютно индифферентно отнёсся к буржуазному термидору (правда, этот «передовой класс» уже давно перестал быть пролетариатом — об этом речь пойдёт в двадцать второй главе).

И этот список можно многократно расширить.

Может быть, вы, читатель, найдёте в нашей непростой более чем столетней послеоктябрьской истории какие-то, хотя бы не-

значительные, революционные (не тред-юнионистские) акции рабочих? Сомневаюсь. Политический, объективно революционный протест, объектом которого было давно порвавшее с революцией и окопавшееся во «внутренней партии» советское руководство, исходил отнюдь не от оскоплённых властной верхушкой распролетаризированных рабочих, а от интеллигентских групп и отдельных интеллигентов.

В пример я могу привести группу «Смерть Берии», кружок Ронкина и Хахаева, акцию капитана третьего ранга Саблина...

Эти и другие борцы-одиночки — предтечи того слоя, о котором я писал в десятой главе и который, сформировавшись, станет действительной и действенной, целеустремлённой и последовательной движущей силой коммунистической революции.

Плеханов и Ленин, тем более, Маркс и Энгельс не могли и предположить, каких высот в весьма отдалённой от них перспективе достигнут производительные силы, какими путями пойдёт технологический прогресс, наконец, какой социальный слой станет истинным творцом коммунизма.

Маркс и Энгельс увидели пролетариат в действии. Но в действии, созидающем капитализм. И сочли его силой, способной созидать и коммунизм. Что их заставило это сделать? Революционное нетерпение? Пренебрежение теоретической проработкой? Давление эмоций? «Очевидность»? Молодость?.. Видимо, всё вместе. Впрочем, не будем копаться в причинах. Нам важен факт. А он состоит в том, что основоположники выбрали не тот социальный ориентир (а возможно ли тогда было его выбрать?).

То, что Маркс считал едва ли не главным своим достижением, обернулось его главной ошибкой.

Однако беда не в этом. Она в том, что ошибка не исправлена до сих пор. Если, извините за нескромность, не считать только что вами прочитанного.

Вкратце, в итогах главы, отмечу, что нами сделано во исправление этой ошибки.

1. Мы узнали, что социальная борьба распадается на два вида.

В борьбе, которую я назвал актуальной, на эксплуататорском отрезке человеческой истории участвуют классы-антагонисты: рабовладельцы и рабы, феодалы и крестьяне,

капиталисты и пролетарии. Борьбу старого и нового, в которой сталкиваются уходящие и нарождающиеся социальные силы, я окрестил исторической.

Актуальная борьба стабилизирует систему, историческая — толкает общество по пути прогресса.

Такой расклад социальной борьбы до сих пор не был известен.

2. Во время политических революций два вида социальной борьбы находят (зачастую решающую исход революции) точку соприкосновения.

Актуальная борьба эксплуатируемого класса старого общества, направленная против эксплуататоров (но не отживающего строя), начинает «работать» на революцию. Какая-то часть угнетаемого класса старого общества становится попутчиком подлинно революционных сил, попутчиком, рано или поздно испытывающим социальную усталость и отворачивающимся от революции.

Эксплуатируемый класс сдающего свои позиции строя ни в коем случае не может стать творцом нового, прогрессивного строя.

Попутнический статус эксплуатируемого класса старого общества является законом.

3. Коммунистическая революция не отменяет этого закона.

В ней в качестве попутчика подлинно революционных сил выступает являющийся классом старого, капиталистического общества пролетариат, точнее, определённая его часть. Это несомненно как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Исключительно важно, что подхваченные революционным вихрем попутчики совершенно искренно могут считать себя коммунистами (революционерами). Шлейф такой самооценки, усиленно подпитываемой пропагандой, может тянуться и в действительности, как показала наша история, тянется на протяжении многих послереволюционных лет и даже десятилетий.

Попутничество пролетариата не отменяет работу коммунистов в рабочей среде, хотя и делает такую работу достаточно сложной.

Нерешённость задач капиталистической революции, как это было в России, расширяет круг попутчиков за счёт наиболее эксплуатируемых слоёв крестьянства.

Революция заставляет отдельных представителей попутнической массы сделаться последовательными борцами за дело коммунизма.

4. В силу исполняемой пролетариатом роли попутчика в совершении коммунистической революции следует признать в корне неправомерным придание ему статуса класса-революционера («могильщика капитализма») и основанного на этой поверхностной посылке учения о диктатуре пролетариата.

У истоков этой посылки возвышается фигура Маркса. То, что Маркс считал едва ли не самым главным своим достижением, обернулось его главной ошибкой.

Не думаю, что эту ошибку следует ставить в вину впечатлённому революционными выступлениями пролетариата (в капиталистических революциях!) Марксу.

ГЛАВА XVI

КОММУНИЗМ

Мы занимаемся революцией, утверждающей коммунизм. Не ошиблись ли мы со стратегией исследования? Может быть, сначала следовало разобраться, что собой представляет коммунизм, а уже потом прокладывать к нему маршрут?

Нет. Думаю, стратегия выбрана верно. С коммунизмом, ибо он вырастает из истории, нельзя было разобраться, что называется, на пустом месте. Если бы мы начали с коммунизма, его описание, не выведенное из истории, а декларируемое, голословное, просто повисло бы в воздухе. Черты коммунизма следовало выудить из предшествующей ему истории. Что мы и делали.

Какую работу нам предстоит выполнить в этой главе?

Сейчас я соберу разбросанные по тексту книги черты (характеристики) коммунизма, добавлю к ним черты, о которых не говорилось явно или вовсе не говорилось, выберу из получившегося набора необходимые и достаточные для составления определения коммунизма и, как венец главы, сформулирую это определение. Таковы мои планы.

Разумеется, для составления определения в ход могут пойти и пойдут только существенные, основополагающие (базисные) и только твёрдо установленные, определённо присущие коммунизму характеристики. Именно такие и исключительно такие характеристики прошли перед нами в предшествующем изложении. И именно такие, в качестве добавления к выясненному ранее, окажутся в фокусе нашего внимания в настоящей главе.

Как вы понимаете, уважаемый читатель, на мелкую фактуру коммунизма, на его детали я не захожу. В мелких деталях, даже если бы они были нам ведомы, определение не нуждается. Таких деталей, достоверных, а не приблизительных или надуманных, сегодня не может быть в нашем распоряжении — коммунизм лежит в будущем, и видимыми являются лишь его контуры, его — потребные нам для его понимания и составления определения — основополагающие, скелетные составляющие.

Как я сказал, сначала мы соберём разбросанные по тексту черты коммунизма. Мы соберём их в четырёх пунктах.

Во-первых, ранее было показано, и, надеюсь, показано убедительно, что коммунистическое общество представляет собой только и только общечеловеческую общность, но ни в коем случае не национальное явление. Мировая безнациональность коммунизма начала складываться задолго до осуществления коммунистической революцией перехода к новому обществу. К мировому масштабу коммунистического безнационального строя ведёт — на экономической основе! — имеющая уже довольно длительную историю нивелировка человечества.

Чтобы воскресить в памяти ступени этой нивелировки (выравнивания народов по уровню развития), вы можете вернуться к четвёртой главе. Здесь я напомним только главное из тогда выясненного: капитализм является относительным выравнивателем человечества, коммунистическая революция — абсолютным.

Коммунизм, несомненно, предстаёт перед нами как мировой безнациональный строй. Но тут, я думаю, уместна оговорка: при коммунизме должны сохраниться в минимальном и всё убывающем объёме какие-то по своему происхождению этнические отличия одной части коммунистической безнациональной общности от другой. В противном случае мы были бы обязаны отказать коммунизму в развитии. Коммунизм лишь под конец своего исторического пути станет полностью свободным от этих своих несущественных отличий, совершенно не наносящих ущерб его безнациональности и не подрывающих его противоположности капитализму (и эксплуататорскому строю вообще).

Если при капитализме мы имеем народы, в эпоху коммунистической революции — растворяющиеся народы, то при коммунизме — исчезающие по мере его развития незначительные рудименты былых народов.

Что касается моей оговорки, а она справедлива и для других аспектов развития коммунизма, возможно, сказанное, ввиду ранее анонсированной мимолётности (исключительной кратковременности) коммунизма, просто не успеет осуществиться. Так что оговорка, скорее всего, имеет формальный характер.

Во-вторых, коммунистический труд не знает обособления производителей, будь то отдельный работник или какой-либо элемент экономической структуры. Как и национальное межевание,

трудовое начинает трансформироваться в направлении своей ликвидации ещё до коммунистической революции. Если в условиях капитализма имеет место лишь, если можно так сказать, половинчатая ликвидация обособления, то в ходе и результате коммунистической революции — полная.

Оставшиеся после революции рудименты обособления тают в процессе развития коммунизма (эта оговорка во всех отношениях подобна той, какой я сопроводил первый пункт).

Между прочим, на развитие коммунизма, не сказав при этом ни слова, я указал ещё в третьей главе. Если вы были внимательны, читатель, то заметили, что на рис. 3 коммунизм выглядит не абсолютным монолитом, графической интерпретацией чего могла бы быть кривая, а явлением, стремящимся к монолитности и превращающимся в монолит в ходе своей истории, в процессе своего развития.

Развитие коммунизма «забито» в рисунке рудиментарным интервалом между граничными кривыми, который (интервал) постепенно сходит на нет (должен вам сказать, что рис. 3, вообще-то говоря, универсален — он представляет собой не только интерпретацию соразвития народов в ходе человеческой истории, но и является отражением прочих аспектов жизнедеятельности социума).

Думаю, понятно, что, когда мы противопоставляем коммунистическое устройство эксплуататорскому (капиталистическому), мы игнорируем мизерный «коммунистический интервал», ибо при таком сравнении он не имеет никакого значения. Естественно, что в специальном упоминании о «коммунистическом интервале» не нуждается и выписываемое крупными мазками определение коммунизма. Тем не менее я не пройду мимо этой черты коммунизма. В определении я спрячу её за слово «развитие».

Ликвидация обособления и всецело общественное производство возможны только на определённом уровне развития производительных сил, их вещного и людского компонента. Впрочем, я затронул уже следующую черту коммунизма.

В-третьих, что касается уровня развития производительных сил, для его измерения нет надёжного инструмента. Да и кто знает, каков он — коммунистический — уровень? Зато есть символ для его обозначения. Если, скажем, символом, которым можно замаркировать феодализм, служит ветряная мельница, а своеобразным иероглифом капитализма является дымящаяся заводская труба, то коммунизм, технологической основой которого служит автомати-

зация его монополистической экономики и жизнедеятельности системы вообще, своим символом, как нам видится сегодня, имеет компьютер.

В наше время автоматизация уже охватывает производство и понемногу проникает в управление. И эта черта коммунизма начинается формироваться задолго до его наступления.

Несколько слов хочу сказать в защиту монополии и... собственной персоны. Многим это слово, когда оно применяется к коммунизму, кажется чем-то вроде ругательства («монополист!», «монополизм!»). Но я и мысли не имею «по-коммунистически сквернословить». Есть коммунистическая монополия и монополия в условиях капитализма. Первая представляет собой объективно обусловленное уровнем развития производительных сил органичное для коммунизма явление, вторая — переросшую капитализм и вступающую в противоречие с его сутью экономическую организационную форму. Есть монополия и монополия. Хулить «монополию вообще» — всё равно, что поносить блины на том основании, что ими можно объесться, т.е. вину с обжоры перекладывать на то средство, которое оказалось в его руках.

В-четвёртых, в результате коммунистической революции утверждаются новые, противоположные старым, соответствующие коммунистическим производительным силам несобственнические общественные отношения. В параллель с их утверждением сходит на нет эксплуатация во всех своих проявлениях, отмирают классы и государство. Общество, на несравненно более высоком уровне развития, возвращается в принципе к тому состоянию, в котором оно существовало десятки тысячелетий. Архаическое, первобытное общество поставляет нам характеристики будущего коммунизма.

«Не следует особенно бояться слова “архаический”», — пишет Маркс Вере Засулич и цитирует Моргана, который говорит, что «новый строй», к которому идёт современное общество, «будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа»¹.

Таковы встретившиеся на нашем исследовательском пути черты будущего коммунистического строя. Как видите, уважаемый читатель, их поставщиком является практика, как древняя, так

¹ См.: К. Маркс. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 402.

и современная. В моём реестре нет ничего, не имеющего исторического основания.

Теперь, как я планировал в начале главы, данный реестр мы дополним теми чертами коммунизма, «о которых не говорилось явно или вовсе не говорилось». Это я сделаю, продолжив уже имеющуюся у нас нумерацию.

В-пятых, коммунизм, как и любой другой общественный строй, как и всё сущее в нашем мире, преходящ, конечен, смертен. Как все предметы и явления материального мира, он имеет начало и конец, он появляется (и мы выясняем, как это происходит) и сходит с исторической сцены. Эта мысль проступала, например, в первой главе, где о процессе развития мы говорили как об аксиоматичной смене конкретных (а значит и конечных) форм. Но говорили не только там. Конечным коммунизм был изображён на рис. 1 и 3 (при желании вы можете ещё поискать указания на конечность коммунизма).

Признание конечности всех вещей и явлений — это, вообще-то, азы материалистической философии. Азам, конечно, не место в определении. Но для исторической ограниченности коммунизма мы сделаем исключение. Почему? Потому что якобы научное сообщество «философов-марксистов» (по нашей терминологии — «мудрецов») вот уже несколько десятилетий дружно выводит рулады о «вечном», «бесконечно совершенствующемся» и «никогда не увядающем» коммунизме.

Нет муки горшей, чем критиковать такое убожество. Поэтому от критики я воздержусь. Замечу только, что это безобразие представляет собой «научный» отклик на запрос верхов. Любые консервативные и реакционные правители желают видеть свой режим продлённым на тысячелетия и более. И всегда находятся «учёные», которые, как говорится, рады стараться.

В-шестых, коммунизм является последней формой общественного устройства. Это я «навязал» вам, читатель, посредством графики — на рис. 1 и 3 коммунизм замыкает человеческую историю. Можно ли это доказать? Вполне. Доказательством мы займёмся специально. Поэтому сейчас об историческом месте коммунизма я не буду распространяться.

В-седьмых, в коммунистическом обществе, поскольку оно является развивающимся, ни в коем случае невозможно полное удовлетворение потребностей его членов. Полное удовлетворение,

которое официальным научным коммунизмом считалось едва ли не главной характеристикой «светлого будущего», лишило бы общество стимулов развития и по сути дела уничтожило бы его.

Вы спросите: тогда в какой же мере будут удовлетворяться потребности людей при коммунизме? Ответ на этот вопрос дать исключительно просто. Он (ответ) определяется социальным составом коммунистического общества. Отсутствие классов практически полностью нивелирует этот состав (в ходе развития коммунизма дело идёт к абсолютной нивелировке). В плане членства коммунистическое общество является более или менее равным, и поэтому при коммунизме удовлетворение потребностей будет более или менее равным. Равным в той мере, в какой равными будут члены общества, в какой мере общественная нивелировка будет приближена к своей полноте.

Полное равенство маячит лишь на горизонте коммунизма. Оно, если успеет осуществиться, явится одной из причин ухода коммунизма с исторической сцены и завершения человеческой истории.

В-восьмых, коммунистическое будущее никак не может быть, как часто принято его представлять, «светлым» или «прекрасным завтра». Коммунистическое бытие в восприятии среднего человека будущего окажется таким же, какой в восприятии среднего человека эксплуататорских обществ является его жизнь. Разница между коммунистическими и эксплуататорскими обществами состоит в том, что при коммунизме «средними» являются все члены общества, а в эксплуататорских системах среднего человека найти не так-то просто.

В эксплуататорском обществе для одних бытие оказывается тягостным, для других — благостным. В коммунистическом будущем жизнь его членам будет представляться одинаково нормальной. Эмоционально окрашенные оценки бытия вырастают из сравнения, и вырастают лишь тогда, когда есть с кем и с чем сравнивать.

По всей видимости, здесь в нашем реестре коммунистических черт можно поставить точку. Думаю, их собрано достаточно, чтобы, выбрав из образовавшегося у нас массива основное, составить определение коммунизма, определение научно выдержанное и исчерпывающее. Для этого у нас есть всё необходимое и достаточное.

Но не спешите, читатель. Определение подождёт минуту-другую. Его я должен предварить небольшим предисловием.

Чем обусловлена такая необходимость? К сожалению, тем разбродом и шатаниями, которые царят в деле определения чего бы то ни было.

Через вашу голову, уважаемый читатель, в школе, вузе, других учебных заведениях, прошло несколько десятков, а то и сотен, определений. Хорошо, если их двадцатая часть являлась настоящими определениями (научно выдержанными и адекватными определяемому). Остальные были лишь описаниями. А описание, в отличие от определения, может быть неполным, приблизительным, выпячивающим второстепенные черты в ущерб основному. Кстати, таковым является «определение» коммунизма (правда, национального, т.е. такого, который невозможен в принципе), содержащееся в программе КПСС 1961 г. (в редакции 1986 г. оно было сохранено).

Ещё в старину был выведен канон составления выдержанного определения. Этот канон гласит: *definitio fit per genus proximum et differentiam specificam* (определение производится через ближайший род и специфическое отличие).

Для составления определения коммунизма я воспользуюсь прошедшим проверку временем каноном. Но при этом «специфическое отличие» коммунизма определю как со стороны его содержания, качественного своеобразия, так и со стороны внешней, формальной (от слова «форма»), количественной.

Таким образом, моё определение коммунизма будет трёхкомпонентным. Оно будет включать, во-первых, компонент, указывающий на «ближайший род» (коммунизм — такой-то общественный строй или, иначе, такая-то историческая форма общественного устройства), во-вторых, содержательную характеристику строя и, в-третьих, количественную, формальную, «охватную» характеристику (конечность коммунизма и его мировой охват; остальные характеристики, которые вы увидите в определении, являются содержательными). Думаю, понятно, что второй и третий компонент в своей совокупности раскрывают «специфическое отличие».

И последнее в предисловии к определению: некоторые важные черты строя напрямую не попадут в определение, но так или иначе, непосредственно или косвенно, они будут вытекать из там прописанного.

Итак, наконец-то, определение коммунизма.

Коммунизм — последняя из форм общественного устройства, с естественно-исторической неизбежностью возникающая и существующая только в масштабах всего мира и сходящая по мере своего развития и исчерпания своих возможностей с исторической сцены, форма, основанная на таком — базирующемся на всемирном монополизме и автоматизации производства и управления — уровне производительных сил, который обуславливает отсутствие обособления производителей и непосредственно общественное производство материальных благ, несобственнические общественные отношения, отсутствие эксплуатации, классов, государства, стран и народов, в основном равное удовлетворение потребностей всех членов социально однородного общества.

Вот теперь, когда намеченная в этой главе работа выполнена, я могу себе позволить перевести дух (главу я пишу, постоянно отвлекаемый телефонными звонками, в свой день рождения) и перейти к подведению итогов.

1. На первое место я, конечно, поставлю определение коммунизма.

Полагаю, что составленное в соответствии со старинным каноном, оно удовлетворяет всем строгим требованиям, предъявляемым к научному, адекватному действительности определению и что оно охватывает всё необходимое и достаточное для исчерпывающей и сжатой характеристики коммунизма.

2. В этой главе мы расширили наши представления о коммунистическом общественном строе.

В дополнение к выясненному ранее мы решили вопросы об исторической ограниченности коммунизма, о равном удовлетворении потребностей членов коммунистического общества и, в противовес восторгам по поводу якобы присущего коммунизму всеобщего благоденствия, об обычности коммунистического бытия.

Обо всех аспектах коммунизма, как выявленных ранее, так и в настоящей главе, можно совершенно определённо говорить как о составляющих скелет коммунистического общественного строя. Скелетные взаимосвязанные составляющие могут и должны быть предметом научного исследования.

Другое дело, обволакивающая скелет конкретика. Из нашего времени разглядеть её, мягко говоря, затруднительно.

Поэтому, чтобы не попасть впросак, я воздерживаюсь, даже в гипотетическом плане, от какой бы то ни было детализации «коммунистического скелета». Видимо, на подступах к коммунизму можно будет заняться и его деталями.

3. В свой актив мы можем занести и формирование структуры научного определения.

Любое определение (не только коммунизма) может быть только трёхкомпонентным.

Один компонент определения должен указывать на принадлежность определяемого к какому-либо классу вещей или явлений, другой – характеризовать содержательную, качественную сторону определяемого, третий – внешнюю, количественную, формальную сторону.

Перебрав определения, имеющие быть в различных областях научного знания, нетрудно убедиться, что в большинстве случаев определение подменяется описанием. Печально.

Зато отрадно то, что у нас есть удовлетворяющее всем требованиям определение коммунизма.

ГЛАВА XVII

«СЛОВАМ ВЕДЬ СООТВЕТСТВУЮТ ПОНЯТЬЯ»

После главы о коммунизме я собрался было завести разговор об извращениях учениками сталинской школы научного понимания коммунизма и ведущей к нему дороги. Но вовремя спохватился. Чтобы разговор об извращениях и извращенцах не оказался перегруженным выяснением подоплёки издевательства над наукой и действительностью, поразмыслив, я решил предпослать ему данную главу. Главу справочного характера, где предметом нашего внимания станут метаморфозы марксистской терминологии.

Для начала хочу вам предложить небольшую разминку.

Предположим, уважаемый читатель, мы с вами оказались в Петербурге середины XIX века. У нас выдался свободный денёк, и я зову вас совершить поездку в Павловск. Как вы предпочитаете отправиться в этот прелестный пригород, на самокате или на паровой тяге?

Вам не нравятся предложенные мной варианты? Вы считаете, что пароход отпадает, потому что путь в Павловск лежит посуху, а самокат, — потому что уж очень утомительно, стоя на одной ноге, отталкиваться от дороги другой?

Действительно, наш современник мог бы так подумать. А вот человек того времени — нет. Дело в том, что в то время самокатом называли велосипед, а пароходом — паровоз (между прочим, Глинка, впечатлённый открытием в 1837 году железной дороги, связавшей Петербург и Павловск, положил на музыку стихотворение Кукольника о поезде, ведомом выпускающим «дым столбом» пароходом — получилась песня «Попутная»).

О чём говорит предложенная мною разминка? О том, что по прошествии какого-то времени иная вещь (иное явление), оставаясь неизменной, может сменить, и, конечно, не без причины, своё название. Примеров такого непостоянства можно привести десятки, а, может быть, и сотни. Иногда название чего-либо меняется не единожды.

Вот теперь мы подобрались к марксизму, которому довелось испытать двойной казус смены своих соответствующих ключевым понятиям терминов.

Таких — также ключевых — терминов марксизм знает три. Это — название строя, который с естественно-исторической необходимостью сменяет капитализм и за победу которого борются революционеры-марксисты, это — название революции, представляющей собой переход к такому строю, и, наконец, это — название самих революционеров. Первое название данной триады является заглавным.

В качестве названия будущего строя марксизм с момента своего появления взял термин «коммунизм». Это слово в то время (середина XIX века) звучало более радикально (ибо с ним связывалось установление социального равенства посредством обращения средств производства, а иногда и предметов потребления, в общественную собственность), чем появившееся несколько ранее слово «социализм», за которым скрывалось всего лишь стремление установить такой порядок, который позволил бы поднять благосостояние низшего класса и обеспечить тем самым социальный мир¹.

Соответственно, за революционным переходом к коммунизму и за приверженцем коммунизма и этой революции закрепились названия «коммунистическая революция» и «коммунист».

Набор этих терминов был в ходу около трёх десятилетий. На такой терминологической основе построены многочисленные, написанные до Парижской Коммуны, работы Маркса, Энгельса, близких им по духу авторов.

Встречались ли вам, читатель, ключевые слова дореволюционного (я имею в виду Коммуну) марксизма? Наверняка встречались, скажем, в «Принципах коммунизма» или «Манифесте Коммунистической партии». А, может быть, вы читали «Немецкую идеологию» и другие не менее серьёзные вещи? Очень рекомендую поднять когда-то прочитанное (или пройденное?). Посмотрите, какую смысловую нагрузку несут слова первой марксистской триады.

Первая триада, отслужив своё, уступила своё место второй. Теперь, после поражения Парижской Коммуны, носителями прежнего

¹ См.: Г.В. Плеханов. Французский утопический социализм XIX века. Соч., т. XVIII, стр. 86–87.

смысла стали слова «социализм», «социалистическая революция», «социал-демократ». Почему боевито звучащие термины были заменены более мягкими и, вообще-то говоря, научно неправильными? На то есть несколько причин. Но я укажу лишь на главную.

На поставленный вопрос я отвечу словами Ленина: «...потому что после 1871 г. (год поражения Парижской Коммуны — В.И.) была особая ситуация: требовалась *медленная* подготовка народных масс, революция не была на очереди»¹.

В другом месте Ленин говорит, что после падения Парижской Коммуны «Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: “социал-демократии”», ибо тогда «история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу...»²

«Оппортунистическим словом» был помечен и Второй — Социалистический — интернационал, созданный в 1889 году.

Во время первой терминологической метаморфозы марксизм ещё не распространился на Россию. Понятно, что, когда это произошло, первые российские марксисты восприняли и взяли на вооружение вторую триаду, зная, конечно, о существовании первой и о причинах отказа от неё. Первые российские марксисты известны как социал-демократы, а их, созданная в 1898 году партия, — как Российская социал-демократическая рабочая партия.

Российские социал-демократы первого призыва прекрасно понимали смысловую тождественность первой и второй триады. Однако только приобщившуюся к марксизму молодёжь более, чем история и теория, занимала непосредственная революционная деятельность. Видимо, поэтому — во избежание путаницы в молодых головах — Плеханов считал уместным марксово слово «коммунист» сопровождать, в скобках или без оных, разъяснением «по нынешнему — социал-демократ»³.

¹ В.И. Ленин. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14(27) апреля. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 245.

² В.И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 181.

³ См.: Г.В. Плеханов. Комментарий к проекту программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Соч., т. XII, стр. 207; его же: Маннгейм. Соч., т. XVI, стр. 230–231.

«Оппортунистическую» словесную одежду марксизм вынужден был, как выразился Ленин, «терпеть» долгие годы. Возможность сменить её на революционную предоставилась в 1914 году. Более того, с началом первой мировой войны отказ от «социалистической терминологии» для революционных марксистов стал необходимостью. Каким же образом война инициировала «терминологическую революцию»?

Вообще-то, непосредственной причиной второй смены марксистской терминологии явилась не война, а отказ руководителей социалистических партий воюющих стран от интернационализма и переход на позиции «своей», ведущей войну буржуазии. Такая солидарность с буржуазией по сути сделала социалистические партии враждебными друг другу. Социалистический интернационал в одночасье потерпел крах, хотя к этому краху сползавшие к реформизму вожди партий Второго интернационала уже достаточно давно вели дело.

Революционные марксисты не могли не противопоставить себя, в частности и в первую очередь терминологически, бывшим оппортунистическим вождям бывшего Социалистического интернационала. Ленин со всей страстью обличал (1919 г.): «Массы рабочих отвернулись от этих изменников социализма. Во всём мире начался поворот к революционной борьбе. Война показала, что капитализм погиб. Ему на смену идёт новый порядок. Старое слово социализм опозорили изменники социализма»¹.

Застрельщиком «терминологической революции» стала РСДРП(б). Несомненно, первую скрипку играл здесь Ленин. Он констатировал: «Левые социалисты других стран слишком слабы. Мы должны взять инициативу»².

Если Социалистический интернационал распался, как я выразился, в одночасье, то замена терминов не состоялась так быстро. Она завершилась лишь в 1919 году, двумя годами раньше будучи переведённой в практическую плоскость.

Начиная с весны 1917 года, Ленин переходит в «терминологическое наступление». В одном из набросков к «Письмам из далека»

¹ В. И. Ленин. Речи, записанные на граммофонных пластинках. III, Коммунистический Интернационал. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 231.

² В. И. Ленин. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Заключительное слово по докладу о текущем моменте 14(27) апреля. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 249.

мы читаем: «Название (партии — В.И.) изменить, ибо (α) оно неверно (β) изгажено социал-шовинистами (γ) собьёт с толку народ на выборах, ибо с.-д. = Чхеидзе, Потресов и Ко»¹.

Годом позже, на VII Экстренном съезде требование Ленина претворяется в жизнь. Партия, два десятилетия носившая название социал-демократической, теперь именуется коммунистической.

Последняя точка в «терминологической революции» ставится VIII съездом РКП(б) и I конгрессом Третьего, Коммунистического интернационала. В программных документах той и другого своё место занимает новая старая триада — «коммунизм», «коммунистическая революция», «коммунист». «Коммунистический Интернационал... не только в своём названии возвращается к марксизму, но и всем своим идейно-политическим содержанием, всеми своими действиями осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений»².

Таким образом, марксизм прошёл через три терминологические полосы. За время его существования ему дважды пришлось менять свои ключевые термины. Одна пересменка была обусловлена падением Парижской Коммуны, другая — крахом Социалистического интернационала. Первая датируется 1871-м годом, вторая — 1914-м. Первая представляет собой своего рода «терминологический самотермидор», вторая, как я её уже назвал, — «терминологическую революцию».

Пересменок могло быть и на одну больше. Если рассуждать абстрактно, ведь можно было отказаться от опошленной сталинизмом новой старой триады. Почему абстрактно, т.е. отвлечённо от обстоятельств? Потому что на деле можно было отказаться только в том случае, если бы оказалось возможным ответить на два вопроса: «в пользу чего (какой триады) отказаться?» и «нашлись ли бы в придушенном марксизме способные совершить “терминологическую революцию” силы?». Скорее всего, ответ на первый вопрос вряд ли вообще возможен (слово «социал-демократ» в наше время

¹ В. И. Ленин. Письма из далека. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 59 (см. также его же: Первоначальный набросок Апрельских тезисов. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 100; О задачах пролетариата в данной революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 116; Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 179–183).

² Программа и устав ВКП(б). М., 1937, стр. 11.

абсолютно не годится, а «коллективист» звучит слишком неопределённо), а на второй — совершенно невозможен в положительном плане.

Так что нам не остаётся ничего другого, как пользоваться исходными для марксизма ключевыми словами. Полагаю, читатель, что человек, не склонный скакать по верхам, человек, знакомый с основами теории в силах отличить зёрна от плевел, марксистское научное понимание от бредовых представлений эпигонов. Несмотря на то, что эпигоны своровали марксистскую терминологию.

Теперь, уважаемый читатель, давайте-ка ответим на следующий вопрос: зачем мы занимались злоключениями марксистской терминологии? Ответу: только для того, чтобы, читая произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, других авторов-марксистов, понимать читаемое, видеть смысл, обозначаемый словами, которые, как мы выяснили, являются, если можно так выразиться, переменной величиной.

Скажем, встретив в тексте конца XIX века словосочетание «социалистическая революция», мы должны припомнить, что в те годы за этим выражением скрывалась мировая коммунистическая революция, а отнюдь не то, что видится паразитирующим на марксизме «мудрецам». «Мудрецам», у которых на «нужное» слово, при отсутствии всякого интереса к его истории и смыслу, выработан бездумный, буквально животный хватательный рефлекс. Вот из этого рефлекса (правда, есть ещё и другие основания) и растут уши «переходного периода от капитализма к социализму», «развитого социализма» и прочих, к сожалению, навязываемых практике, измышлений.

В связи с только что сказанным вот что мне вспоминается.

Как-то студенты попросили меня назвать современные «хорошие книги» о социализме. Но тут прозвенел звонок. Так как следующая пара и у меня, и у группы была в других корпусах, мы спешно покинули аудиторию. Только спускаясь по лестнице, на ходу я успел пообещать удовлетворить просьбу на следующем семинаре, через неделю.

Всю неделю в поисках «хороших книг» я перебирал хранившиеся в моей памяти названия. Тщетно. Поиски в библиотечных каталогах также оказались безрезультатными. На всякий случай я заказал в читальный зал три десятка книг незнакомых мне авторов. И получил, ибо во всём плохом есть что-то хорошее, некото-

рую порцию науковедческого знания — передо мной предстала во всей своей безбашенной красе новая генерация «мудрецов», усердно «обосновывающих» и «развивающих» всё те же измышления.

Мне, конечно, были известны «хорошие» — талантливые и порядочные — авторы (Семёнов, Поршневу, Пропп, Геоакаян...). Но никто из них не писал о социализме.

Всё же кое-что «хорошее» мне удалось припомнить. И не одну, а целых две книги, правда, не о социализме, а о способе — посредством пустого слова — паразитировать на чём угодно, в том числе и на теории общественного развития. Вы ни за что не угадаете, что это за книги. Но через три секунды, по цитате, опознаете одну из них.

Вот несколько стихотворных строк (в переводе Пастернака), которые как нельзя лучше характеризуют наших «теоретических проходимцев».

«Студент

Да, но словам
Ведь соответствуют понятия.
Мефистофель
Зачем в них углубляться вам?
Совсем ненужное занятие.
Бессодержательную речь
Всегда легко в слова облечь.
Из голых слов, ярься и споря,
Возводят здания теорий.
Словами вера лишь жива.
Как можно отрицать слова?»

Да, это «Фауст» Гёте. Написанный в конце XVIII — начале XIX века. Безотрадно, но факт: по части словоблудия мир за два столетия нисколько не изменился.

Вы спрашиваете о второй книге? Это — сказки Андерсена. Вы легко найдёте ту, которая актуальна во все времена, когда жульничество переплетается с глупостью. Укажу всё же: перечитайте сказку о наряде голого короля.

А вот зарисовка на интересующую нас тему из нашего времени.

Недавно я приобрёл новый радиоприёмник. Сижу, кручу ручку и вдруг слышу что-то о Ленине, о коммунизме. О, думаю, моя

проблематика. И прибавляю громкость. Что вы думаете? Два великовозрастных балбеса (это не оскорбление, а констатация — сами себя они называют чуваками и раздолбаями) измываются над Лениным: «Он, недоразвитый такой, сказал, что коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Советская власть есть (чувакам невдомёк, что Советская власть и вывеска Советской власти — разные вещи), электрификация есть, а коммунизма нет. Ха-ха-ха».

Ленин действительно составил такую формулу. Только вот что он, прекрасно знавший, что при полном коммунизме не будет никакой власти, подразумевал в данном случае под коммунизмом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо немного потрудиться. Надо, вооружившись справочным томом, посмотреть, что Ленин говорил (и, конечно, думал) об электрификации. Двух томов из пятидесяти пяти для уяснения смысла слова «коммунизм» из ленинской формулы будет достаточно.

Что же выясняется? Оказывается, Ленин, говоря о роли и значении электрификации, имел в виду не полный коммунизм, не его низшую фазу, а всего лишь «преобразования, вырывающие корни возвращения к капитализму»¹. Вот и весь сказ.

Что касается раздолбаев, пригревших на радио, которое я не собираюсь рекламировать, им позволительно щеголять своей сестростью. А вот остепенённым раздолбаям, подсунувшим Хрущёву формулу «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны плюс химизация народного хозяйства», желательно было бы разобраться в ленинском понимании связанного с электрификацией «коммунизма». Только не знаю, удалось ли бы это. Вернее, знаю, что не удалось бы. Не буду возвращаться к уже говоренному вопросу о сочетании тупости и угодничества.

Я сказал, что для того, чтобы понять оказавшуюся в поле нашего внимания ленинскую формулу, надо немного потрудиться. Потрудиться придётся при определении смысла слов и в других, даже, казалось бы, очевидных случаях. Истина не откроется автоматически перед вами. Чтобы добраться до неё, чтобы за словом увидеть понятие, надо преодолеть некоторые трудности. Их я назову в тре-

¹ См., например: В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 160.

тьем пункте нижеследующих, поскольку мы подошли к концу главы, ИТОГОВ.

1. Взяв ключевые понятия марксизма, мы выяснили, какими терминами они «обслуживались» в разные эпохи.

Термины «коммунизм», «коммунистическая революция», «коммунист» были в ходу с момента появления марксизма до поражения Парижской Коммуны. Следующая триада («социализм», «социалистическая революция», «социал-демократ») держались более четырёх десятилетий, от поражения Парижской Коммуны до краха Второго, Социалистического интернационала. Третья триада, представляющая собой возврат к истокам, даже будучи опошленной сталинизмом, может использоваться научным, революционным марксизмом и сегодня.

2. В марксизме понять читаемое можно только, во-первых, при условии учёта метаморфоз терминологии (в том числе и выходящей за рамки ключевого набора), во-вторых, если удастся преодолеть некоторые трудности, встающие перед стремящимся добраться до сути человеком, и, в-третьих, конечно, только тогда, когда читающий знаком с теоретическими основами марксистского обществоведения.

3. Изучение марксистской литературы (писания эпигонов к таковой я не отношу) сопряжено с некоторыми трудностями. Укажу на те, что связаны с пониманием терминов.

При переходе на новый терминологический формат иные авторы (в частности Ленин) по инерции наряду с новыми терминами, бывало, употребляли (иногда даже в соседствующих абзацах) и «отменённые» старые. Работы с такой терминологической чересполосицей более трудны в усвоении, чем «ровные». Преодолеть данную трудность усвоения, понять, что скрывается за разноречием слов, помогает проникновение в контекст, и не только читаемой работы, но и, так сказать, смежных, написанных на ту же тему.

Иногда термины марксизма используются в смысле, выходящем за рамки устоявшегося понимания. Примером такого использования является ленинская формула «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Выяснение «стороннего» смысла термина также составляет определённую трудность. Рецепт её преодоления не отличается от данного выше.

Для марксистских авторов, писавших в эпохи революционных потрясений, актуальными были вопросы вызревания революции, завоевания и удержания власти, послереволюционной стратегии и тактики. Поэтому в некоторых их описаниях более далёкого будущего, чему способствовала и неразвитость теории, не было должной определённости, чёткости, дифференциации. Мне представляется, что такие тексты — в интересах чистоты собственной работы — лучше отложить, чем искать в них поддержку.

ГЛАВА XVIII

ИХ ДОРОГА В «КОММУНИЗМ»

Тема, к которой я хочу привлечь ваше внимание, читатель, была анонсирована в начале предыдущей главы. Обзорев метаморфозы марксистской терминологии и указав на трудности её «расшифровки», теперь мы можем, не вдаваясь в терминологические расследования, что называется, налегке заняться, разумеется, в плане критики, извращениями научного, адекватного действительности понимания коммунизма и ведущей к нему дороги.

Тема критики извращений, как и сами извращения, распадается на две взаимосвязанные части. Обе части касаются того, чего не бывает в природе, одна — коммунизма, якобы возможного в отдельно взятой стране, другая — пути «построения» такого коммунизма.

Данная тема достаточно объёмна. Её объём заставляет нас сомнительное удовольствие рассмотрения извращений растянуть на целые две главы.

Сначала, в настоящей главе, мы возьмём в работу вторую часть темы.

На несколько минут мы наденем шкуру критикуемых и имеющих у них в наличии «стройматериалов», и их умом, конструктивно проложим дорогу к их коммунизму. Чтобы наверняка отмежеваться от извращений и извращенцев, я закавычу нижеследующий «монолог в шкуре» (это — не наши построения, читатель).

Натянули шкуру? Тогда — за дело.

«Где нам запастись “материалами”? Конечно, у классиков. Законы, исторические знания, опыт истории, диалектика? Зачем они нам? Не будем мудрить. Ведь всё так ясно и просто. Вот — “высшая фаза коммунизма”, вот — “низшая фаза (социализм)”, а вот — “переходный период”. Правда, это иногда переходный период к коммунизму, а иногда — к социализму. Да какая разница! Социализм ведь тоже коммунизм, только не такой ещё развитый. Понятно, что переходный период находится между капитализмом и социализмом. Встречаются ещё “долгие муки родов”. Что это? Конечно,

переходный период к социализму. Не будем же мы считать родовыми муками социализм.

“Материалами” мы запаслись. Теперь расположим их в очевидной последовательности — и дорога проложена. Высшую фазу мы отодвинем подальше. Это — пункт, куда ведёт дорога. А собственно для дороги остались только две вещи. Об их взаимном расположении смешно даже ставить вопрос.

Не правда ли, логичная у нас получилась цепочка?!»

Вот, как-то так. Можете вылезать из шкуры. Приступаем к критике. Я думаю, мы вполне обойдёмся тремя критическими пунктами. В более солидном критическом кулаке нет никакой необходимости.

Во-первых, переходность чего бы то ни было не существует сама по себе. Она всегда связана с неполнотой того, от чего или к чему осуществляется переход. Иначе говоря, переходность и неполнота представляют собой две нерасторжимые стороны одного явления.

Лишение неполного коммунизма (социализма) переходности (и запихивание её в «переходный период от капитализма социализму») равнозначно разрыванию единого явления на совершенно непонятные и, главное, небываемые части. Попробуйте оторвать переходность от неполноты где угодно, при утреннем пробуждении, наступлении сумерек, вступлении в переходный возраст, овладении какой-то профессией..., и у вас ничего не получится.

Неполнота и переходность существуют только и только в паре, как, например, полы или классы. Социализм как неполный коммунизм с естественно-исторической необходимостью, обусловленной диалектикой развития материального мира, переходен от капитализма к полному коммунизму, несёт на себе так называемые родимые пятна старого. Переходный строй абсолютно не нуждается в переходном к себе придатке. Ни одна революция (и не только в обществе) не могла иметь и не имела такой ненужной пристройки. «Переходный период от капитализма к социализму» является всего лишь продуктом механистических поползновений мысли. Диалектика становления нового качества неукоснительно требует его упразднения (в скобках замечу, что диалектика даётся труднее, чем социальная механика).

Кстати, о мелькнувших у нас классах. Излёт «реального социализма» (при брежневском застое и позже) был ознаменован

«эпохальным открытием». Кормящиеся на ниве официального научного коммунизма умудрились в будущем разглядеть ни много ни мало аж одноклассовое социалистическое общество, которое, по их мнению, должно сформироваться на базе полной социальной однородности, абсолютно отрицающей эксплуатацию.

Что тут скажешь... Видимо, «новаторы» забыли (а если не знали, то и забывать не пришлось), что общественные классы имеют место только там и тогда, где и когда существует эксплуатация. В сущности, эксплуатация и обуславливает появление и существование классов. А исчезновение эксплуатации, правда, мягко выражаясь, весьма проблематичное для социализма, влечёт за собой исчезновение и классов, т.е. бесклассовость, но никак не какую-то одноклассовость. Впрочем, это, конечно, уже коммунизм.

Каковы причины появления этого теоретического уродства? Они лежат на поверхности: этот новый, доселе неизвестный «этап социализма» появился (в воображении «мудрецов») из-за «задержки» в деле «строительства коммунизма».

Как видите, уважаемый читатель, казалось бы, случайное упоминание о классах оказалось для нас весьма полезным. «Одноклассовое социалистическое общество» (наряду с «переходным периодом от капитализма к социализму», перекошенным в коммунистическую сторону социализмом и «развитым социализмом») представляет собой ещё одну «теоретическую колдобину» на «их пути» к «их коммунизму»¹. Открою вам небольшой секрет: классы у меня мелькнули не случайно, а в связи с разрабатываемой нами темой. Поэтому позволю себе ещё пощипать «новаторов».

Известно, что чем более разносторонним является исследователь, тем он более успешен. «Мудрецам», родившим одноклассовый фантом неплохо было бы посмотреть в разные стороны. Везде, куда не повернись, мы обнаружим классы и классификацию (это, между прочим, не просто и не только однокоренные слова, это — теснейшим образом взаимосвязанные понятия). Известны классы растений и животных, минералов и химических соединений, военных специалистов и спиннинговых удилиц... Что заставляет всё названное делить на классы? Разноплановость, разнообразие. Классифицировать (выделяя классы) можно только некое

¹ О так называемом реальном социализме (перекошенном в коммунистическую сторону) и о «развитом социализме» мы ещё поговорим, читатель.

разноплановое (но находящееся в рамках качественной определённости) множество, но никак не что-то однородное.

Слово «класс» (и родственные ему) можно употреблять лишь тогда, когда имеет место классификация. «Искусство» пришить, вопреки сущности понятия, слово «класс» к «социально однородному социалистическому обществу» по силам только чудотворцам. К счастью, в науке чудотворцы пока не востребованы.

Не подумайте, уважаемый читатель, что я сокрушаюсь по поводу этого «эпохального открытия». Сие «открытие» лишь заставляет в который раз восхититься той «лёгкостью необыкновенной», с которой можно ещё более запачкать истину и опошлить теорию.

Перейдём ко второму критическому пункту.

Во-вторых, в нашем обществоведении слова «доказать» и «протитировать», к сожалению, практически стали синонимами. Думаю, я не поступлюсь истиной, если скажу, что «обоснование» «переходного периода от капитализма к социализму» наполовину — в отсутствие адекватной действительности теории — опирается на цитирование Маркса, Энгельса и Ленина (второй «половиной» является уже упомянутый механицизм мышления). А опора на слова, как мы выяснили в предыдущей главе, — дело достаточно трудное и не всегда надёжное. Не буду ещё раз указывать на трудности, встающие перед взявшим в руки произведения «непогрешимых» Маркса, Энгельса и Ленина, других авторов.

По моему мнению, весьма значительная часть мест, где у «непогрешимых» прописан «переходный период от капитализма к социализму», вообще не может использоваться, как ввиду своей неопределённости, так и по причине «теоретической неосмотрительности» авторов.

Однако мы найдём и такие места, где о социализме как о следующем за «переходным периодом» этапе говорится в общем-то определённо. Чтобы не быть голословным, приведу пару таких мест из достаточно известных работ Ленина.

Так, в подготовительных материалах к «Государству и революции» мы находим совершенно чёткую разбивку:

«I “долгие муки родов”

II “первая фаза коммунистического общества”

III “высшая фаза коммунистического общества”»¹.

¹ В. И. Ленин. Марксизм о государстве. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 185.

Может быть, «долгие муки родов» здесь не есть «переходный период к социализму»? Вроде нет. Сама разбивка указывает на тождественность «мук родов» и «переходного периода от капитализма к социализму».

Спустя три года с небольшим Ленин пишет: «Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму, или к низшей стадии коммунизма»¹.

Что же, Ленин действительно был привержен «переходному периоду от капитализма к социализму»? Действительно внёс вклад в социальную механику? Думаю, нет.

Представляется, что Ленин, более революционный публицист, нежели теоретик, своим пером, проявив некоторое легкомыслие, просто поймал фантом («переходный период к социализму»), который механицисты уже достаточно давно запустили в полёт над теоретической бездной и который, если не залезать вглубь вопроса, выглядел более или менее логичным. Не будем гадать, чего здесь было больше: легкомыслия, небрежности, неосмотрительности... Важнее другое. Ленин не развернул в чёткий взгляд несколько эпизодов, имеющих быть в его — написанных в годы теоретического безвремения — работах. Несмотря на то, что вымысел становился практически поголовно принятым (в скобках замечу, правда, это не отменяет «теоретического легкомыслия» Ленина, что «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» была написана до выхода на социалистическую — нэповскую — норму, в военно-коммунистическом 1920 году, т.е., вообще-то говоря, «до социализма»).

Тем не менее в первые послереволюционные годы механистическая «теория» не приобрела ещё законченного вида. Завершённости препятствовала хозяйственная практика нэпа. Только после совершённого Сталиным левого поворота практика, очистив социализм от большинства капиталистических черт и в известном смысле противопоставив рафинированный социализм «переходному периоду», расставила все точки над «і». С «победой социализма» (так сталинисты называли победу своего термидора) «переходный период от капитализма к социализму» утвердился

¹ В.И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

в механистической «теоретической» конструкции безоговорочно и основательно.

Последующим поколениям эпигонов, поскольку дело было сделано, оставалось только в угоду держащемуся за свой социализм правящему режиму исполнять всё ту же песню, заниматься цитатничеством и славословить «реальный социализм» (читайте: сталинистский, перекошенный в сторону коммунизма).

Хотя, я не совсем прав. Появилась и новинка. «Оказалось», что у истоков «теории, воплощаемой советским народом в жизнь», стоит Ленин. Но мнимый разработчик уже ничего не мог возразить Сталину и сталинистам. Впрочем, если бы Ленин был жив, для «разработки» «плана построения социализма в СССР» нашли бы кого-то другого, ибо, как говорила Крупская, при Сталине Ленин наверняка сидел бы в тюрьме. Но это — уже другая тема.

Как вы думаете, уважаемый читатель, можно ли посредством насильственного рафинирования социализма лишить его «родимых пятен» капитализма, уничтожить его переходность? Я считаю, нет, история сильнее насильников. И, полагаю, вы со мной солидарны. «Родимые пятна» капитализма легко загнать в «переходный период» на словах, на деле это невозможно. «Гони её в дверь, она лезет в окно». Уж очень эта пословица подходит для переходности социализма.

Примечательно, что даже самые ярые певцы «переходного периода к социализму» и «реального» (сталинистского) социализма не могут обойти молчанием, разумеется, не называя вещи своими именами, противную их душе переходность социализма, громко заявляющими о себе признаками которой являются товарно-денежные отношения, банковская система, кредит, собственнические замашки трудящихся и их (замашек) реализация, спекуляция, частные интересы и т.д.

«Научно-коммунистические мудрецы», надо сказать, поднаторели в изысканности формулировок. Мастера камуфляжа, как они только не называют «родимые пятна» якобы полностью уничтоженного в «переходном периоде» капитализма: и некоторыми остатками старого, и пережитками старого, и унаследованными от старого чертами, и косными элементами, и отпечатками старого строя, и чуждыми социалистическому строю проявлениями, и остатками непреодоленных явлений... Впрочем, наверное, чем указывать на фигуры речи, лучше указать на фигуры

их пышноречивых авторов, кстати, довольно известных в своё время¹.

Второй критический пункт я предполагал посвятить основанной на цеплянии за слова методе «доказательств». Но получилось, что вышел за рамки намеченного. Полагаю, не без пользы. Перейдём теперь к третьему пункту.

В-третьих, коммунистическая революция, разворачиваясь на мировой арене, выравнивает, сближает и в конечном счёте растворяет народы в едином потоке. Совместима ли механистическая схема «переходный период от капитализма к социализму — социализм — коммунизм» с интернациональным характером коммунистической революции и всемирностью коммунизма? Нет, ни в коем случае. Схема, как говорится, по умолчанию подразумевает «построение коммунизма» в узких, национальных рамках. Национальная ограниченность ей присуща априори.

Предположим на минуту-другую, что схема работает. Перед думающим человеком сразу встаёт вопрос: как работает? Предположим (и другие предположения исключены), одна совершившая революцию страна в соответствии со схемой «строит» коммунизм и достигает его. Другая, третья..., десятая через какое-то (для каждой — разное) время тоже совершают революцию и так же — одновременно — добираются до коммунизма. И что же дальше? Только тогда из достигших коммунизма стран, а они ведь неизбежно должны различаться по времени достижения своего коммунизма и по уровню его развития, будет каким-то образом формироваться мировая коммунистическая общность? Опять встаёт тот же, убийственный для страдающих умственной недостаточностью вопрос. Как? Как будет формироваться из разнокалиберных и разновременных коммунизмов единый мировой?

На этот вопрос механицисты не могли даже пытаться ответить. Правящие верхи они удовлетворили ничем не подкреплённым

¹ См., например: Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, стр. 15–17, 336–337, 347–348; его же: К вопросу о познании, действии и использовании законов развития социалистического общества. — Дialeктика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978, стр. 45–46; М. В. Попов. Планомерное разрешение противоречий социализма как первой фазы коммунизма. Л., 1986, стр. 6–7, 11–14, 20; Г. Х. Шахназаров. Социалистическая судьба человечества. М., 1978, стр. 149.

«обоснованием» возможности «построения» коммунизма в одной, отдельно взятой стране и стоящими особняком совершенно ничёмными расплывчатыми декларациями насчёт мировых перспектив коммунизма.

Таким образом, механистическая схема «переходный период от капитализма к социализму — социализм — коммунизм» подходит только для вымышленного национального коммунизма.

Выходит одна фикция обуславливает другую, и «национальный коммунизм» появился как порождение механистической схемы «построения коммунизма»? Не думаю. В фабрикации «переходного периода от капитализма к социализму» и «национального коммунизма» не прослеживается взаимосвязи и зависимости второго от первого (механицисты вообще мало озабочены взаимосвязями, в том числе и в собственном «творчестве»). Просто у наших механицистов «удачно» получилось — две фикции составили «органичное» единство (а, например в Китае во времена Мао Цзедунa всеядный «национальный коммунизм» проглотил и признаваемый переходным строем социализм, правда, весьма специфически понимаемый).

Выйдя на «национальный коммунизм», я, вообще-то говоря, залез в следующую главу, главу, в которой речь пойдёт об этих самых «национальных коммунизмах».

Не подумайте, что меня занесло. Выйти на фантом «национального коммунизма» меня заставил пригодный только для такого «коммунизма» «переходный период от капитализма к социализму». Но я залез всего лишь на самую малость. По-крупному о коммунистическом национализме мы поговорим далее.

А сейчас, как обычно, подведём итоги сделанного в данной главе.

1. Марксистская наука об обществе, во-первых, требует теоретической проработки и обоснования каждой своей части, каждого компонента, каждого фрагмента, во-вторых, с необходимостью нуждается в органичной стыковке своих частей, компонентов и фрагментов и, в-третьих, выводит теорию из исторической и актуальной действительности и ищет в практике подтверждение теории.

Извращения, паразитирующие на теле марксистского обществоведения, ибо противное подобно самоубийству, абсолютно не приемлют ни первое, ни второе, ни третье.

В наукообразных извращенческих построениях теоретическое обоснование замещается пышнословием, органич-

ная стыковка — механическим нагромождением, обращение к практике — голым и пустым теоретизированием.

Таков рецепт приготовления псевдообществоведческой отравы. Сталинистская «теория строительства коммунизма» приготовлена в полном соответствии с этим рецептом.

2. Обнажая абсолютную несостоятельность механистической схемы «построения коммунизма» («переходный период от капитализма к социализму — социализм — коммунизм»), мы развернули критическое наступление по трём направлениям.

Во-первых, мы показали, что переходность неполного коммунизма (социализма) делает совершенно ненужным и исключает из движения к коммунизму «переходный период от капитализма к социализму», к тому же противоестественный на мировой арене.

Во-вторых, мы подвергли критике, пожалуй, основной метод работы «мудрецов», состоящий не в апеллировании к действительности и использовании логического инструментария, а в выскребании из трудов классиков нужной цитаты и даже отдельного слова, зачастую вырванных из исторического и иного контекста и допускающих различные толкования.

3. Наконец, мы выяснили (я ставлю особняком это направление, ибо оно является переходом к следующей главе), что механистическая схема «переходный период от капитализма к социализму — социализм — коммунизм» «органично» (так само собой получилось) согласуется только с «теорией» неосуществимого на практике «национального коммунизма» и не находит ни единой точки соприкосновения с научной теорией коммунистической революции и мирового коммунизма.

Выходит, и не связанные одна с другой нелепицы могут находиться в согласии.

ГЛАВА XIX

НАЦИОНАЛЬНЫЕ «КОММУНИЗМЫ»

Как вы понимаете, уважаемый читатель, в соответствии с социальной механикой «построению коммунизма в СССР» должно было предшествовать «построение социализма». Возможность «построения социализма» (т.е. того, что хотя бы в силу его переходности «построить» невозможно), чтобы соблюсти приличия, надо было «доказать». Но если Ленин где-то и когда-то уже «доказал» это, можно было над «доказательством» и не трудиться.

На счастье мастеров превратного толкования слов Ленин не только «доказал» возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране, но и «разработал план построения социализма в СССР». «Доказательство» было «обнаружено» в работе «О лозунге Соединённых Штатов Европы» (1915 г.), а «разработка плана» — в статье «О кооперации» (1923 г.).

В статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы» Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»¹.

Что же, Ленин действительно доказал на потребу эпигонам ими желаемое? Нет, конечно. Доказать недоказуемое невозможно. Ленин писал всего лишь о завоевании политической власти и на её основе — начальных шагах в деле «организации социалистическо-

¹ В. И. Ленин. О лозунге Соединённых Штатов Европы. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354–355.

го производства». Это и есть победа социализма (по более поздней терминологии — коммунизма), одна из первых его побед. Именно такая победа была одержана в октябре 1917 года. Только такое понимание словосочетания «победа социализма» вытекает из контекста даже одной этой статьи. Я уж не говорю о марксизме, взятом в целом.

Что касается «плана построения социализма в СССР», его «разработка» была столь же беспардонно приписана Ленину, как и «доказательство победы социализма» в национальных рамках (а ведь у Ленина в статье 1915 года речь шла по сути дела о пограничном распаде капитализма и пограничном сложении коммунизма).

Поскольку в препарировании эпигонами статьи «О кооперации» мы не найдём ничего нового, её лингвистический (и смысловой) анализ я переложу на вас, читатель. А освободив себя от этой набившей оскомину работы, расскажу вам о перекликающемся с нашей темой эпизоде, характеризующем предельный градус мракобесия нашего официального обществоведения.

Официальным обществоведением сталинской и постсталинской эпохи был узаконен постулат, согласно которому Маркс и Энгельс считали победу революции возможной только в масштабах всего мира, а Ленин в «новых условиях» открыл возможность такой победы в одной, отдельно взятой стране.

Как-то, в застойные годы, я присутствовал на преподавательском семинаре, где стоял вопрос об этом «ленинском открытии».

Когда дело шло к окончанию «теоретического» бдения, когда, как и положено, Ленин был успешно противопоставлен Марксу и Энгельсу, слово взял делающий лишь первые шаги в качестве преподавателя отставной офицер-политработник. Он, ещё не осознавший, насколько различаются нравы, царящие на авианесущем крейсере и заскорузлых кафедрах общественных наук, буквально пустил семинар под откос. Он сказал: «Недавно в одной работе, написанной ещё до рождения Ленина, я прочитал о возможности победы революции в одной стране — Франции». «Где вы это взяли?» — с хрипом выдавил из себя позеленевший от такого «отступничества от марксизма» руководитель семинара. В работе Энгельса «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 г.», — ещё не понимая, что происходит, ответил преподаватель.

Руководитель семинара, профессор и доктор наук, чувствуя, что почва уходит у него из-под ног, должен был спешно закрыть семинар. Что он и сделал. А когда участники семинара встали и потянулись к выходу из аудитории, он, уже немного придя в себя, обращаясь ко всем, с надрывом произнёс: «Мы должны читать только те работы, которые указаны в методичке для студентов».

Вот вам и наука. Оказывается, из десятков тысяч работ обоготворяемых авторов можно читать только какой-то десяток. И то не полностью. Как потом было разъяснено, — только указанные в методичке страницы.

Вы спросите: а что же стало с возмутителем спокойствия, поднявшим руку на догму? На следующий день он был препровождён за ритуальный шкаф, где получил совет поискать другую работу.

Что же касается упомянутой работы Энгельса, там действительно речь идёт о гипотетическом противостоянии революционной Франции и Священного Союза. Открыв седьмой том Сочинений Маркса и Энгельса, вы можете в этом убедиться.

Однако вернёмся на «путь строительства социализма и коммунизма».

Намерение «строить социализм в СССР» возникло не на пустом месте. На то имелись заставившие забыть об интернациональном содержании революции объективные причины.

Мировая революция забуксовала. Её первые успехи не получили развития. Пали советские республики в Венгрии и Баварии. Революционные выступления в других странах остались в прошлом. Мировому капитализму удалось преодолеть военно-революционный кризис.

Волна мировой революции схлынула. Новый её подъём не просматривался. Единственным сохранённым очагом очень и очень незрелого коммунизма оставалась только Россия.

В самой России революционный подъём также исчерпал свои ресурсы. К власти пришла термидорианская группировка Сталина.

Какие действия им, «соратникам Ленина», «выходцам из революции», диктовала сложившаяся в мире и стране ситуация? Наденем снова их шкуру, читатель, посмотрим глазами добившихся власти попутчиков революции в будущее страны (я опять заключу в кавычки умствования сталинистов).

«Да, мы смотрим в будущее страны.

Мировая революция не случилась. Мы не можем теперь делать на неё ставку. Да и говорить о ней теперь нет смысла. Но мы, революционеры, не должны впадать в уныние. Мы будем двигаться вперёд в соответствии с ленинским планом строительства социализма в нашей стране. Мы должны продолжить дело Ленина».

Таким образом, намерение претворять в жизнь приписываемый Ленину «план строительства социализма в СССР», намерение, сформировавшееся в не очень просвещённых головах псевдореволюционеров, было обусловлено сложившейся — после отката революционной волны — новой международной ситуацией. Такова политическая причина, подвигнувшая сталинистов на «социалистическое строительство».

Ещё раз повторю, эта причина имеет международное происхождение. Национальный «социализм» обусловлен откатом интернациональной революции. Такая вот закономерная для современной эпохи зависимость национального от мирового, зависимость национального (ползучего) термидора от мировой послереволюционной реакции.

Выше я назвал российский коммунизм первых лет Советской власти «очень и очень незрелым». А это значит, что «единственный очаг» мог не только погаснуть (зримая возможность такого оборота дела в годы гражданской войны, несомненно, имела место), но и не разгореться вообще. Может быть, я изреку крамолу, но мне представляется, что Россия в то время могла остановиться на капиталистической революции. Коммунистическую российскую революцию инициировали не столько представленные по минимуму объективные предпосылки, сколько субъективный фактор, который зовётся... Ленин.

Попробую объяснить.

Как известно, Ленин прибыл в революционный Петроград в апреле 1917 года. На Финляндском вокзале Ленина встречали революционные матросы, солдаты, рабочие (о таком составе встречающих повествует литература).

Вот тогда, 3(16) апреля, увидев восторженную наэлектризованную толпу, Ленин, пролетарский революционер, и провозгласил курс на пролетарскую, социалистическую революцию (по нашей терминологии — на частичную коммунистическую). И есть основания полагать, что в здании Финляндского вокзала, а затем и с башни броневика это уверенно, точнее, не только

уверенно, но и впервые, было сказано именно там и именно тогда. Для товарищей по «запломбированному вагону», с которыми в тесном контакте Ленин провёл несколько суток, такое категоричное заявление было совершенно неожиданным. Революционеры возвращались из эмиграции, вообще-то говоря, для доведения до решительного конца капиталистической революции. Петроградцы встретили такое заявление Ленина с некоторым недоумением.

Что заставило Ленина решительно полеветь буквально за несколько минут? Только и только атмосфера его встречи. Других вариантов просто нет.

Коммунистическую революцию «вытянули» по сути дела два человека — Ленин и прибывший в Петроград 4(17) мая Троцкий.

Могут ли два человека так повлиять на ход мировой истории? Думаю, этот вопрос не требует нашего ответа. На него ответила сама история.

Интересно, какими путями пошла бы российская революция, если бы Ленин по какой-то причине не смог вырваться из эмиграции?

Вы скажете, уважаемый читатель, что сослагательное наклонение противно истории. Решительно не могу согласиться с этим штампом. Исключив сослагательное наклонение из изучения истории, вы, закрывая глаза на исторические развилки, которых, между прочим, масса, историю заучите, но не поймёте (в скобках замечу, что историки, не выставляя напоказ сослагательное наклонение, протаскивают его под личиной неосуществлённых планов, намерений, несбывшихся надежд).

Ленин не нарушил, если можно так выразиться, генеральной линии истории. Если бы цепь мирового капитализма не была прорвана в 1917 году в России, коммунистическая революция нашла бы другое время, другое место, другие обстоятельства и другие формы для своего начала.

Что я этим хочу сказать? Только то, что любая революция (шире — любое объективно неизбежное событие) своим началом привязана не к какому-то определённом времени (и месту), а к более или менее широкой исторической полосе. В коммунистическую революцию человечество вступило, используя первую возможность, в самом начале объективно выделенной для неё полосы. Мы ведём счёт лет коммунистической революции с 1917 года, а история могла пойти таким образом, что начало революции пришлось

бы на... (вот здесь, когда мы говорим не о реальной возможности, а о беспредельно мыслимой, сослагательное наклонение, конечно, исключено).

Вы, наверное, подумали, читатель, что автора уж точно на этот раз занесло. Нет, мой «занос» не является отступлением от линии изложения, намеченной для данной главы. Напомню, что мы выяснили политическую причину, заставившую сталинистов изобрести «национальный социализм». Теперь, надо полагать, следует заняться экономической причиной. Вот на неё мы и вышли, благодаря экскурсу в Петроград апреля 1917 года.

Коммунистическая революция началась с весьма отсталой, крестьянской страны, началась в некотором смысле преждевременно, раньше более подходящего для этого времени. Вес тогдашней России в мировой экономике никак нельзя назвать значительным. И спустя несколько лет после Октябрьской революции Россия практически оставалась на той же позиции. Невысокий уровень развития, гражданская война, интервенция, подорванные войнами и революцией и без того слабые экономические связи с остальным миром по сути дела превратили Советскую Россию в изолированный от мира «материк».

Вот это — совсем незначительное — участие Советской России в мировой экономике и является экономической причиной, толкнувшей рядившихся в коммунистические одежды термидорианцев на путь «строительства» их — перекошенного — социализма у себя, в отрезанной от мира стране, на своём «материке».

«Социализм» получился таким, каким он только и мог получиться у механицистов, — без «родимых пятен» капитализма, перекошенным в коммунистическую сторону. Свою победу сталинисты отметили во второй половине 30-х годов.

Возникает вопрос: можно ли сотворить противоестественную общественную форму? И ещё один: как? На первый вопрос мы имеем ответ, а на второй ответить не слишком сложно.

Во-первых, своими успехами «социалистическое строительство» во многом обязано высочайшему авторитету революции, благодаря которому бывшие её рядовые попутчики увидели (с подачи термидорианцев) в «строительстве социализма» продолжение дела Октября. Что касается руководителей ползучего термидора, не видать бы им победы своего «социализма» без паразитирования, создаваемого или нет, на авторитете революции.

Ползучая контрреволюция не может не паразитировать на авторитете и достижениях попираемого ею, не может не размахивать революционными знамёнами, не может не славословить опошляемые ею имена. В этом состоит специфика ползучего термидора. Эта специфика заставляет людей чёрное считать красным, ложь — правдой, серость — гениальностью, подтасовки — открытиями, какого-нибудь Сталина — Лениным сегодня...

Во-вторых, всё протivoестественное в истории опирается на насилие. Левотермидорианский «социализм» не является исключением из этого правила. Этот «социализм» своим появлением и утверждением обязан необузданному насилию, насилию над правдой, наукой, несогласными, способными думать, не желающими вписываться в «ленинский план построения социализма» (крестьянство)...

Задействовав эти рычаги, ползучая закамуфлированная контрреволюция одержала полную победу. Что теперь следовало делать термидорианцам? Остановиться? Нет, ни в коем случае. Вперёд, только вперёд, к коммунизму. Разумеется, национальному.

Вот только Ленин «почему-то» не оставил плана построения коммунизма в одной, отдельно взятой стране. Но для политических шулеров нет преград, им ничего не стоит «не оставил» заменить на «оставил». Вы считаете, что такая — наглая и грубая — подтасовка невозможна? Ошибаетесь, уважаемый читатель. Пожалуйста.

«То, чего не успел сделать Ленин, сделал его великий соратник товарищ Сталин... Товарищ Сталин отстоял и дальше развил ленинское учение о возможности полной победы коммунизма в одной стране»¹.

И эту белиберду усердно заучивали и сдавали миллионы студентов и слушателей всяких школ и университетов марксизма-ленинизма. В моей памяти сохранилась зачётная книжка соседа по коммунальной квартире, которую (книжку) он с гордостью демонстрировал жильцам на кухне. Как сейчас, вижу написанное красными чернилами название предмета «И. Сталин. Вопросы ленинизма» и размашистую фиолетовую резолюцию преподавателя «отлично». Оставляю этот эпизод без комментариев.

Мы ругаем авантюриста Хрущёва (а его вооружили отборные советские обществоведы), который в 1961 году положил на «строительство коммунизма» два десятилетия. Тогда как же надо назвать

¹ М. А. Аржанов. О книге В. И. Ленина «Государство и революция». Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М., 1948, стр. 27.

Сталина, выделившего в 1939 году на «построение коммунизма в СССР» 10–15 лет?¹ Суперавантюристом?

Меня не удивляет курс на «построение в СССР социализма и коммунизма». Сталинистов, если принять во внимание причины, направившие их по этому курсу, их интеллектуальную ущербность и инстинкт самосохранения (о нём мы поговорим позже) ещё можно как-то понять.

Я многие годы не перестаю удивляться другому. Во-первых, наглости, с которой ими был препарирован марксизм и оболган Ленин, во-вторых, если можно так выразиться, хронологическому суперавантюризму (видимо, они не слышали, сколько лет и почему Ходжа Насреддин предполагал учить ишака грамоте) и, в-третьих, бесподобному убожеству их «теоретических» поползновений.

Вы думаете, что на подступах к «заветному» 1980 году, когда надежды на «коммунизм» в СССР стремительно таяли, нежизнеспособная идея была похоронена? Нет, напротив, национальные «коммунизмы», правда, отсроченные «затычкой» под названием «развитой социализм», не были преданы забвению. Свои — национальные — коммунизмы грезилась и старшему брату², и младшим — в Болгарии, ГДР, Румынии...³

«Затычку» здесь, как и ранее, я упомянул мимоходом. Но эта «затычка», лежащая на исследуемом нами сталинистском курсе к «коммунизму», на мой взгляд, требует более пристального внимания. Поэтому, подведя итоги главы, далее мы возьмём её в оборот.

1. В этой главе мы нашли причины, которые толкнули советских термидорианцев на путь «построения социализма и коммунизма в СССР».

В политике основной причиной перечёркивания марксизма явилось понятное движение, которое дала коммунистическая революция.

¹ И. Сталин. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). Л., 1946, стр. 21, 37.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986, стр. 22 (новая редакция была принята в 1986(!) году).

³ См., например: Т. Живков. Отчёт Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии за период между X и XI съездами и очередные задачи. София, 1976, стр. 18, 114–116, 131; Э. Хонеккер. Годы великих свершений. — «Проблемы мира и социализма», 1979, № 10, стр. 4–5; К. Дэскэлеску. Съезд румынских коммунистов. — «Проблемы мира и социализма», 1980, № 2, стр. 50, 55–56.

Экономической причиной была названа, тем более, после войн и революции, практически полная хозяйственная «самостоятельность» Советской России.

Обе данные причины являются объективными (указывая на это, я не защищаю сталинскую клику, а лишь констатирую факты).

2. В отсутствие субъективных причин деформация теории и практики не была бы возможной.

Что касается находившихся у власти субъектов, нельзя не указать на их немарксизм (марксизм только на словах), механицизм мышления, «источниковедческую» бесцеремонность, подтасовки, прямой обман, насилие, интеллектуальную ущербность.

Попутнические низы, которым «строительство социализма и коммунизма» было преподнесено как продолжение революции и дела Ленина, также не могли остаться в стороне от термидорианских перемен. Их миссией стало поддержание «на уровне» энтузиазма, свойственного «покорителям пространства и времени».

Советской историей ещё раз была подтверждена истина: попутчики своим социальным весом и умонастроениями обеспечивают как успех революции, так и контрреволюции.

3. Нам удалось ещё более расширить наши представления о коммунистической революции. Расширение данной главы касается входа в революцию (не только коммунистическую, но и любую другую, как социальную, так и политическую).

Вход в революцию объективно представляет собой не фиксированную дату и не конкретное место её начала, а более или менее широкую историческую полосу.

Время и место начала революции зависят от многих обстоятельств как объективного, так и субъективного порядка.

Коммунистическая революция, переживаемая человечеством, использовала первую, данную ей историей в 1917 году, возможность.

ГЛАВА XX

«РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ»

Один год «развёрнутого строительства коммунизма» накладывался на другой, но «коммунизм» не становился ближе. Появились негативные явления в экономике. Дело шло к застою.

Что оставалось делать в такой ситуации «строителям коммунизма» (я имею в виду партийную верхушку), независимо от того, верили ли они в свои прожекты или нет? Отменить «коммунизм» и признать его «строительство» ошибкой было нельзя. Такой ход был бы равнозначен окончательной потере «коммунистического лица». Оставалось только одно — «коммунизм» отодвинуть, отсрочить, а образовавшийся в результате такой передвижки вакуум заполнить какой-нибудь новой, желательно, продолжительной, стадией социализма. Естественно, что такой поворот дела требовалось «обосновать». Но а так как мастера подтасовок могли «обосновать» всё, любую чушь, любую небылицу, надо было всего лишь найти что-то более или менее приемлемое на роль «предкоммунистической затычки».

«Затычка», а мы знаем, что таковой явился «развитой социализм», появилась нежданно-негаданно, появилась там, где никак не ожидалось её появление — в Германской Демократической Республике.

Правда, тогда ещё начинающий спичрайтер (в то время в ходу было слово «борзописец») Бурлацкий задним числом не без гордости утверждает, что это он подсунул «развитой социализм» Брежневу (видимо, надо немало заикнуться на пустышке, чтобы её «открытие» ставить себе в заслугу).

Может быть, Бурлацкий что-то и говорил Генсеку об этой «новой стадии социализма». Но был ли он услышан? Скорее всего, Брежнев пропустил слова молодого карьериста мимо ушей. А вот что касается гэдэровского продукта, ни Брежнев, ни другие партбонзы проигнорировать его просто не могли.

А дело было так.

Во второй половине шестидесятых годов прошлого столетия склонный потеоретизировать лидер ГДР Ульбрихт пришёл к выводу о переходе его страны к «этапу построения развитой общественной системы социализма» (между прочим, в какой-то перспективе Ульбрихту виделось и «одноклассовое социалистическое общество»). В 1967 году вывод лидера был узаконен VII съездом Социалистической единой партии Германии.

Человек, далёкий от понимания хитросплетений «мирового революционного процесса» (так «мудрецы» окрестили свои туманные представления о преобразовании мира на коммунистических началах), не придал бы гэдэровской новинке какого бы то ни было значения. Другое дело, старшие товарищи из Москвы. Для них вывод Ульбрихта явился, если можно так выразиться, настоящей идейно-политической оплеухой: «как так, ГДР, что в принципе не положено, обогнала СССР?».

«Ненормальное» положение, конечно же, в спешном порядке было выправлено. Как? Очень просто. Было объявлено, что в СССР уже «построено развитое социалистическое общество», а другие братские страны, естественно, всего лишь идут по стопам страны-первопроходца.

Теперь оставалась какая-то малость. Требовалось всего-навсего «теоретически обосновать» «затычку». Для мастеров фальсификаций такая работа действительно является мелочёвкой. Но всё-таки это — работа. Перед рассказом о том, как она протекала, я позволю себе сделать одно небольшое замечание.

В науке (да и вообще в жизни) название даётся вещи или явлению лишь после их обнаружения и, если это возможно, после обоснования их существования (хотя часто бывает достаточно только констатации существования). Иначе говоря, бытие вещи или явления первично, название вторично. Первичность названия представляет собой нонсенс. Переберите, уважаемый читатель, всё сущее и убедитесь, что словесные ярлыки прикрепляются к элементам материального мира, но ни в коем случае не наоборот. Так что «развитой социализм» в этом плане — абсолютнейший нонсенс, некое подобие никулинских «кергуду» и «бамбурбия» из «Кавказской пленницы».

Работа по «обоснованию» «развитого социализма» предположительно должна была состоять из двух частей. Во-первых, сначала надо было поискать «обоснование» у Маркса, Энгельса и Ленина.

Если бы таковое вдруг нашлось, вторая часть работы уже не потребовалась бы. Во-вторых, в случае неудачи с поиском пришлось бы «пообосновывать» самостоятельно. К счастью для «мудрецов», из ста пяти томов (пятьдесят Маркса и Энгельса и пятьдесят пять Ленина) им удалось выудить желаемое.

На поиски заветных слов были брошены лучшие силы «научного сообщества» (читайте: отличники школы Мефистофеля)¹.

Поиски у Маркса и Энгельса не принесли результата. В тысячах работ, спрятанных под коричневыми переплётками, не нашлось ни искомого выражения, ни чего-то похожего на него. Зато выяснилось, что зловердные тёмно-синие переплётки ленинского Собрания сочинений почему-то долгие годы скрывали от «научного мира», как теперь оказалось, «фундаментальное открытие научного коммунизма»².

А всего-то, чтобы момент высосанной из пальца истины наступил, надо было поднять шесть мест ленинского «обоснования». За одно из них сразу же ухватились как за центральное. Укажу вам, уважаемый читатель, на это место.

Словосочетание «развитой социализм» присутствует в Заключительном слове, произнесённом Лениным на IX съезде РКП(б). Вот что говорил Ленин: «Возьмите тезисы Московского губкома партии, которые были нам розданы. Здесь говорится, что в развитом социалистическом обществе, где исчезнет общественное разделение труда и прикрепление людей к профессиям, периодическая смена людей, выполняющих по очереди функцию управ...»³

Я намеренно прервал Ленина. Это — не ошибка набора или печати. Приведённый мною обрывок текста находится на стр. 260 сорокового тома Полного собрания сочинений. Именно на эту страницу ссылаются поисковики «обоснования» своей пустышки.

Присмотримся к обрывку. Ведь о «развитом социализме» говорит не Ленин. «Развитой социализм» фигурирует в тезисах Московского губкома. На каких правах? Что скрывается за этими словами? К сожалению, у деятелей из Московского губкома

¹ См.: Глава XVII. «Словам ведь соответствуют понятия».

² См.: Творческое развитие революционной теории. — «Правда», 22 февраля 1982 г.

³ В. И. Ленин. IX съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу Центрального Комитета 30 марта. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 260.

мы спросить уже ничего не сможем. Скорее всего, речь там идёт о полном коммунизме. Но это предположение не имеет никакого значения.

Ибо перевернув страницу, мы читаем: «...ления, возможна только на основе широкой коллегиальности и т.д. и т.д. Всё это сплошная путаница!».

Вы состыковали, читатель, первый и второй обрывок? Прочитали ленинское резюме?

Вот так стряпаются «теории». На стр. 261 «мудрецы» не ссылаются. Её и продолжения абзаца как бы и нет. «Знает кошка, чьё мясо съела». Кстати, об одной «коммунистической кошке».

Автор книги «Сто сорок бесед с Молотовым» Чуев пишет: «... Вячеслав Михайлович рассказал, что прочитал в журнале “Коммунист” приписываемое Ленину высказывание о развитом социализме и написал письмо в редакцию. Из журнала позвонил главный редактор Косолапов: “Надо поговорить.” — “Пожалуйста”. Прислали машину... Он сказал, что я прав, возразить мне нечего. Ленин, действительно, этого не говорил, но мы же с вами коммунисты (Молотов подчеркнул голосом это место и улыбнулся — ведь он был исключён из партии!) и понимаем политику партии»¹.

Знал бы Ленин, что синонимом слова «коммунист» станет слово «фальсификатор»!

Не буду утруждать вас, читатель, разбором ещё пяти мест из Полного собрания сочинений, где Ленин якобы «разработал концепцию развитого социализма». Укажу лишь тома и страницы, просмотрев которые, вы убедитесь, что там не пахнет даже намёками на эту самую «разработку»².

В разгар шабаша, форму которого приняло «теоретическое обоснование развитого социализма» я оказался в Институте повышения квалификации, куда раз в пять лет в своё время направлялись на переподготовку преподаватели. Там у меня появилась возможность опросить примерно четверть сотни преподавателей научного коммунизма, представлявших вузы многих городов Советского Союза. Для всех опрашиваемых у меня были заготовлены два одинаковых вопроса.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991, стр. 509.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253; т. 36, стр. 65, 139; т. 40, стр. 104; т. 43, стр. 130.

Сначала я спрашивал: «Где Ленин разработал концепцию развитого социализма?». В ответ все без исключения без запинки указывали на названные мною тома и страницы (интересно, что опрашиваемые держали в памяти тома и страницы, но не названия работ Ленина). Вот что значит «научно-коммунистическая выучка»!

Тогда я интересовался: «А Вы обращались к этим страницам?». Оказывается, нет. Усреднённый ответ сводился к следующему: «Зачем, если это сделали академики, члены-корреспонденты и близкие к партийному руководству доктора?». Вот так-то.

А ведь это тоже «научно-коммунистическая выучка» (вспомним экзекуцию над непрошедшим этой выучки преподавателем, ненароком прочитавшем «недозволенную» работу Энгельса). Вот суть этой выучки: никуда не лезь, уподобься магнитофону, заучи и воспроизведи то, что поступило сверху.

Мы-то с вами, уважаемый читатель, знаем истинную ипостась официозных членов, получленов и недочленов. Выходит, и в низах не лучше. Опрошенные мною (позже я расширил круг опрашиваемых), по идее, призванные сеять в студенческих массах доброе, разумное, вечное, после многих лет сталинской селекции на проверку оказались подручными фальсификаторов. Что тут ещё можно сказать?

Не могу удержаться от ещё одного воспоминания о моём тогдашнем пребывании в ИПК.

Понятно, что рядовых преподавателей должны были просвещать «лучшие из лучших». Одним из таких был заведующий кафедрой теории научного коммунизма философского факультета ЛГУ. Не буду засорять историю его именем. Скажу только (может быть, кто-то и догадается, о ком я говорю), что студенты, видимо, имея в виду его внешность (хотя, возможно, и что-то глубинное), прозвали этого дэфээна (доктора философских наук) Масляной Рожей.

Так вот, Масляной Роже, как он сам трубил на всех углах, удалось внести вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Он, видите ли, нашёл «седьмую позицию», где Ленин «обосновал» «развитой социализм».

Как-то в одном из университетских коридоров Рожа, схватив меня под руку, сообщил и мне, весь разрываясь от счастья, об этой своей находке. Я «опростоволосился» — не поздравил «триумфатора» и даже не спросил, где находится до сей поры неизвестная

«седьмая позиция» и... этим перечеркнул практически написанную диссертацию. После такого моего невысказанного «хамства» М.Р. перестал меня замечать.

Как видите, уважаемый читатель, «обоснование» «развитого социализма» для мастеров своего дела — задача несложная. Фальсификаторы решили её в самые сжатые сроки. Что же, теперь следовало остановить запущенную на полный ход машину словоблудия? Нет, конечно. Теперь надлежало «обоснованное» причесать, придать ему более или менее законченный вид. Вы интересуетесь, как? Посредством «выявления» характерных черт этого «закономерно-го этапа социализма».

Сейчас мы посмотрим, что у наших «мудрецов» получилось. Но прежде поговорим о периодизации (и характеристике этапов) нормального социализма.

Периодизация (выявление этапов) любого процесса может и должна опираться и выводиться из критериев, пронизывающих весь процесс, от его начала и до конца. Нормальный социализм оказывается пронизанным двояким образом. Во-первых, он от начала до конца является переходным, революционным процессом и, во-вторых, растворяющимся во всемирном потоке коммунистической революции.

Если рассуждать абстрактно, каждый из этих двух аспектов развития социализма заставляет размежевать его (социализм) на три этапа (значительного перевеса старого над новым и незначительного растворения в едином потоке, более или менее равновесного состояния двух противоположных начал и, так сказать, средней степени растворения и, наконец, решительного перевеса нового над старым и растворения, подрывающего национальное своеобразие).

Таковой периодизация нормального социализма видится при голом (абстрактном) теоретизировании, видится тогда, когда, как говорится, практика отдыхает. А практика социализма в действительности бурлит. Во-первых, страны выпадают из капиталистической системы в разное время, выпадают, находясь на различных ступенях экономического и социального развития, имея ту или иную национальную специфику, будучи по-разному вписанными в мировую экономику... Во-вторых, социализм подвержен капиталистической реставрации, и посему его существование может быть прерывным. В-третьих, страны, которым суждено покинуть капиталистическую систему под конец коммунистической революции,

вообще-то говоря, странами в современном понимании этого слова уже не будут являться.

Не стану продолжать список трудностей, препятствующих работе над периодизацией нормального национального социализма.

Эти (и другие) трудности (представляющие собой норму развития) оставляют очень мало места для разработки периодизации имеющего место в национальных рамках социализма (частичной коммунистической революции). Я остерёгся бы взяться за такую работу. Перед тем, кто за это дело возьмётся и успешно с ним справится, я только сниму шляпу.

«Мудрецам» с их рафинированным и сугубо национальным социализмом несравненно легче. Периодизация для них — простое добавление вымышленных этапов. А трудностей, в частности тех, которые я перечислил, просто для них не существует. Бери, члени и характеризуй!

Только вот загвоздка. В этапах рафинированного (перекошенного в коммунистическую сторону) социализма днём с огнём не найдёшь необходимого для характеристики какого-либо этапа качественного своеобразия. Но разве это проблема? Ведь можно количественное назвать качественным, замаскировать подлог пышной фразой и... вот вам, пожалуйста.

«На следующем этапе — этапе зрелого социализма, при переходе от социализма к коммунизму, также существуют одновременно черты социалистической и коммунистической общественной организации. *Качественное различие между этим этапом и предыдущим заключается в том, что прогрессивные возможности социалистических форм общественной организации, достигших своего зенита, постепенно исчерпываются и они начинают уступать место коммунистическим общественным отношениям.* Наступает длительный процесс перерастания социалистической организации производства и распределения, общественных отношений, социального управления и культуры в коммунистические. При этом последние будут приобретать всё более преобладающее значение. Когда этот процесс завершится, общество вступит в коммунистическую фазу развития и напишет на своём знамени: “От каждого по способностям, каждому по потребностям”»¹.

¹ В. Добрянов. Проблемы теории развитого социализма. М., 1976, стр. 125.

Вы видите здесь качественное своеобразие «развитого социализма»? Я не вижу. Как не вижу и в других сравнительных поползновениях этого автора (и других тоже), пожалуй, самого плодovitого по части выискивания своеобразия фантома¹.

«Мудрецы» успели худо-бедно описать своё призрачное детище. К счастью, их дальнейшие «теоретические» потуги, опровергнув «развитой социализм», предотвратила история. А, может быть, и к сожалению. Ведь интересно было бы посмотреть, куда бы они двинулись дальше в угаре своей «творческой мысли».

Что ж. Нам придётся довольствоваться навороченным. Вобъём его в один пункт итогов. А два оставим для себя.

1. В пятнадцатой главе я писал, что «теорию» можно сострять буквально на вырванном из контекста слове. «Обоснование» «развитого социализма» демонстрирует превращение возможности этого безобразия в действительность.

Но в «обосновании», кухню которого, надеюсь, я показал, не это самое главное. На мой взгляд, куда важнее масштаб фальсификации. Пожалуй, ещё никогда лжемарксизм не разливался так широко и глубоко. Я слышал, что по «развитому социализму» и в связи с ним было защищено порядка пятнадцати тысяч диссертаций. Это же целая отмобилизованная дивизия военного времени!

А сколько рядовых партийцев, преподавателей, пропагандистов, учащихся были вовлечены в эту вакханалию. Видимо, десятки миллионов.

Конечно, были и несогласные с «генеральной линией партии». Пассивные были вынуждены лишь имитировать приверженность голому королю, активные подвергались остракизму того или иного рода.

2. Считаю нужным повторить то, что было раньше уже говорено.

Не исключено и даже весьма вероятно, что в будущем псевдонаучная пена опять нахлынет на правду.

Хочу обратиться к тем, кто будет считать себя марксистом через десять, двадцать, тридцать и т.д. лет.

Будьте бдительны. Не доверяйте никому. Проверяйте всех

¹ В. Добрянов. Проблемы теории развитого социализма. М., 1976, стр. 132–134, 164–165

и каждого. Знайте, что авторитетом является только историческая и актуальная действительность. Думайте. Вы – не винтики.

Надеюсь, я буду услышан.

3. В эту – негативную – главу мне удалось включить и не-критический момент. Я имею в виду вопрос о периодизации национального нормального социализма (частичной коммунистической революции).

Как вы знаете, читатель, я лишь поставил этот вопрос, отказавшись, ввиду, как мне сейчас представляется, немалых трудностей, от его решения. Думаю, что такая оценка вопроса заслуживает внимания.

Если кто-то возьмётся за периодизацию национального нормального социализма и добьётся успеха, буду это только приветствовать.

ГЛАВА ХХІ

ДВЕ «БОЛЕЗНИ» СОЦИАЛИЗМА

Советская пропаганда называла сфабрикованный Сталиным и сталинистами строй «реальным социализмом». А если есть что-то реальное, должен иметься и какой-то его идеальный эталон. Сталинистским головам этот эталон представлялся совершенно свободным от «родимых пятен» капитализма, не имеющим даже самых незначительных черт «проклятого прошлого». Практика, конечно, не демонстрировала полного подобия идеалу. Но надо отдать должное «строителям коммунизма» (я опять имею в виду партийную верхушку): воплотить свой идеал в жизнь им удалось на четверку с плюсом.

Мы с вами знаем, читатель, чем в действительности являлся «реальный социализм». Он был неимоверно перекошен в коммунистическую сторону, был слишком коммунистическим, представлял собой будущее, насаждаемое на далеко недозревшей для этого почве.

Был ли тот строй социалистическим? Считаю, да. Был ли «реальный социализм» «большим» социализмом? Несомненно.

А вот интересно, существуют ли, кроме чрезмерной коммунистичности, ещё какие-либо социалистические «недуги»? Ответом на этот в общем-то несложный вопрос и будет настоящая глава.

Определимся сначала со «здоровым» социализмом (впрочем, это мы уже сделали, но тем не менее я повторяюсь в главном, дополнив его кое-чем новым), а затем, оттолкнувшись от нормы, разберёмся и с «болезнями».

Социализм представляет собой экономический и политический строй, сочетающий в себе как организации, элементы, формы, черты старого, капиталистического, так и нового, нарождающегося, коммунистического. Образно говоря, он состоит из двух материалов, причём, материалов противоположного свойства. Иным в силу своего исторического места и своей исторической функции социализм быть не может.

Если несколько условно употребить слово «сумма», то можно сказать, что нормальный социализм является не просто суммой старого и нового, а суммой взвешенной, обеспечивающей выверенным сочетанием двух своих противоположных начал максимально возможную экономическую эффективность и, вследствие этого, — максимально полное в данных исторических условиях удовлетворение как частных, так и общественных интересов. Замечу, что частные интересы в обществе «здорового» социализма, направляемые политическим руководством, «работают» на общественные. Без материального стимулирования человека, что называется, на голом месте общественные интересы не могут быть удовлетворены, экономическая система не может быть эффективной.

Социализм, таким образом, представляет собой своего рода балансирование на достаточно тонкой линии эффективного соответствия и действия своих двух противоположных начал. Его можно и надо назвать балансным строем, балансным в том смысле, который вложен в предыдущую фразу.

Обратив внимание, что в этой главе для нас исключительно важно, на балансность социализма, мы можем дополнить прежде выработанное нами понимание социалистического общественного строя. Если раньше мы расценивали его как переходное (революционное) и растворяющееся явление, то теперь мы вправе сказать: социалистическая хозяйственная и политическая система есть, во-первых, система переходная, сочетающая в себе старое и новое, во-вторых, система, растворяющаяся в мировом потоке коммунистической революции и, в-третьих, система, выдерживающая экономически эффективный баланс между старым, капиталистическим и новым, коммунистическим.

А теперь — о тяжёлых «болезнях» социализма, которых, как трудно догадаться, всего две.

Представьте себе, уважаемый читатель, что вы балансируете на чём-то узком — бревне, поребрике, рельсе, да ещё при этом продвигаетесь вперёд. Трудно? Можно упасть? Да, конечно. Риск есть, и немалый. Куда можно упасть? Ваше положение минимизирует «выбор». Упасть можно только или в одну сторону, или в другую, или направо, или налево.

Последние термины («направо» и «налево») применительно к общественной системе указывают не на локализацию, а на политическую позицию и политическое действие. Возьмём это на заметку.

Если ваше балансирование на бревне закончилось падением, вряд ли, падая, вы будете о чём-либо думать. Балансирование на бревне есть не наука, а искусство. Социально-экономическое балансирование тоже является искусством, но, разумеется, далеко не в той степени, в какой искусством представляется бытовое балансирование. Что я этим хочу сказать? Нормальный, «здоровый» социализм требует не только политэкономически грамотных, честных и преданных делу, но и искусных, чувствующих нерв жизни, гибких, осведомлённых о реальном бытии страны руководителей.

Социалистический баланс, во всех смыслах этого слова, — дело тонкое. Его можно утратить как посредством «падения» в капиталистическую сторону, так и в коммунистическую. В первом случае мы будем иметь чрезмерно капиталистический социализм, во втором — чрезмерно коммунистический, то есть в обоих случаях — «больной».

Таковы два вида «больного» социализма. «Больной» социализм можно назвать и по-другому. Позже мы подберём синонимы двух имеющихся у нас названий («чрезмерно капиталистический» и «чрезмерно коммунистический»).

Какая «болезнь» более опасна? Думаю, что, если соскальзывание с баланса вправо или влево (здесь этими терминами я обозначаю политэкономический перекося) одинаково (надо ещё найти инструмент для измерения степени соскальзывания), обе болезни по своей тяжести и опасности равноценны. Правда, их течение (при одном и том же финале, который есть реставрация капитализма) весьма различно. Поговорим об этом.

Соскальзывание с баланса — лишь начало «болезни». Болезням, если они не купированы, свойственно развиваться или приобретать хронический характер. Рассмотрим перспективы правого и левого соскальзывания.

Правый перекося, неумеренно широко открывая двери рынку с его стихией, неминуемо активизирует буржуазию, сначала в экономической сфере, потом — на подступах к политике и, далее, — в политике. В нашей стране в годы правого курса (1923–1929 гг.), «отцами» которого были Сталин и Бухарин, политическая активизация буржуазии действительно началась, и началась, что вполне естественно, не в центре, а на местах, с завоевания определённых позиций в местных, низовых органах власти. Как известно, в 1929 году Сталин резко повернул руль влево. Как бы дальше

развивались события, если бы левый поворот не был осуществлён? Более или менее достоверно предполагать «правое будущее» мы имеем все основания.

При сползании в капиталистическую сторону, когда революционные потенции уже исчерпаны, когда попутчиками уже испущен революционный дух, когда руководство страны упорно ведёт экономику правым курсом, буржуазия, по идее, должна всё более консолидироваться. Консолидироваться вплоть до создания буржуазных партий и вступления в политическую борьбу с мешающими ей развернуться «коммунистами». Так, теоретически, могли бы развиваться события, не будь осуществлён поворот влево.

Впрочем, так события могли бы развиваться не теоретически и не по идее. Мы ведь имеем практику такого сползания и такой консолидации буржуазии, начавшихся с горбачёвской по сути своей правой перестройки.

Каким финалом могло и должно было завершиться тогда, не будь оно прервано, всё набирающее обороты следование правым курсом? Ответ может быть только один: буржуазной реставрацией, буржуазным термидором, причём, термидором достаточно скорым.

Чем должен был обернуться тогда буржуазный термидор для свергнутого «коммунистического» руководства? Разумеется, немалыми неприятностями, может быть, даже вплоть до постановки к стенке.

Сталин, обладая параноидально обострённым чутьём на опасность, увидел, и, надо сказать, вовремя, всё более нависающую над ним угрозу. Инстинкт самосохранения, о котором я заикнулся в двенадцатой главе, на мой взгляд, и заставил его круто переложить руль влево, резко перекинуться в коммунистическую сторону, продолжить ползучий термидор в левой форме. Руководствовался ли он при этом какими-то убеждениями? Может быть, если его взгляды считать убеждениями, но только в небольшой степени. Самосохранение, думаю, было решающим фактором левого поворота. «Коммунистичность» такого манёвра явилась, скорее всего, не более чем — в условиях достаточно высокого авторитета революции в массах — удачно подвернувшимся обстоятельством.

Левое извращение социализма, которое мы вкусили по полной (с 1929 г. до перестройки), отличается от правого по многим своим параметрам.

Во-первых, думаю, можно так сказать, левый курс является платным. Если во времена правого курса буржуазии, если не считать всякого рода поблажек и попустительства, не надо было платить, то проведение левого курса потребовало некоторых расходов. Это, прежде всего, — определённая пайка, выделяемая в виде товарного снабжения, и завышенные заработные платы низкоквалифицированных работников (данное завышение шло под маркой использования закона стоимости).

Не знаю, можно ли и это назвать платой, но, во всяком случае, такие инструменты (требующие для своего применения приложения каких-то усилий) использовались. Что я имею в виду? Паразитирование (и его реализацию) на авторитете революции и славословие в адрес «передового класса советского общества», «дружественных классов», «нерушимого блока коммунистов и беспартийных» и т.д.

В порядке отступления в несколько необычной форме остановлюсь на эксплуатации авторитета революции.

Некоторое время назад у меня появилась идея написать о паразитировании на авторитете революции что-то вроде пьесы. Но дело дошло только до фабулы. И, наверное, к лучшему. Какой из меня драматург!

А фабула такова.

В 1924 году из жизни уходит не Ленин, а Троцкий. Через несколько лет Ленин оказывается в изгнании, а Троцкий (безмолвный идол — это то, что нужно для «красных» термидорианцев) превозносится так, как все «левые годы» в действительности превозносился Ленин. Учреждается орден Троцкого, отрывается институт Маркса, Энгельса, Троцкого, страна покрывается памятниками вождю революции. Рядом с Троцким занимает своё место фигура верного троцкиста Сталина (Троцкого сегодня). Естественно, ленинизм теперь — исчадие ада.

Впрочем, всё это вы знаете, читатель. Замените, где это возможно, имя Ленина на имя Троцкого, и перед вами предстанет хорошо знакомая вам картина, только с обозначенной выше рокировкой фигур.

Дальше в ненаписанной пьесе события развиваются следующим образом.

В 30-х годах умирает Сталин. Генсеком становится, скажем, какой-то Иванов (вы, уважаемый читатель, можете подыскать

на освободившуюся вакансию и какую-нибудь реальную персону). Изменяет ли это режим? И да, и нет. По существу он остаётся левотермидорианским (машина запущена, «строительство коммунизма» обязывает), по формам реализации, ибо Сталина в плане циничности и беспринципности превзойти вряд ли возможно, становится более мягким (в диапазоне от сталинского до брежневского).

И всё это происходит под красными знамёнами, под пение «Интернационала».

Занавес.

Переходим к следующим параметрам левого извращения социализма.

Во-вторых, как известно, дополнением пряника издревле является кнут. Хотя бы потому (есть и другие, более веские, причины), что достойными «пряниками» всех не обеспечишь, левокоммунистический режим по необходимости должен быть жёстким, даже жестоким и террористическим. Эта жёсткость, от регламентации частного поведения до навязывания единомыслия (или безмыслия, если вам нравится) является самой, если можно так выразиться, зрелищной чертой перекошенного в коммунистическую сторону социализма.

В-третьих, в отличие от правого курса, левый может продолжаться, и в этом мы убедились на практике, несравненно дольше. Левый курс (и свойственный ему социализм) разительно отличается от своей в общем-то либеральной противоположности консерватизмом, статикой, застойностью.

Конечно, левацкий социализм не вечен. Его низкая экономическая эффективность, становящаяся с годами на фоне динамики мировой экономики всё более явной, заставляет термидорианцев рано или поздно искать выход из тупика. А вариант у наших термидорианцев здесь один, других просто нет¹. Термидорианцам не остаётся ничего другого, как резко переложить руль. Куда? Только вправо. А дальше... А дальше, когда коммунистическая идея опошлена и девальвирована, когда отупляемые в течение десятилетий массы вне политики, когда у новой буржуазии развязаны руки,

¹ Сказав «у наших термидорианцев», я всё-таки имел в виду возможность выправления социализма, которая, похоже, более или менее реализуется в Китае. Но возникают вопросы. Что ждёт Китай дальше? Не буржуазный ли термидор?

дорога ведёт только к завершению термидорианского сползания и далее — к буржуазному термидору. Что мы и имеем.

Наконец, в-четвёртых, для современных ползучих левых термидорианцев буржуазный термидор не представлял никакой опасности. Почему? Потому что он совершался их же руками.

Президентом новоявленной капиталистической страны, и такие примеры всем известны, запросто может стать даже бывший член Политбюро. Для этого всего лишь надо сменить коммунистический пиджак на демократический.

Ещё в 1936 году Троцкий писал, что если бы в СССР власть захватила буржуазия, «она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов». Троцкий недооценил представителей советской верхушки. Мы видим их не среди слуг, а нередко и в роли хозяев.

Теперь вот какой вопрос: правомерно ли квалифицировать обе прогрессирующие «болезни» социализма как термидорианское сползание, как ползучий термидор? Думаю, правомерно. «Большой» (буржуазный) термидор начинается с «малого». И ранее, и в этой главе, используя выражение «ползучий термидор», я руководствовался не эмоциями, а оценкой перспектив сползания.

Наконец, последний вопрос главы. В её начале я обещал представить в ваше распоряжение отличающиеся по форме (словесно), но не по сути, синонимы «больного» той или другой «болезнью» социализма. Некоторые я уже употребил в тексте.

Так, для извращения 1923–29 гг. был использован термин «чрезмерно капиталистический социализм». Возможны ли ещё какие-либо варианты? Конечно. Такой социализм может быть назван, в зависимости от того, какую его сторону или черту требуется выделить, чрезмерно (слишком) рыночным социализмом, правым социализмом, правотермидорианским, перекошенным в капиталистическую сторону... (в скобках замечу, что русский язык, в отличие от некоторых других, требует словесного разнообразия, иногда даже вне потребностей контекста; к тому же разнообразие терминов одного смысла тренирует ум читателя).

Что касается противоположности правого социализма, для её наименования уже были употреблены выражения «слишком (чрезмерно) коммунистический» и «перекошенный в коммунистическую сторону». К ним я могу добавить: «левый (левацкий)

социализм», «левотермидорианский социализм», «суррогатный коммунизм»...

Заметьте, читатель, все перечисленные термины указывают на направление перекоса (правое или левое). Среди них нет нейтральных, беспредметных. А ведь адекватное действительности название позволяет лучше понять изучаемый феномен.

К сожалению, некоторые бытующие для именования левого социализма термины не несут какой-либо указывающей на суть явления смысловой нагрузки. Это, например, «феодальный социализм», «казарменный социализм», «сталинский (сталинистский) социализм», наконец, свидетельствующий только о непонимании мутационного процесса «мутантный социализм». Зачем ходить около, если можно назвать точно? Выбор ведь немалый. Может быть, понимания не хватает?

Глава подошла к концу. Но тема не завершена. Левацкий социализм заставляет нас заняться своим дописанием. Этим, после подведения итогов главы настоящей, мы займёмся в следующей.

1. Назвав «здоровый» социализм балансным строем, мы конкретизировали наши представления о социалистическом общественном строе.

Именно конкретизировали, а не расширили, так как переходность нормального социализма подразумевает экономически эффективное, взвешенное соотношение двух противоположных начал по своей сути нэповского экономического и социального организма.

Согласитесь, читатель, что данная конкретизация была не только полезной, но и необходимой при рассмотрении как «здорового», так и «больного» социализма.

2. Нам удалось выявить две «болезни» социализма. «Больной» социализм может быть только чрезмерно капиталистическим и чрезмерно коммунистическим. Третье исключено.

Обе «болезни» могут быть «осложнены», например, отступлениями от присущего национальному социализму растворения во всемирном потоке коммунистической революции.

Думаю, понятно, что чрезмерно растворенческое «осложнение» более характерно для слишком рыночного социализма, а изоляционистское — для чрезмерно планового.

3. Не остановившись на постановке «диагнозов», мы нашли отличия двух противоположных чреватых «болезнями» курсов и двух соответствующих им режимов.

Во-первых, левый курс, в отличие от правого, является, если можно так выразиться, платным, во-вторых, левацкий режим, в отличие от либерального правого, не может не быть жёстким, вплоть до террористического, в-третьих, суррогатно-коммунистический режим по сравнению со скоротечным правым, будучи консервативным и статичным, выказывает большую живучесть, в-четвёртых, наконец, буржуазный термидор (в нашей стране) не представляет собой такой опасности для перекрасившихся леваков, какой он являлся в своё время для «правых коммунистов».

4. Обе «болезни» социализма своим финалом имеют буржуазный термидор — полную реставрацию капитализма.

ГЛАВА XXII

РЕЖИМ СУРРОГАТНОГО КОММУНИЗМА

В только что прочитанной вами главе наше внимание было сконцентрировано на двух отличных от нормы — «больных» — социалистических режимах, правом и левом. Их отличие является не только политэкономическим. Левый режим за несколько десятилетий своего существования, в отличие от скоротечного правого, сумел приобрести более или менее законченный, полный вид. Что это значит и что из этого следует?

Людам, которым сейчас за пятьдесят (к ним я отношу и себя), чрезмерно коммунистический социализм известен не понаслышке. С другой стороны, опять же в силу его длительности, относительной стабильности и завершённости, о скобочечном в коммунистическую сторону социализме легче говорить в плане его научного анализа. А сказать, кроме выясненного в предыдущей главе, есть ещё что.

Так что, уважаемый читатель, решение задачи, стоящей перед нами в данной главе, задачи доописания левацкого социализма, для нас указанными обстоятельствами существенно упрощается. Для вас — как для свидетеля и в определённом смысле жертвы «левых лет», для меня — как для исследователя устоявшегося и потому достаточно прозрачного.

Возможно, некоторое недоумение вызовет у вас вынесенное в заголовок название влево перекошенного социализма. Но это только пока.

Вы скажете: можно ли так называть испытанный нами социализм? Да, и не только можно, но и нужно. Ракурс, в котором в настоящей главе мы будем рассматривать левый социализм, требует именно такого наименования (кстати, это наименование промелькнуло у нас в предшествующей главе).

Сейчас, после состоящего из пяти абзацев предисловия к занимающей нас в этой главе теме, мы можем заняться её (темы) разработкой. Начну с вопросов и ответов.

Первый вопрос: как мы должны называть строй, лишённый «родимых пятен» своей противоположности, лишённый пережитков своего исторического предшественника — капитализма? Понятно, что коммунизмом. И не только называть. Этот строй не только называется коммунизмом, но таковым и является.

Вопрос второй: что должен представлять собой этот строй будущего, перенесённый в условия, в которых его естественное существование не просто преждевременно, но и совершенно невозможно?¹

Разумеется, «перенесённый коммунизм» не может быть подлинным коммунизмом. Тогда чем он должен являться? Подделкой под коммунизм, социально-экономическим экспериментом, сфабрикованной пародией на коммунизм, суррогатом коммунизма...? Как вы догадываетесь, я выбираю для именованного навязанного настоящему строю будущего последнее из перечисленного.

Итак, в анализе мы имеем суррогат коммунизма. Значит, и отдельные черты, грани, моменты, в том числе и основополагающие, этого строя должны быть представлены в виде суррогатов естественных (лежащих в будущем) образцов? Выходит, что так. Более того, это должно быть так. Любое цельное ведёт отсчёт от своих частей (черт, граней, моментов).

Своё внимание мы остановим на двух (этого будет вполне достаточно) основополагающих моментах действительного коммунизма и двух соответствующих им левосоциалистических подделках. И посмотрим, в какой мере фабрикатам суррогатов удалось воспроизвести коммунистическую норму. Понятно, что в полной мере это в принципе невозможно — любой суррогат всегда есть отступление от оригинала.

Одним из основополагающих моментов коммунизма является отсутствие социально-классовых различий. В социально-структурном плане коммунизм, по сравнению с эксплуататорскими общественными формами, может быть назван ровным строем. Думаю, не требуется объяснять, что достижение коммунистического социального равенства представляет собой длительный процесс, хронологически и содержательно соответствующий коммунистической революции. В ходе этого процесса отмирают классы, госу-

¹ Говоря о переносе коммунизма в незрелое настоящее, я несколько не фантазирую. Ведь наш очищенный от «родимых пятен» социализм являлся по сути дела псевдокоммунизмом.

дарство, принуждение, насилие, присвоение результатов чужого труда (эксплуатация)...

Для скоропалительных леваков ничего не стоит «сказку сделать былью, преодолеть» (здесь я позволю себе изменить слова известной песни) естественный ход истории, её темп.

Такое принято называть насилием над историей. Думаю, данное клише нуждается в небольшой ремарке.

Дело в том, что необходимой стороной насилия над историей является насилие над людьми. История, несмотря на насилие, возьмёт своё, рано или поздно оправится. Более того, учинённое над ней насилие может, хотя это и маловероятно, сослужить свою службу — будущая генерация «экспериментаторов», оглянувшись назад, может быть, несколько умерит свой пыл. Что же касается людей (в нашей стране это миллионные массы), насилие над ними оборачивается невосполнимыми потерями, изломанными жизнями, даже гибелью. Испытавшие «социальное насилие» люди, в отличие от истории, не в состоянии, как я выразился, взять своё. Насилие над людьми и насилие над историей — не совсем одно и то же. Несколько переиначив одно крылатое выражение, ведь можно сказать: *vita brevis, historia longa*.

Не буду рассуждать далее по поводу насилия над историей и человеком. Отмечу лишь одно, то, что важно для понимания суррогатного коммунизма: перенос будущего в настоящее как насилие над историей не может не быть насилием над людьми, суррогатный коммунизм не может не быть в той или иной мере террористическим строем.

В предыдущей главе жёсткость (вплоть до террористичности) левосоциалистического режима я связал с нехваткой «пряников». Да, это так. Но не в нехватке «пряников» кроется основная причина насилия над людьми. Тогда я лишь заметил без расшифровки, что есть и более веские причины насилия. Сейчас пришло время расшифровать сказанное между прочим. Основопологающей и интегральной причиной левокоммунистического насилия (террористичности) является перенос коммунистического будущего в незрелое настоящее, является преждевременный «коммунизм», является суррогат коммунизма.

Вернёмся, однако, к вопросу о деятельности леваков в деле упразднения социально-классовых различий.

Первым актом здесь, актом, составившим ядро левого поворота, стало изъятие из экономической жизни буржуазии, по сути дела, её упразднение, уничтожение. Интересно, понимали ли р-р-революционеры, что этим ударом они уничтожают и пролетариат? Ведь буржуазия и пролетариат являются классами не порознь, а только в совокупности и взаимодействии. Вообще, любые классы (докапиталистического прошлого, капитализма, нормального социализма) представляют собой парное явление, находящуюся в отношениях эксплуатации одним классом другого связку. Уничтожение одного класса автоматически означает уничтожение и другого, его антагониста и антипода.

Этим актом был ликвидирован не зрелый, боевитый пролетариат, а, после войн и революционных сражений, обескровленный, потерявший классовое лицо, аморфный и индифферентный. Такие бывшие пролетарские массы в некоторой перспективе показали себя в качестве очень удобного для правящей советской верхушки послушного попутчика.

Правда, за это попутничество (выдаваемое за активность «социальной опоры социализма») требовалось платить. Об этом я уже сказал в двадцать первой главе. К сказанному тогда о «прянике» добавлю информацию и о таком «платёжном средстве», как эксплуатируемые высшей бюрократией несомненные завоевания революции (бесплатное образование и медицина, предоставление жилья, дома культуры, клубы, библиотеки, профсоюзные путёвки...).

В нашем суррогатно-коммунистическом королевстве кривых зеркал нормальный нэповский социализм преподносился как нечто временное, полное вступление в свои права ползучего термидора — как «победа социализма», революционеры-марксисты — как вредители и шпионы... Не приходится удивляться, что и фактическое уничтожение пролетариата было преподнесено как его освобождение от буржуазной эксплуатации. В «науке» даже утвердилась норма, согласно которой этот «освобождённый пролетариат» стал именоваться рабочим классом.

После сказанного об уничтожении пролетариата ясно, что эту новоявленную «философскую категорию» («рабочий класс») как минимум следует урезать наполовину — никакой класс (в отсутствие буржуазии) здесь не просматривается. Не просматривается нами. Но просматривается «теоретиками» «реального социализ-

ма». Принадлежность к «рабочему классу» определялась ими (определяется и сейчас) всего лишь родом деятельности (станочник, строитель, железнодорожник, водитель, сантехник...). В действительности же она определяется прежде всего эксплуатацией со стороны буржуазии.

Вторым по значимости актом в деле форсированного стирания социально-классовых различий, на мой взгляд, явилась сталинская коллективизация. В результате её успешного осуществления (для термидорианцев это — действительно успех) крестьянство, которое в отсутствие эксплуататоров-землевладельцев уже классом не являлось, было по сути дела огосударствлено, превращено в своего рода рабочих (теперь все труженики, как города, так и деревни, стали государственными работниками). Таким образом (без запятой) крестьяне и рабочие номинально (но не фактически) были выравнены. Формула «дружественные классы» стала, если можно так выразиться, всеохватывающей.

Сюда же (ко второму акту) я отношу и сталинскую индустриализацию, потребовавшую массу рабочих рук для промышленности. Такие руки дал хлынувший в города поток деревенских переселенцев. Это ещё более нивелировало общественную структуру. Города без устали перемалывали состоящие из внеклассовых рабочих и внеклассовых крестьян массы.

Третьим актом (его, наверное, лучше назвать более или менее перманентным мероприятием) явилось перелопачивание социальной структуры общества, взятого в целом (взятого и в другом смысле, взятого в суррогатно-коммунистический оборот). В результате этого, как я выразился, перелопачивания произошла инверсия социальных слоёв.

«Рабочий класс» в материальном плане был существенно приподнят — попутчику и опоре термидорианцев надо платить (заработная плата рабочего в суррогате коммунизма в 2–3 раза превышала заработную плату работника умственного труда, хотя вклад рабочего в совокупный общественный продукт значительно уступал вкладу врача, учителя, вообще работника интеллектуальной сферы). Раздавленное коллективизацией крестьянство было оставлено при своих (угроза деревенского бунта после подавления вызванных коллективизацией выступлений была снята с повестки дня). Слои, связанные с интеллектуальным трудом (учителя, врачи, инженеры, работники культуры...), были опущены.

Что мы имеем в итоге этого трёхактного «преобразования» социально-классовой структуры? Коммунизм? Конечно, нет, только лишь его суррогат. Но надо признать, левакам удалось немало сделать на милом их сердцу поприще. Для суррогата коммунистического выравнивания сделанного ими более чем достаточно.

Суррогат не требует подобия оригиналу, пределом данного суррогата является не уничтожение социально-классовой структуры, а её, так сказать, размазывание. Что было, посредством насилия над людьми и историей, не без успеха и сделано.

Я предполагал остановиться на двух основополагающих моментах коммунизма и его суррогатного воплощения в незрелую для коммунизма действительность. Будем считать, что один момент («преобразование» социально-классовой структуры) мы отработали. Переходим к следующему.

Технологической основой коммунизма, и об этом мы говорили ранее, служит автоматизация. Значит и суррогатный коммунизм должен характеризоваться каким-то подобием автоматизации. Только вот вы скажете, читатель: а возможно ли подобие автоматизации без соответствующего ей материального обеспечения, по просту говоря, без компьютеризации?

Жизнь показала, что бескомпьютерный суррогат автоматизации возможен и успешно (опять же для правящей верхушки) осуществим. Надо только поискать в докомпьютерном обществе своего рода эквиваленты компонентов настоящей автоматизации.

Правящие верхи ничего такого, поскольку не знали, что именно требуется найти, не искали. Но... сложилось так, что «нашли». «Нашли», совершив, пожалуй, самое масштабное насилие над людьми. Что же они «нашли» в качестве охватывающего всё общество автомата? Отложим ответ на этот вопрос на несколько минут. Он (ответ) сам всплывёт через некоторое время.

Вы знаете, уважаемый читатель, что любая автоматизированная система является в определённом смысле террористической организацией? Её функционирование требует неукоснительного исполнения преследующей чётко очерченные цели программы.

Разумеется, для успешного функционирования автоматизированной системы только лишь программы недостаточно. Перечислю, что ещё необходимо.

Это, во-первых, процессор, во-вторых, память, откуда вычерпывается необходимая для достижения цели информация, в-третьих,

рабочие органы (различные внешние устройства), в-четвёртых, если данная система связана с себе подобными, антивирус.

Перечисленное характеризует современную автоматизированную систему. Видимо, эти компоненты сохранятся и в коммунистическом будущем. А что же суррогатный коммунизм? Неужели и в докомпьютерную эпоху и, конечно, в совершенно иных формах и на совершенно иной предметной основе, всё это возможно? Оказывается, да. И такая суррогатная автоматизированная система, да ещё в масштабах огромной страны, способна успешно (для её пользователей — правящей верхушки) функционировать. Впрочем, судите сами. Пройдём по перечисленному.

Программа? Да. Это — программа партии с забитыми туда генеральными целями и различные, более конкретные так называемые народно-хозяйственные планы (пятилетние и прочие). Сюда же надо отнести и левацкие идеологические установки.

Процессор? Да. Это — Политбюро, ЦК, Секретариат партии, её лидер, правительство и разные подправительственные органы (очень качественный, многоуровневый процессор).

Память? Да. Вы без труда её обналичите. Я же, со своей стороны, замечу, что компьютерная память изменяема пользователем. Информацию, перерабатываемую процессором, можно корректировать сообразно изменившейся ситуации и (или) целям. Применительно к суррогатному коммунизму это означает, что изменять можно даже историю. Были ли такие казусы? Несомненно. Главный из них — переписывание истории под Сталина.

Рабочие органы? Да. Это — люди, превращённые в винтики. Но человек, как бы его не завинчивали, всё-таки отличается от железа. «Живой винтик», проявивший малейшее своеволие или даже просто способный проявить таковое, должен быть «исправлен» или ликвидирован. Мы знаем, как это делалось. Если действительная автоматизированная система является, уточню, условно террористической, то суррогатная — реально. Сталинская суррогатная автоматизированная система, по всей видимости, была практически предельно террористической для наших, советских условий.

Наконец, антивирус? Тоже да. Разве не эту, на проверку террористическую функцию в разное время исполняли различные суды, внесудебные органы («тройки» и пр.), КГБ?

Как видим, и по второму основополагающему моменту суррогат выказывает соответствие с будущим образцом. Разумеется, соответствие неполное. На то он и суррогат.

Говоря о неполном соответствии, я, наверное, должен указать на два, как мне представляется, важных отличия суррогата от образца.

Во-первых, если пользователем коммунистической автоматизированной системы является всё общество, пользователем какой-либо современной компьютеризированной системы — конкретное лицо, группа лиц или организация, то пользователем суррогата коммунистической системы — диктатор, а коли такого не имеется, правящая левокоммунистическая верхушка.

И во-вторых, если при коммунизме пользователь системы распоряжается вещами, то в условиях суррогатного коммунизма пользователь суррогата автоматизированной системы распоряжается людьми, превращёнными в вещи.

Здесь мы поставим точку. Программа главы выполнена, и нам остаётся только подбить её (главы) итоги.

1. В этой главе левацкий социализм предстал перед нами в ракурсе, заставляющем назвать его суррогатным коммунизмом. Думаю, такое наименование по прочтении главы вы безоговорочно приняли, читатель.

Любой суррогат является в той или иной мере ущербным воспроизведением не абстрактно взятого образца, а образца, расконкреченного в своих чертах, гранях, моментах. Анализ суррогатного коммунизма подтверждает эту истину.

В анализ, предпринятый в данной главе, мы взяли два основополагающих момента коммунизма и его левацкого суррогата.

2. Одним из рассмотренных нами моментов стало приведение общественной системы к социальному равенству.

Мы увидели, что правящие леваки в меру предоставленных им историей возможностей весьма преуспели в этом своём начинании.

У них, понятно, получилось не коммунистическое отмирание социально-классовых различий, а, как я выразился, размывание социально-классовой структуры. Но ведь это же суррогат! Образец для него недостижим.

3. Другим рассмотренным нами моментом явилась свойственная коммунизму автоматизация.

И здесь правящая верхушка, сфабриковав автоматизированную систему из наличного, в том числе и людского, материала, оправдала и реализовала своё псевдокоммунистическое рвение. Согласитесь, читатель, соорудить суррогат автоматизированной системы на таком допотопном базисе — задача не из лёгких.

4. Изучение насильственно сооружённого суррогата коммунизма имеет своей целью не только удовлетворение познавательного интереса.

Другим его, не менее важным позитивом является углубление представлений о действительном коммунизме. Ибо суррогат коммунизма включает в себя все (!) черты коммунистического будущего, в том числе и те, которые при «внесуррогатном» познании действительного коммунизма трудноуловимы.

ГЛАВА XXIII

РЕВОЛЮЦИЯ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА

Взглянув на заголовок, возможно, вы подумали, что автор, исчерпав себя по части коммунистической революции и коммунизма, решил порадовать любознательного читателя какими-то другими своими разработками.

Нет, мы по-прежнему придерживаемся взятого в начале книги курса, но одна, казалось бы, никак не связанная с коммунизмом разработка (с которой сейчас я вас познакомлю, читатель) не только не сойдёт нас со взятого курса, а, напротив, будет полезной и даже необходимой для его более чёткого прочерчивания. Эта разработка позволит нам дать ответы, по крайней мере, на три вопроса, которые уже значительное время висят безответными, один — с шестнадцатой главы, другой — с шестой, а третий — со второй. Вас, конечно, интересует, что это за вопросы? Потерпите, пожалуйста. И прошу вас, не заглядывайте в названные главы. Давайте сохраним интригу до окончания настоящей главы.

В этой главе мы поднимемся на такую высоту (это слово здесь я употребляю в философском смысле), на какую даже не заглядывались на протяжении всего нашего исследовательского пути. С набранной нами высоты мы окинем взглядом историю Вселенной, структурируем её (историю), найдём место социального во вселенском процессе и определим его (социального) функцию. Эта функция позволит нам ответить на тройку «залежавшихся» вопросов. А теперь — за работу.

Наша Вселенная, согласно современным представлениям, родилась около 14 млрд лет назад в ходе и результате Большого взрыва. С тех пор она постоянно увеличивается в размере, разбухает, расширяется, охлаждаясь при этом. На базе количественных изменений происходят качественные сдвиги, Вселенная развивается.

История Вселенной есть история её развития. А там, где имеет место развитие, возможно структурирование и создание периодизации. Для этого надо всего лишь найти критерии, пронизывающие

всю историю Вселенной, от зарождения до схождения с исторической сцены.

Существуют ли такие критерии? Если да, каковы они? Да, такие критерии имеются. Назову два основополагающих: энергетический и пространственный. На всём историческом пути Вселенной её наиболее продвинутым формам (разумеется, и менее развитым) свойственно определённое энергетическое состояние (его выражением является температура) и определённое пространственное расположение. Опираясь на изменение данных показателей в ходе вселенской истории, совсем нетрудно вселенскую историю структурировать.

Поскольку космология является для нас всего лишь мостиком, ведущим к ответу на обществоведческие вопросы, мы вполне можем ограничиться использованием одного критерия, например, температурного (энергетического). Выводы, к которым мы придём при «урезанном» анализе, от этого нисколько не пострадают. Если вы, уважаемый читатель, захотите глубже проникнуться космическим, можете почитать одну мою специальную (но написанную простым языком и без формул) работу, где в оборот взяты оба названных критерия и структура вселенского процесса обоснована намного более детально¹. Однако, к делу.

Сразу же после своего рождения Вселенная была невероятно горячей. В таких условиях могли существовать только примитивные проточастицы.

По мере остывания Вселенной, с каждым его шагом всё более усложнялось её материальное наполнение. За проточастицами последовали до сей поры существующие элементарные частицы, затем ядра, позже атомы. При температуре менее пяти тысяч градусов появилась возможность соединения атомов в молекулы. Более сложные — органические — соединения потребовали ещё более низких температур².

Такова в самом кратком изложении температурная история «неживого» периода вселенской истории. Этот период (горячей и тёплой Вселенной, от её появления до времени молекул включительно) я называю физико-химическим. Данный период охватывает добрую часть вселенской истории. Следующие её периоды, ибо вселенская история ускоряется, будут существенно короче.

¹ В. И. Искрин. До Большого взрыва: За горизонтом физики. СПб., 2016.

² Думаю, понятно, что, говоря о более развитых формах организации материи, я «заселяю» ими не всю Вселенную, а лишь пригодные для них в температурном отношении локусы.

Отмеченные мною изменения при колоссальном падении температуры тем не менее имеют характер эволюции. Но эволюция, как известно, рано или поздно приходит к своему пределу, за которым маячит новое качество.

Действительно, далее вселенское развитие переваливает через водораздел (по своему материальному содержанию он является органо-химическим), за которым уже при сверхнизких температурах (в диапазоне приблизительно в две сотни градусов, по сотне по обеим сторонам нуля) конституируется новое, более высокое качество, качество живого. Вселенная вступает в свой следующий — биологический период. Узкий температурный диапазон живого являет собой противоположность широкого диапазона неживых, добиологических материальных форм. А биологическое, следовательно, является противоположностью физико-химического.

Нам известна только земная жизнь. Может быть, она является, так сказать, космическим, вселенским исключением? Не думаю. Колоссальные масштабы вселенского мира в общем-то дают достаточно определённый ответ на этот вопрос.

Приостановимся, читатель. Посмотрим на прочерченную нами линию вселенского развития. На ней, по направлению вектора прогресса, мы расположили физико-химический период, органо-химический революционный переход к более высокому качеству и, если можно так выразиться, более качественный биологический период. Структура истории Вселенной начинает вырисовываться. Возникает вопрос: что дальше?

Вслед за биологическим развёртывается социальное. Но их нельзя ставить на одну доску. Социальная форма двухкомпонентна. Наряду с биологическим, животным («родимыми пятнами» старого) в её состав входит и нечто от нового, противоположного биологическому. Древние метко называли человека думающим животным.

Каково же историческое место социального? Социальная форма организации материи, будучи двухкомпонентной, является переходной, если хотите, буферной, зажатой в истории с одной стороны животным, с другой — формой будущего, которую, в общем-то следуя установкам древних, я называю логической.

Существование человеческого общества (бытие социального) требует более высоких температур, чем просто живое. Так ли это

в действительности? Так. И я имею в виду отнюдь не горение душ грешников в геенне огненной (в этой гипотезе, как и Лаплас в гипотезе творца, мы не нуждаемся). Свойственный и необходимый социальному температурный подъём не распространяется на телесность человека (о душе пусть рассуждают богословы). Вы спросите: тогда на что же он распространяется? Охотно отвечаю.

В марксизме есть совершенно не противоречащее действительности, а, напротив, её адекватно отображающее понятие «неорганическое тело общества». В него («тело») входит всё то, что создано и что создаётся человеком. Именно здесь, будучи атрибутом развития, по мере роста общества идёт повышение температуры. Сейчас, в эпоху высвобождения взрывной ядерной энергии, оглядываясь назад и видя тусклые костры древних людей, мы понимаем, какой колоссальный «температурный рывок» сделало человечество (между прочим, «температурная экспансия» началась ещё в рамках биологического периода — наш животный предок за миллион лет с лишним до появления человека уже умел, разумеется, на инстинкте, добывать и поддерживать огонь).

Не приходится сомневаться, что после социального водораздела «температурная экспансия» будет продолжена. Развитие сообщества, которое придёт на смену обществу переходных существ, с необходимостью будет характеризоваться более высокими и растущими энергетическими показателями. Третий период вселенской истории в температурном плане, как и во всех других отношениях, станет противоположностью низко- и узкотемпературного биологического периода.

Приостановимся ещё раз. Теперь мы можем «нарисовать» уже всю — структурированную — вселенскую историю. Она состоит из трёх качественно отличных один от другого периодов: физико-химического, биологического и логического. На стыке первого и второго находится органо-химический буфер (переход от первого ко второму, от физико-химического к биологическому), на стыке второго и третьего — социальный. Нас, конечно, интересует последний. И мы им сейчас займёмся. Но прежде, в интересах лучшего понимания вселенского процесса развития мы нарисуем (в прямом смысле этого слова) вселенскую историю в её температурном (энергетическом) разрезе или, иначе говоря, переведём сказанное в графику. Вот что у нас получится (рис. 12).

Рис. 12

Наверное, я громко выразился, сказав, что мы займёмся социальным буфером. Для необходимой нам его оценки достаточно будет одного абзаца.

Революционные переходы от одного качественного состояния к другому знает не только общество. Революция — универсальное и, даже можно сказать, всеобщее явление. Сейчас мы столкнулись с природной революцией, с революцией вселенского масштаба. Да, социальная организация материи представляет собой революционное явление. Человеческое прогрессирующее бытие является одной из двух известных нам на сегодня самых масштабных природных революций (другой революцией того же уровня, той же значимости и той же — буферной — функции является органо-химическая). А поскольку это так, мы можем... перейти к ответам на «висящие» вопросы.

Первый из них «скрывается» во второй главе. Посмотрите на рис. 1. Он кажется незавершённым. Вроде бы на нём не хватает двух революций, в начале и в конце человеческой истории. Так должны ли они там быть или нет? Нет, конечно. Рисунок завершён. Революция (переход от биологического к логическому) не нуждается в каких бы то ни было пристройках. Если бы мы их там разместили, они были бы так же, мягко говоря, искусственны, как «переходный период от капитализма к социализму». Доказательство отсутствия чего-то зачастую имеет не меньшее значение, чем доказательство существования.

На второй вопрос (он поставлен в шестой главе) мы в общем-то уже ответили. В той главе я заметил, «что на нашем исследовательском поле обнаружатся ещё два вида революций». Какие революции я имел в виду? Во-первых, частичную. Её мы достаточ-

но детально проработали. Во-вторых, и это — ответ на второй «ви-сящий» вопрос, ту, которую только что выявили. Нам осталось её только назвать. Поскольку революции называются по имени утверждаемого ими строя (порядка, формы организации материи), выявленную в этой главе революцию следует назвать логической. Таким образом, прогрессирующее социальное бытие есть логическая революция, революция, представляющая собой переход от биологической материальной формы к логической.

Наконец, третий вопрос. Ответ на него мне представляется для нашего предприятия более важным, чем ответы на два предыдущих. В шестнадцатой главе коммунизм я квалифицировал в качестве «последней формы общественного устройства». Ранее эта мысль была «забита» в рис. 1 и 3. Но это была, хотя и логичная, но всё-таки скорее декларация, чем доказательство. Сейчас мы можем не декларировать, а совершенно определённо утверждать, что коммунизмом действительно завершается человеческая история. Основанием для этого служит история общества как революционный переход.

Любая революция как переход от низшего, старого к более высокому, новому с необходимостью состоит только и только из трёх периодов, не больше и не меньше. Напомню вам, читатель, что первый период характеризуется превосходством старого над новым, второй — их динамичным равновесием, третий — превосходством нового над старым. Третий период есть последний период революции. В порядке декларации ранее я поставил коммунизм на третье, последнее место в истории человечества (это место для коммунизма «резервирует» закон отрицания отрицания, который, как вы помните, мы использовали; так что декларация имеет определённую основу). Теперь, показав, что социальная форма в своём развитии является трёхпериодной революцией, мы прочно прикрепили коммунизм к завершению человеческой истории. Теперь без всяких сомнений и колебаний мы можем утверждать, что коммунизм действительно представляет собой «последнюю форму общественного устройства». В таких случаях говорят: что и требовалось доказать.

Этим доказательством не ограничиваются находки данной главы.

Казалось бы, совершенно не связанная с обществоведением «космическая» разработка (структурирование вселенской истории) позволяет ответить на целую группу сугубо социальных вопросов. Таких вопросов, прояснить которые на «земном» базисе, на мой взгляд, вообще невозможно.

Соберём в итогах главы наши самые ценные «пришедшие из космоса» обществоведческие приобретения.

1. Первой нашей находкой явилась структурированная история Вселенной.

Определившись с этим, казалось бы, «заоблачным» вопросом, мы построили мостик, ведущий к ответам на поставленные ранее и до настоящего времени остававшиеся без ответов обществоведческие вопросы. Без обзора истории Вселенной, думаю, это было бы невозможно.

Замечу к тому же, что любые «побочные знания» весьма полезны в плане общего развития исследователя и продуктивны в решении далеко отстоящих от «побочных знаний» проблем.

2. «Мостик» привёл нас к пониманию революционной сущности социального феномена.

История человечества предстала перед нами как революция, переводящая вселенскую материю на более высокую ступень развития. Эту революцию, по имени утверждаемой ею формы, мы назвали логической.

На сегодня логическая революция представляется мне самой масштабной и значимой из всех известных революций. Может быть, в будущем какие-то новые данные позволят обнаружить в развитии мироздания и революционные переходы более высокого порядка.

3. Нам удалось определить с началом и концом человеческой истории.

Мы выяснили, что история человечества, являясь революционным переходом от одной формы вселенской организации (биологической) к другой (логической), не нуждается в каких бы то ни было краевых пристройках. Мы отвергли напрашивающиеся на начало и завершение истории какие-то революции.

Доказать отсутствие чего-то бывает не менее важно, чем доказать присутствие.

4. Пожалуй, наиболее ценной находкой главы стало определение исторического места коммунизма.

Революционная сущность социального заставляет поставить коммунизм на последнее место в историческом процессе.

Теперь безоговорочно доказано, что коммунизм являет собой «последнюю форму общественного устройства».

ГЛАВА XXIV

ХРОНОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Вы дочитываете книгу. Круг замыкается. В этой, последней главе мы вернёмся к проблематике начала работы. Опять в центре нашего внимания окажется взятая в целом человеческая история, её структура, отдельные этапы общественного развития.

Думаю, вы понимаете, читатель, что повторяться я не собираюсь. Значит мы несколько иначе посмотрим на историческое развитие человечества? Да, и это отражено в названии главы, предметом нашего интереса станет хронологическая составляющая истории.

Занятие хронологией, пожалуй, является самым неблагоприятным. Зачастую бывает трудно и даже невозможно определиться с хронологией прошлого. Что же тогда говорить о будущем. А нам, занимающимся коммунистической революцией и коммунизмом, по необходимости придётся заглянуть за горизонт. Признáюсь, читатель, я мог бы сделать это и раньше (в прочитанный вами текст местами напрашивались хронологические вставки), но, как видите, тянул до последнего. Сейчас, когда я, как говорится, припёрт к стенке, и отступать некуда, мне по обязанности перед вами и нашим предприятием просто необходимо, чтобы рассмотренное ранее приобрело законченный вид, расставить хронологические точки над важными для нас содержательными «i».

Таких точек я предполагаю расставить три. Иначе говоря, нам предстоит рассмотреть три хронологических вопроса.

Первый вопрос касается истории в целом и её темпа. Почему это важно? Как известно, человеческое общество развивается, ускоряясь, по экспоненте. Значит, чем более правильную экспоненту мы построим, тем точнее будут наши представления о её будущем восхождении, о временных параметрах грядущего.

В чём здесь проблема? Проблема состоит в определении исторического нуля, в нахождении той «точки» (правильнее: исторической полосы), от которой ведёт свой отсчёт человеческое общество.

Помню, в годы мой молодости считалось, что мыслящий человек (*Homo sapiens*) появился приблизительно 60 тыс. лет назад. Затем, прежде всего на основе свежих археологических находок, исторический нуль отодвигался всё дальше и дальше от нашего времени. Сейчас он установлен на отметке примерно 100 тыс. лет. Похоже, что это действительно так.

Согласием с данным сроком я категорически отвергаю точку зрения, согласно которой человек и общество появились миллионы лет назад. К сожалению, такой взгляд, можно даже сказать, процветает. В чём ущербность этого взгляда и его приверженцев? Исследователи, считающие, что социальность зародилась миллионы лет назад, основывают свою точку зрения на свойственном нашим столь далёким предкам орудийном труде. Основывают, совершенно не принимая в расчёт, что труд с помощью произведённых самим тружеником орудий может быть инстинктивным, животным. Подтверждением реальности такого — инстинктивного — орудийного труда является жизнедеятельность многих видов братьев наших меньших. К тому же, чтобы считаться и быть человеком, помимо способности орудийно трудиться, надо обладать и другими человеческими чертами, например, речью. Человек есть комплекс атрибутов, а не один лишь орудийный труд. Доказать, что древнейший «человек» не владел речью, не составляет большого труда. Но я не буду этого делать, ибо вопрос о происхождении человека и человечества слишком далёк от нашей работы. Нас интересует лишь констатация «местонахождения» исторического нуля.

Интересно, можно ли на начало истории выйти более или менее теоретическим образом, абстрагируясь от археологических и этнографических данных? Да, на этот вопрос я должен ответить утвердительно. Так, например, пытался поступить, выискивая истоки социального, Поршневу. Этот незаурядный учёный предполагал, что известный по писаной истории отрезок социальной экспоненты, будучи продлённым против хода времени, вглубь истории, может попасть в искомый исторический нуль (кстати, выражение «исторический нуль» принадлежит Поршневу)¹.

Такому способу выяснения времени начала истории в логике не откажешь. Только вот меткость такого «выстрела», и, думаю, это понятно (надо ведь предельно аккуратно разобраться с писаной

¹ Б. Ф. Поршневу. О начале человеческой истории. М., 1974, стр. 32.

историей, прежде всего с древнейшими рабовладельческими цивилизациями), оставляет желать лучшего. На мой взгляд, есть другие, я бы даже сказал, в чём-то изящные и, главное, более точные и надёжные способы. Но, опасаясь перегрузить главу попутным материалом, я не буду на них останавливаться. Лучше я отошлю вас, уважаемый читатель, к какой-нибудь своей работе, где вопрос о происхождении человека и общества рассматривается достаточно детально¹.

Примем здесь без проработки отстоящее от нас на 100 тыс. лет время за точку отсчёта истории общества и подумаем, что это нам даёт.

Это нам даёт максимально адекватную действительности экспоненту, даже, поскольку мы находимся в конце истории, практически всю её длину². И, следовательно, судить о будущем темпе истории мы можем достаточно правдоподобно.

В будущем лежит коммунистическая революция, её дальнейшее течение. Можем ли мы, прогнозируя её длительность, на кого-либо опереться? К сожалению, нет. «Мудрецы» с их националистическими прожектами не в счёт, а авторитетные марксисты-интернационалисты... Приведу три суждения по интересующему нас вопросу.

Так, Ленин оставлял «совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания (отмирания государства, что означает наступление коммунизма — В.И.), ибо материала для решения таких вопросов *нет*»³.

Маркс, считавший, что революция «не будет кратковременной», на более чем полстолетия раньше высказался более определённо, но тем не менее достаточно осторожно и иносказательно: «Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вёл через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир,

¹ См.: В.И. Искрин. Загадка вены каменного века. СПб., 2013, стр. 139–144.

² В порядке небезынтересной для нас информации сообщу вам, читатель, что, по мнению Энгельса (конец 70-х гг. XIX в.), «... мы, по всей вероятности, находимся ещё почти в самом начале человеческой истории». Далее Энгельс предполагает, что его оценка, «надо полагать», будет поправлена лишь через несколько поколений. Что ж, видимо, мы относимся к тому поколению, которому, на основе объективных данных, по силам внести эту поправку (см.: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 87).

³ В.И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 96.

но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира»¹. Думается, Маркс прилично поубавлял продолжительность коммунистической революции.

Троцкий же совсем неосторожен (неосторожностью я называю указание конкретных сроков) и опрометчив. По его мнению (1923 г.), «эпоха социальной революции будет длиться в мировом масштабе не месяцы, а годы и десятилетия — десятилетия, но не века и тем более тысячелетия» (правда, у меня нет полной уверенности, что в цитируемой работе Троцкий завершает свою «эпоху социальной революции» полным коммунизмом)².

Чуть далее Троцкий говорит о «20–30–50» годах, которые займёт революция³.

Как же мы решим этот вопрос (это второй вопрос данной главы)? Какое время мы выделим коммунистической революции?

Оттолкнёмся от Троцкого. Конечно, и это показала история, коммунистическая революция не прокручивается в течение десятилетий. Но и тысячелетий она не требует. Для становления коммунизма необходимы столетия. Сколько? Два (у нас за спиной уже одно), три, четыре, пять, шесть...? Скорее всего, мы не ошибёмся, если укажем на начало данного ряда. Каковы основания такого суждения? Их два. Во-первых, темп истории и, во-вторых, те изменения действительности, которые объективно ведут к коммунизму.

Таково моё мнение о длительности коммунистической революции. Вы рассчитывали на большее, читатель? К сожалению (а, может быть, к счастью) не могу вас порадовать «точностью». Хронометраж будущего требует не просто осторожности, а осторожности, осторожности и ещё раз осторожности. «Точность» здесь тождественна авантюризму.

После коммунистической революции наступает время коммунизма. Что это за время? Каковая длительность «последней формы общественного устройства»?

Коммунизм, на мой взгляд, очень интересен и специфичен в хронологическом плане. Разобраться с хронологической спецификой коммунизма нам поможет капитализм.

¹ К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 80.

² Л. Троцкий. Литература и революция. М., 1991, стр. 146.

³ Там же, стр. 150.

Полноценный (конкурентный) капитализм сложился где-то за серединой XIX века (отклонение от этого времени на одно-два десятилетия в ту или иную сторону совершенно не повлияет на вывод, к которому мы сейчас придём). Сколько времени он просуществовал в таком, как я выразился, полноценном виде? Да совсем ничего. Почти сразу же, вслед за несколькими годами органичного развития, капитализм начал подвергаться своему отрицанию. Самозародились и стали развиваться монополии, на «теле» капитализма появились язвы, сначала местные, локальные империалистические войны, затем — первая мировая, инициировавшая коммунистическую революцию. Настоящего (конкурентного) капитализма практически не было в истории. Действительность обязывает нас сделать только один вывод: капитализм в хронологическом плане явился мимолётным строем, строем-эфемером, его дальнейшее развитие оказалось поглощённым коммунистической революцией.

Занимаясь наукой и сталкиваясь с каким-то феноменом, всегда ставишь вопрос: является ли этот феномен исключением? И начинаешь искать. Поищем и мы. Может быть, в своей мимолётности капитализм не одинок? Оказывается, не одинок. Мимолётной является и последняя стадия (формация) первобытного строя. Она поглощается эксплуататорской революцией. Выходит, под мимолётность подпадает последний строй мегаформации.

А что же коммунизм? Правда, он стоит на последнем месте не в мегаформации, а в истории. Тем не менее по всем признакам он обещает быть эфемером, обещает выказать не меньшую мимолётность (а, может быть, даже и большую), чем другие «последние в ряду». На то имеются определённые основания.

Изначально коммунизм представляет собой мировой строй. «Неорганическим телом» коммунистического человечества становится вся планета (процесс превращения Земли в «неорганическое тело» запущен уже сейчас). А что же дальше? А дальше — только выход за пределы дома, становящегося и ставшего «тесным» для человеческого общества. В противном случае — остановка развития.

В прошлом каждый шаг развития общества был связан с освоением новых пространственных сфер. Более чем земная и, следовательно, качественно отличная от земной сфера должна быть связана с более чем земным, более чем общественным качеством. Таковым может быть только качество логического. Коммунизм,

только оформившись (если успеет), неизбежно должен стать поглощаемым логическим мироустройством, а человек коммунистического будущего должен становиться в процессе этого поглощения засоциальным существом. Такой метаморфозы, скоротечной метаморфозы, требует логика истории, её реалии и темп развития.

Вывод под нашим третьим вопросом (этот вопрос — о длительности коммунизма) напрашивается, если в двух словах, следующий: коммунизм мимолётен. А если чуть более пространно: длительность коммунизма исключительно мала.

Будущая история наверняка подтвердит этот прогноз. И тогда логические существа, если им это будет интересно, возведут мимолётность коммунизма (и мимолётность вообще) в ранг закона. Правда, я склонен ранг закона присвоить мимолётности уже сейчас. Опрометчиво? Не думаю. Узаконить мимолётность коммунизма требует пусть пока робко, но тем не менее всё интенсивнее и интенсивнее, теряющая черты социальности действительность (взять хотя бы генную инженерию, как и другое вмешательство в людской компонент материального носителя социальной формы, или, скажем, начала освоения космического пространства).

Чувствую, читатель, мы уходим в закоммунистическую даль. Видимо, под главой пора подвести черту и увенчать её (главу) итогами.

1. Определив «местонахождение» исторического нуля (отстоящего от нашего времени приблизительно на 100 тыс. лет), мы, посредством максимально адекватной действительности социальной экспоненты облегчили решение вопроса о продолжительности коммунистической революции.

2. Продолжительность коммунистической революции не может составлять ни десятилетия (что отринуто историей), ни тысячелетия.

Если ценой деления тысячелетней временной шкалы, приложенной к началу коммунистической революции, сделать сотню, то завершение коммунистической революции мы найдём в начале данной шкалы. На это указывают как теоретические прикидки, так и темп истории и устремлённая в будущее действительность.

При этом мы должны учитывать, что коммунистическая революция прорвалась в самом начале предоставленного ей историей входа. Это обстоятельство несколько растягивает коммунистическую революцию во времени. Иными слова-

ми, коммунистическая революция могла бы иметь и меньшую длительность, если бы её начало по каким-то причинам было отодвинуто.

3. Что касается коммунизма, он предстал перед нами в совершенно необычном «хронологическом обличьи».

Всё (как теория, так и действительность) свидетельствует о том, что строй видящийся «мудрецам» вечным и бесконечно совершенствующимся, в действительности окажется исключительно кратковременным, мимолётным, окажется строем-эфемером.

Коммунизм со своей скоротечностью составит компанию тем отрезкам (формациям) истории, которые, будучи последними в своём формационном ряду, уже успели продемонстрировать свою эфемерность. По всей видимости, коммунизм даже побьёт рекорд скоротечности (не исключено, что уже коммунистическая революция, завершаясь, начнёт поглощаться логическим).

Содержательной «судьбой» мимолётных исторических образований является их поглощение последующей исторической формой.

4. Коммунизм можно рассматривать как в качестве реального, динамичного и кратковременного (мимолётного) строя, так и в качестве идеального, относительно статичного и разделённого какой-то весомой длительностью.

Ранее мы уделили внимание (в частности, в главе «Коммунизм») идеальной ипостаси коммунизма. Думаю, рассмотрение коммунизма в двух его ракурсах способствует лучшему пониманию этого строя.

Таковы итоги данной главы.

Подошла к концу и книга. Теперь можно подвести и общий итог проделанной работы. Сформулирую его одной фразой и в сослагательном наклонении.

Если бы какой-то критик к названию прочитанной вами работы добавил подзаголовок «Основы теории коммунистической революции», я был бы весьма удовлетворён и, нескромно скажу, с ним согласен.

26.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ГЛАВА I. Эволюция и революция	8
ГЛАВА II. Структура истории	14
ГЛАВА III. Соразвитие народов	20
ГЛАВА IV. Капиталистическое и коммунистическое выравнивание.....	25
ГЛАВА V. Симметрия истории	33
ГЛАВА VI. «Анатомия» социальной революции	41
ГЛАВА VII. Союз растворяющихся наций	48
ГЛАВА VIII. «Анатомия» коммунистической революции	55
ГЛАВА IX. Очереди капиталистических революций	63
ГЛАВА X. Очереди коммунистических революций	71
ГЛАВА XI. Забегание революции и реакция.....	80
ГЛАВА XII. Первоначальный нэп	88
ГЛАВА XIII. Военный коммунизм	96
ГЛАВА XIV. Самоотермидор	105
ГЛАВА XV. Главная ошибка Маркса	114
ГЛАВА XVI. Коммунизм.....	124
ГЛАВА XVII. «Словам ведь соответствуют понятия»	133
ГЛАВА XVIII. Их дорога в «коммунизм»	143
ГЛАВА XIX. Национальные «коммунизмы»	152
ГЛАВА XX. «Развитой социализм».....	161
ГЛАВА XXI. Две «болезни» социализма	170
ГЛАВА XXII. Режим суррогатного коммунизма	179
ГЛАВА XXIII. Революция вселенского масштаба	188
ГЛАВА XXIV. Хронология будущего	195

12+

Владимир Иванович Искрин
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*В настоящем издании сохранены
авторские орфография и пунктуация*

Оригинал-макет А. А. Крыласов
Дизайн обложки А. А. Крыласов

Подписано в печать 15.02.2023. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 12,8

Тираж 150 экз. Заказ № 2905

Отпечатано в типографии
Издательского центра «Свет»
Тел. (812)235-15-86

Новая работа В.И. Искрина посвящена ключевому явлению нашей эпохи, явлению, разворачивающемуся уже в течение доброго столетия и, как ни парадоксально, совершенно не «потревоженному» научной мыслью.

Название этого явления вы видите на обложке книги.

Автор так заканчивает книгу: если бы мой критик к названию этой работы добавил подзаголовок «Основы теории коммунистической революции», я был бы весьма удовлетворён.

Автор скромничает. Его работа намного шире обозначенного названием. По сути дела, это — основы теории общественного развития.

Книга, как и другие работы В.И. Искрина, являясь научным трудом (содержащим десятки теоретических новинок), тем не менее проста в чтении и будет доступна и понятна любому более или менее образованному читателю.

ISBN 978-5-9076-8504-8

9 785907 685048 >